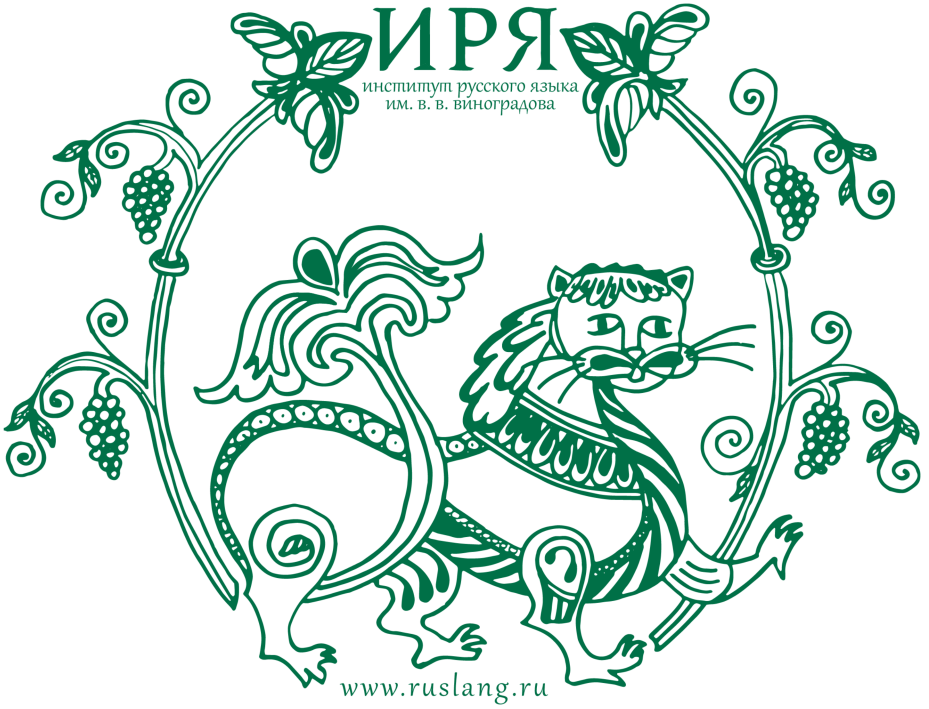
4
Г-76

ГРАММАТИКА И НОРМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ
КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ
КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ
КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ
КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ


ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ГРАММАТИКА И НОРМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1977

Сборник посвящен анализу сложных и недостаточно разработанных теоретических и практических вопросов нормы в словообразовании и грамматике. Рассматриваются как общетеоретические проблемы нормы, так и конкретные вопросы нормативной оценки явлений разных уровней современного русского языка.

Редакционная коллегия:
В. А. ИЦКОВИЧ, Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
Л. И. СКВОРЦОВ (ответственный редактор)

4
Г-76
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
72042

Г 70102-123
042(02)-77 353-77

© Издательство «Наука», 1977 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга продолжает серию тематических сборников сектора культуры русской речи Института русского языка АН СССР.

Сборник, в котором участвуют сотрудники Института русского языка АН СССР, а также ряда учебных заведений страны, посвящен анализу сложных и недостаточно разработанных теоретических и практических вопросов нормы в словообразовании и грамматике. Рассматриваются как общетеоретические проблемы нормы, так и конкретные вопросы нормативной оценки явлений разных уровней современного языка.

Статья В. Н. Хохлачевой обращена к проблеме словообразовательного значения, которая получает решение в нормативном аспекте. Статья Г. И. Миськевич посвящена анализу словообразовательной нормы на материале неологизмов последнего времени. В статье А. Г. Лыкова исследуются окказионализмы в их отношении к словообразовательной норме. Статья Е. Л. Гинзбурга устанавливает производящее слово в словообразовательном гнезде и разрабатывает критерии направления производности. К названным работам словообразовательного направления примыкает статья Л. К. Чельцовой, описывающая разряды имен существительных множественного числа, выступающих в номинативной функции.

Следующая группа статей посвящена нормам словоизменения. Л. К. Граудина дает описание словоизменительных вариантов в грамматике, показывает удельный вес каждого из грамматических типов вариантов в основных грамматических категориях существительного. А. Б. Копелиович рассматривает грамматические характеристики так называемых слов общего рода в современных словарях. Б. С. Шварцкопф выявляет пределы словоизменения именных компонентов фразеологизма.

В статьях В. А. Ицковича и М. И. Морозовой описываются некоторые типы синтаксических конструкций. Предмет статьи Л. Н. Кузнецовой — орфоэпические нор-

мы; анализируется произношение окончаний прилагательных на -гий, -кий, -хий. Замыкающая сборник статья А. А. Брагиной обращена к описанию процессов словообразования при ассимиляции заимствований в русском языке.

Все статьи сборника объединяет единый подход к анализу литературной нормы как к динамической, объективной языковой категории. Это не исключает возможности расхождения авторов как во мнениях по общим вопросам, так и в оценках конкретных фактов.

Авторы надеются, что материалы сборника будут способствовать расширению исследований проблем нормы в области словообразования и грамматики, а также решению многих практических вопросов.

Авторы и редколлегия выражают благодарность рецензентам — докторам филологических наук А. Н. Кожину и И. С. Улуханову, прочитавшим сборник в рукописи и сделавшим ценные замечания.

ПРОБЛЕМА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

(к понятию нормы в словообразовании)

В. Н. Хохлачева

1

В составе проблем, формирующих современное учение о словообразовании, проблема словообразовательного значения, несомненно, относится к центральным. С содержательным раскрытием понятия словообразовательного значения, выявлением его специфических черт в значительной степени связаны общие вопросы определения словообразования как «самостоятельного яруса языковой структуры» и соответственно особого раздела языкознания. Это положение подтверждается и тем, что понятие словообразовательного значения входит составной частью в определение единицы словообразования — словообразовательного типа, или модели; тождество словообразовательного значения производных указывает на единство словообразовательного типа. Но указанная проблема относится к числу и наиболее сложных, прежде всего потому, что приемы исследования и описания соответствующих явлений не всегда оказываются достаточными для непосредственного ее решения. В частности, определения словообразовательного значения, приложимые к понятию каждого конкретного словообразовательного типа (модели), не имеют прямого выхода к общему — инвариантному — его определению как научному понятию. Сошлемся на примеры определений словообразовательного значения применительно к каждому из словообразовательных типов (имеется в виду материал субстантивного словообразования), данных в «Грамматике современного русского

литературного языка» [1]. Вот некоторые из определений, сгруппированные, вслед за «Грамматикой», в более общие разряды 1) «носитель признака» (стр. 77) [2], «отвлеченный признак» (91) в границах словообразования существительных, «мотивированных прилагательными» и 2) «носитель процессуального признака» (46) и «значение отвлеченного действия» (65) в границах словообразования существительных, мотивированных глаголами.

1) «Существительные с суфф. *-ик(-ник)-овик* имеют общее значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом» (77); «Существительные с суфф. *-щик/-чик* обозначают лицо, характеризующееся отношением к признаку или предмету, названному мотивирующим прилагательным или словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения» (78); «Существительные с суфф. *-ец/-овец/-авец...* имеют общее значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» (79); «Существительные с суфф. *-ист* обозначают лицо, характеризующееся свойством, взглядами, идейным направлением или сферой занятий, которые названы мотивирующим прилагательным или словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения» (81); «Существительные с суфф. *-ач* обозначают предмет (одушевленный или неодушевленный), явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» (82); «Существительные женск. и общего рода с суффиксом, представленным морфом *-к(а)*..., имеют общее значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом» (82) и др.

«Существительные с суфф. *-ость/-ность...* составляют наиболее продуктивный тип образования слов с отвлеченным значением признака, свойства» (91); «Существительные с суфф. *-ств(о)-еств(о)-инств(о)* обозначают признак, названный мотивирующим прилагательным» (93); «Существительное с суфф. *-щин(а)/-чин(а)* имеют общее зна-

[1] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970 (см. раздел «Словообразование имен существительных», автор — В. В. Лопатин).

[2] Здесь и далее в скобках указываются страницы цитируемой «Грамматики...»

чение «бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, представляющее собой признак, названный мотивирующим прилагательным», с оттенком порицания» (94); «Существительные с суфф. *-изм*, обозначающие признак, представляют собой названия общественно-политических, научных или эстетических направлений, систем, а также качеств и склонностей» (95) и др.

2) «Существительные с суфф. *-тель/-итель* обозначают лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом» (46); «Существительные с суфф. *-ник* имеют то же общее значение, что и в предыдущем типе» (47); «Существительные с суфф. *-щик/-чик* обозначают лицо или предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом» (48); «Существительные с суфф. *-ак*... обозначают предмет, явление, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом» (50) и др.

«Значение существительных с суфф. *-ниj*. Существительные данного типа обозначают действие как процесс» (68); «Существительные с суфф. *-к(а)*... обозначают действие по глаголу» (68); «Существительные с суфф. *-ств(о)*... обозначают действие по глаголу» (71); «Существительные с суфф. *-н(я)*... обозначают действие по глаголу» (72); «Существительные с суфф. *-ость/-ть/-ность* обозначают действие (состояние) по глаголу» (73) и др.

Стереотип формулировок (число подобных им можно легко увеличить) позволяет подойти к вопросу общего принципа, положенного в основу определений. Таким общим принципом является отражение в них существенного признака производности — мотивированного значения производных слов значением слов производящих. Текст определений построен так, что содержит указания на модификацию значения «первичной» (производящей, или мотивирующей) основы, в результате чего и формируется значение основы «вторичной», т. е. производной (мотивированной). Эти положения, составившие основу построения раздела «Словообразование имен существительных», полностью вмещаются в концепцию производности, разработанную Г. О. Винокуром [3]. Но существенным пробелом в построениях, предложенных в «Грамма-

[3] См. *Г. О. Винокур*. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 420—421, 423, 425 и др.

тике», является отсутствие указания на направленность смысловой модификации основ и пределы ее воздействия. Не ясно, достаточно ли назвать общий признак мотивированности значения («действие по глаголу», «носитель признака» и т. д.) или необходима конкретизация этого признака, указание на направленность этой мотивированности и ее границы. Этот вопрос мог бы и не возникать в связи с обращением к «Грамматике», если бы она не допускала отклонений в соответствующих формулировках и не прибегала к конкретизированным определениям. Примером последних (из числа процитированных выше) могут служить определения значений существительных с суффиксами *-ист*, *-щина*, *-изм*, где нашли отражение и направленность модификации значения первичной основы — к большей содержательности (сужению) признака, названного производным словом, по сравнению с более широким признаком, названным производящим, и пределы этой модификации — лексическое (или лексикализованное) значение производных [4].

К сожалению, не удается установить, имеем ли мы дело с противоречивыми формулировками или разобщенность принципов определений предусмотрена авторской концепцией. Если справедливо последнее, то в чем скрыто обоснование различных принципов определений; если предположить противоречие в применении принципов, то каковы пути его преодоления — отказ от конкретизации в определении словообразовательного значения в сто-

[4] «Конкретизированные» определения в «Грамматике» применяются в двух вариантах. Во-первых, вместо обобщающих определений, как это видно из приведенных выше примеров определений значения существительных с суффиксами *-ист*, *-изм*, *-щина*. Во-вторых, в сочетании с обобщающим определением. Последнее можно проиллюстрировать хотя бы примером определения значения «существительных женск. и общего рода с суфф., представленным морфом *-к(а)*», имеющих, наряду с обобщающим определением («предмет... характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом»), определения, отражающие лексическое значение этих существительных: «Слова этого типа называют: 1) лицо; 2) животное; 3) растение; 4) помещение и т. д.» (стр. 82). Если эти варианты определений воссоединить с третьим — обобщающим определением без какой-либо конкретизации, ориентированной на лексические значения входящих в этот тип словообразовательных структур, то нетрудно видеть теоретическую зыбкость принципов, положенных в основу решения проблемы словообразовательного значения.

рону его обобщенности или, напротив, введение этой конкретизации в принцип определения? Эти неясности нашли отражение и в определении словообразовательного значения как научного понятия, данном в разделе «Словообразование. Основные понятия» [5] в том же труде: «Словообразовательное значение — это значение, присущее слову в целом (а не отдельной словоформе или нескольким словоформам) и формально выраженное внутрисловными средствами у части слов, относящихся к данной части речи. Оно занимает промежуточное положение между лексическим значением... и грамматическим категориальным значением, выраженным у всех слов данной части речи» (стр. 37). В связи с данным определением хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, тезис о «промежуточном положении» словообразовательного значения не способствует раскрытию словообразования как имманентного языкового явления, а скорее свидетельствует о нерешенности этой проблемы, во-вторых, формулировки определений словообразовательного значения, приложимые к каждому отдельно взятому словообразовательному типу, не имеют непосредственного выхода к обобщенному — инвариантному — определению понятия словообразовательного значения в той редакции, которая предложена самой «Грамматикой». Дальнейшее развитие идей словообразования, в частности, проблемы словообразовательного значения, по нашему мнению, зависит от совершенствования приемов анализа, разработок методологии исследования, предусматривающей связь частных и общих определений с учетом их внутренней иерархии на шкале абстракций.

Несомненно, что инвариантное определение понятия представляет собой высшую абстракцию по сравнению с определениями, накладываемыми на один из вариантов общего отношения, формирующего объект в целом. Отсюда следует два вывода методологического характера. Во-первых, инвариантное определение не может быть в принципе непосредственно выведено из частных определений, во-вторых, частные определения не могут противоречить или хотя бы не быть согласованными с определением общим (инвариантным). Выход может быть только один — искать ответ на поставленный вопрос в сфере более общих

[5] Авторы раздела В. В. Лопатин и И. С. Улуханов.

отношений, вмещающих как любой частный факт, так и любые обобщения наблюдений над неограниченным числом фактов одного порядка (класса).

Попытке найти некоторое решение сформулированной таким образом задачи с учетом имеющегося в языкознании опыта в этой области и посвящена настоящая статья.

2

Словообразовательное значение как научное понятие не имеет пока удовлетворяющего определения: «термин «словообразовательное значение» используется сравнительно давно, но до сих пор не имеет даже приблизительно одинакового толкования, а в некоторых случаях почти полностью лишен содержательной интерпретации» [6]. В этих условиях особую важность приобретает анализ причин сложившейся ситуации, без чего невозможны какие-либо наметки решений в этой области.

Прежде всего следует отметить, что проблема словообразовательного значения неотделима от общей проблемы словообразовательных отношений, или отношений производности. Это указывает на сложность первой и на необходимость решать одну из них в тесной зависимости от решения другой. Поэтому вполне понятно, что предложенные исследователями определения словообразовательного значения есть отражение и выражение словообразовательных концепций, которые формируются под прямым воздействием принятого за исходное представления о словообразовательном значении [7].

Диалектика такой связи позволяет выделить проблему словообразовательного значения в самостоятельный объект, не упуская из виду при этом ее органическую нерасторжимость с проблемой отношений производности (словообразовательных отношений), взятую во всем объеме относящихся сюда вопросов.

---

[6] *Р. С. Гинзбург.* К вопросу о типологии значения. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний». М., 1974, стр. 149.

[7] См. замечания по поводу различных толкований этого понятия в концепциях, восходящих к разным «лингвистическим школам», нашедшим отражения в определениях аппликативной грамматики, «Грамматике русского литературного языка», в указанной статье Р. С. Гинзбург.

Упомянутая нерасторжимость заключена в природе основного признака словообразовательного значения — его обусловленности. Особую сложность представляет собой характер этой обусловленности. Ее не удается трактовать как прямолинейную зависимость каких-либо единиц. Она обнаруживается в сложных связях и взаимодействиях явлений, и задача сводится в определении этих явлений и связей между ними. То и другое вмещается в понятие отношений производности (словообразовательных отношений). Поэтому начать разыскания в намеченном направлении целесообразно с уточнения содержательной стороны современного учения о словообразовании.

Современное учение о словообразовании исходит из толкования производности как единства двух планов, двух аспектов: аспекта формального (структурного) и аспекта семантического (смыслового). Формальный аспект реализуется в совокупности морфонологических и морфологических средств выражения производности, семантический — в значении производных единиц. Как мы видели на примере решения проблемы «Грамматикой», истолкование значения производных единиц как непосредственно мотивированных не ведет к обобщенному определению словообразовательного значения как понятия. Это обстоятельство позволяет предположить, что словообразовательное значение есть не непосредственно наблюдаемый факт, а искомая величина, понятие, теоретически выводимое из наблюдений, произведенных на определенном уровне абстракций. Нахождение уровня абстракции составляет основную задачу настоящей статьи, как и любой другой работы аналогичной тематики.

Из изложенного толкования производности как единства формального и семантического аспектов может быть извлечено несколько уровней обобщения, на которых допустимо искать решение проблемы: 1) уровень аспектов производности; 2) уровень производного слова как непосредственного воплощения этих аспектов и 3) уровень словообразовательного типа (модели) как обобщающей совокупности одноструктурных единиц. Далее рассматриваем «решаемость» проблемы словообразовательного значения на выделенных уровнях.

1) Словообразовательное значение не соотносимо ни с одним из аспектов производности, взятом в отдельности:

формальный аспект допускает только морфологическую интерпретацию словообразовательных отношений и морфологическое истолкование словообразовательного значения; семантический аспект этому препятствует, ибо он реализуется в собственно значениях производных слов и не может избежать лексических истолкований. Аналитическое расчленение единого явления производности не может считаться достаточным приемом для определения понятия словообразовательного значения.

2) Производное слово — простейшая единица синтеза на пути содержательного раскрытия отношений производности и тесно связанного с этим решения проблемы словообразовательного значения [8]. Производное слово представляет собой объективированную реализацию единства указанных выше аспектов производности и стихийно воспринимается в качестве бесспорного носителя словообразовательного значения как значения обусловленного. Однако этим не снимается вопрос о достаточности уровня производного слова при определении инвариантного словообразовательного значения. Известный ответ может быть получен при определении принципиальных возможностей, которые могут быть достигнуты, если в качестве объекта анализа иметь производное слово. Иными словами, позволяют ли границы реально допустимого анализа производного слова прийти к содержательным выводам в области поставленной проблемы. Если в границах такого анализа устанавливаются понятия и отношения, позволяющие приблизиться к искомому определению, то уровень производного слова следует признать достаточным для решения поставленной задачи. Естественно, что отрицательный ответ повлечет необходимость новых поисков в намеченном направлении.

Производное слово манифестирует связь и взаимодействие основ — производящей и производной. Именно в пределах этих связей и взаимодействий скрываются кон-

---

[8] В ряде концепций производное слово определяется как единица словообразовательного уровня, или системы, ср.: «Центральной единицей словообразования было и остается понятие производного» (*Е. С. Кубрякова.* Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний», стр. 94); *Она же.* Что такое словообразование. М., 1965, стр. 22 и след.

кретные признаки и конкретные свойства обусловленного значения производных. В каких содержательных границах может быть раскрыта эта обусловленность в условиях закрепления понятия единицы анализа за производным словом?

Границы и направленность анализа производного слова ведут к вычленению из его состава производящей основы (или установлению производящего слова — эти понятия не различаются в исследовательской практике, что может считаться теоретически вполне оправданным) и словообразующего форманта (сюда включается представление о любых средствах, передающих отношения производности — аффиксация, чередование, конверсия, нулевая суффиксация и т. д.) [9].

В поле зрения исследователя оказываются три языковых единицы — два полнозначных слова — производное и производящее — и формальный элемент (в дальнейших рассуждениях опираемся на суженное толкование его как аффиксальной морфемы: выводы, разработанные на

[9] Считаем, что тождество словообразовательного объекта вполне доказуемо в пределах этих трех понятий. Поэтому не можем согласиться с имеющими место попытками включить в словообразовательные признаки слова его словоизменительные характеристики. Ср. в этой связи: *Н. А. Янко-Триницкая.* Закономерности связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 85 и сл., где, например, так определяется понятие модели: «Модель — это структурная схема производных слов с указанием аффиксов и категориальной характеристики производящей основы, например: основа глагола + *тель* (+ система флексий II склонения)» (стр. 85). Впрочем, несколько позже автор поясняет свою позицию: «В дальнейшем мы будем указывать не систему флексий, а только форму именительного падежа для имени и форму инфинитива для глагола» (стр. 87, сн.). Но при описании отдельных слов, а не связного текста, что вполне приемлемо при описании явлений словообразования, трудно обойтись без «указания на форму именительного падежа имени» или форму инфинитива глагола», не рискуя полностью «обесформить» слово — объект описания. Эти недоразумения лишний раз свидетельствуют о незначимости словоизменительных характеристик при словообразовательном анализе, если эти характеристики не служат цели раскрытия словообразовательной структуры слова. Система флексий словоизменения имен таким целям не служит. Классификационные же принципы глагола включают основообразующие признаки и их взаимосвязь, в этих случаях «указывать форму инфинитива для глагола», разумеется, недостаточно. Впрочем, здесь речь может идти только не «о системе флексий».

понятии аффиксальной морфемы, без особого труда могут быть распространены на область явлений с иными средствами передачи отношений производности) — аффиксальная морфема. В акте словопроизводства три названные единицы различаются функционально — производящее слово и аффиксальная морфема — определяющие факторы, производное — определяемая в своих значениях величина [10]. Тем самым обусловленность значения производного слова, т. е. искомая в данном случае величина, заключена в связях, выделяемых в процессе анализа единиц — взаимодействии основ, которые большинством исследователей интерпретируются как отношения производности, и в классифицирующей роли аффиксальной морфемы [11].

Связи основ, наблюдаемые на уровне производного слова, допускают бинарные сопоставления, из которых в принципе и должно быть выведено значение производного слова в его обобщенном (инвариантном) истолковании.

При бинарных сопоставлениях, т. е. при определении отношений производности в рамках формальной и семантической связи двух слов, пары слов, двуплановые связи основ согласованного истолкования не получают.

Семантическая связь основ, устанавливаемая на бинарных сопоставлениях, может получить только лексическое обоснование. Иными словами, установление значения производного слова в условиях сопоставления двух слов, пары слов не может преодолеть границы лексиче-

---

[10] Ср.: Между парами слов существуют отношения, члены которого можно представить следующим образом:

Производящее слово = аргумент функции.
Производное слово = значение функции.

Словообразовательный формант = функция, ставящая в соответствие производящее слово производному (*П. А. Соболева.* Моделирование словообразования. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1972, стр. 167).

[11] Ср.: «Между парой слов, характеризующейся отношениями производности, устанавливается и формальная и семантическая связь» (*Е. С. Кубрякова.* Что такое словообразование, стр. 27); «Словообразовательные отношения возникают тогда, когда между двумя однокоренными образованиями... складывается двуплановая зависимость — структурная и семантическая» (там же, стр. 33).

ского значения [12]. Но такой интерпретации словообразовательного значения препятствует обобщающее значение формального элемента в составе производного слова: классифицирующая функция суффиксальной морфемы или средств, ей функционально идентичных (чередования конца производящей основы, нулевая аффиксация и т. д.), не совпадает с лексическим истолкованием словообразовательного значения и находится с ним в противоречии. И здесь мы вынуждены констатировать ту же ситуацию непримиримости смысловой и формальной интерпретации словообразовательных отношений, которая помешала прямому соотнесению словообразовательного значения с одним из аспектов производности.

Кроме того, и это не менее важно, словообразовательное значение, устанавливаемое на сопоставлении двух слов, пары слов, как бы ни было оно обобщенным, принципиально не может подвести к инвариантному определению этого понятия.

Пара слов не дает оснований для перехода от семантической системы данной пары слов к семантике других пар. Семантическая значимость каждой данной пары выявляется путем включения в семантическую структуру словообразования. Подлежит доказательству, что отношения, заключенные в каждой данной паре слов, тождественны отношениям некоторых семантических структур, некоторых абстрактных единств (некоторых семантических инвариантов). Естественно, что должна быть определена операция, в результате которой могут быть установлены отношения каждой пары слов к некоторым семантическим категориям, не выводимым из значения каждой данной пары слов.

---

[12] Об этом свидетельствует лексикографический аспект осмысления словообразовательных явлений, ср.: «Эта особенность производных основ (обусловленность их значения сопоставлением с производящими.— *В. Х.*) и дает возможность определить их значение посредством ссылки на значение производящей основы... Как известно, именно таким путем строится подавляющее большинство всяких формулировок и определений» (*Н. А. Крылов.* Типы основ в русском языке. «НДВШ. Филологические науки», 1963, № 2, стр. 34); «Основными типами толкований значений слов в толковых словарях являются: толкование посредством подборки синонимов... и толкование, которое осуществляется посредством объяснения значений данного слова через значение родственных (одноосновных) слов» (там же).

Тот факт, что производное слово в любом случае оказывается отнесенным к «некоторым семантическим категориям» в результате наличия в его составе аффиксальной морфемы (ср. вопросы, касающиеся модифицирующей и транспонирующей функции суффиксальных морфем), не только не снимает противоречий, связанных с аспектом отношений двух слов, пары слов и отношений производности, но и значительно их углубляет.

Во-первых, присоединение производной единицы к семантическим категориям посредством аффиксальной (суффиксальной) морфемы в ряде случаев (для существительных — весьма часто) неоднозначно. Ср., например, многозначность и полифункциональность суффикса *-ина*, выявляемую на примере слов *морщина*, *горошина*, *быстрина* и под., суффикса *-ник-* на примере слов *школьник*, *умник*, *преступник*; *свекольник*, *коровник* и под. Неоднозначность словообразовательной интерпретации слов с одним и тем же суффиксом указывает на то, что абстрактные категории и абстрактная семантика, выраженные суффиксом, не есть собственно словообразовательные категории и собственно словообразовательная семантика [13]. Во-вторых, отнесение производной единицы к абстрактным единствам и абстрактным категориям на основе суффиксальной морфемы противоречит идее отношений двух слов как отношений производности: бинарные сопоставления теряют смысл, если вся полнота семантики выражена аффиксом. В-третьих, к абстрактным единствам оказываются присоединенными не пары слов, связанные определенными отношениями, а производная единица как таковая. Тем самым отношения между словами утрачивают какой-либо смысл в процедуре анализа.

Из сказанного делаем вывод о недостаточности уровня производного слова, допускающего лишь бинарные сопоставления в качестве приема анализа, для обобщенного определения словообразовательного значения. На уровне производного слова не удается избежать ранее отмеченных противоречий между формальным и семантическим выражением производности, без чего невозможны инвариантные определения словообразовательных категорий.

---

[13] Так, категория одушевленности/неодушевленности, включающая и различающая единицы *школьник* и *свекольник*, к словообразовательным категориям не относится.

3) Следующая ступень — абстракция, к которой обращаются исследователи, продолжая поиски в намеченном направлении,— это понятие словообразовательного типа, или словообразовательной модели.

Большинство определений этого понятия включает в качестве непременного компонента характеристику взаимодействия основ — производных и производящих, связывая исход этого взаимодействия с представлением о словообразовательном значении [14].

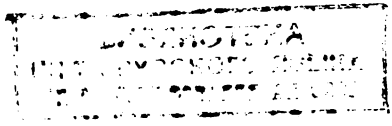
Но при рассмотрении условий решения проблемы словообразовательного значения на уровне словообразовательного типа (модели) необходимо учесть следующие обстоятельства. Во-первых, введение в научное обращение понятия словообразовательного типа (по-видимому, это произошло в начале 60-х годов одновременно в советском языкознании и за рубежом, в частности, в чешской лингвистике [15]), включающего в качестве одного из определяющих компонентов идею взаимодействия (семантического) основ, отнюдь не сопровождалось каким-либо содержательным раскрытием этого взаимодействия, которое по-прежнему оставалось искомой величиной. Во-вторых, введение понятия словообразовательного типа означало переход от метода бинарных сопоставлений к методу обращения с неограниченным множеством однотипных единиц [16]. Оба эти обстоятельства в совокупности ставили перед исследователями новые еще более сложные задачи: требовалось решать вопрос словообразовательного значения относительно явления словообразования, взятого в полном объеме. Само же явление, наблюдаемое на уровне объединений структурно однотипных единиц

www.ruslang.ru

[14] Ср., например, определение словообразовательного типа в «Грамматике 1970».

[15] См., например: *M. Dokulil.* Tvoření slov v češtině. Praha, 1962.

[16] Ср., впрочем, замечания по поводу сравнений метода бинарных сопоставлений и метода «множества форм»: «...Хотя берется множество форм, но в сущности категория множества... совершенно необязательна, вполне достаточным оказывается сопоставление именно четырех форм (двух бинарных оппозиций), образующих квадрат. Даже когда рассуждение простирается на большее количество форм, непосредственное сравнение касается всегда именно четырех, схема квадрата как бы передвигается по множеству форм, выкраивая для него сравнения все время по четыре формы в любом случайном порядке» (*Ю. С. Степанов.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, стр. 43).



(словообразовательного типа), оказалось не свободным от внутренних противоречий.

«Камнем преткновения» на пути определения словообразовательного значения лежит совершенно реальный языковой факт, или — шире — языковое явление, заключающееся в том, что словообразовательное значение, если исходить из представления о нем как об общем всем производным по данной модели словам, свойственно лишь части (большей или меньшей — это не существенно) моделей. Производным же по другим моделям свойственно не иметь общего значения, для них характерны конкретные лексические значения, устанавливаемые, как принято считать, в словарном порядке. Тем самым в самих языковых отношениях скрыт источник трудностей в определении словообразовательного значения, которые значительно увеличиваются от того, что речь идет не о частных или расположенных на периферии языковых явлениях, а о явлениях центральных, отражающих суть словообразовательных связей и отношений. Без объяснения их невозможно прийти к каким-либо убедительным заключениям по теории словообразования. Достаточно сказать, что от решений относительно этого вопроса зависят суждения о месте словообразования в структуре языка и в системе лингвистических дисциплин.

Понятно, что без соответствующей теории указанное явление не может получить согласованного объяснения. Мы остановимся на одном теоретическом построении, выходящем за рамки собственно словообразовательных проблем, имеющем равное значение в разных областях лингвистических отношений. Речь идет о противопоставлении системы норме, об антиномии «система — норма», применяемой к объяснению указанного явления, но по выводам распространяющихся на значительно более широкий круг языковых объектов.

Наиболее законченную реализацию тезис «система противопоставляется норме» применительно к явлению словообразования и — уже — к явлению словообразовательного значения получает в статье Н. Д. Арутюновой [17].

В своих построениях Н. Д. Арутюнова, исходя из антиномии «система — норма», относит общее словообразо-

[17] См. *Н. Д. Арутюнова.* О понятии системы словообразования (на материале испанского языка).— НДВШ. Филологические науки, 1960, № 2.

вательное значение к «структурной функции модели», полностью проявляющейся в границах «системы словообразования», а конкретные лексические значения — к сфере действия «нормативных факторов». Автор пишет: «Словообразовательная конструкция заключает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова. Так, производные имена с суффиксом *-dor* указывают на исполнителя действия (предмет или лицо), обозначенного глагольной основой. Этим исчерпывается системная функция модели. Все те конкретные лексические значения, которыми обладают производные с суффиксом *-dor*, носят нормативный характер... Общая функция модели реализовалась в языке лишь в виде множества конкретно-предметных значений, которые все без труда подводятся под семантический тип действователя. Это дробление общего значения, характер предметной соотнесенности слов... связаны с действием языковой нормы... вся доза идиоматичности, содержащаяся в слове, разница между его реальным лексическим значением (часто более узким и определенным) и значением его морфологической структуры (обычно более общим и расплывчатым) регулируется нормой и должна исключаться, сбрасываться со счетов при построении системы словообразования, при выяснении функций моделей. Норма дополняет, конкретизирует модель при ее реализации, компенсирует недостающие в ней смысловые элементы, отсутствующую семантическую расчлененность» [18] и т. д.

Мысль автора ясна: реальные лексические значения не есть факт словообразования и не объяснимы (с предложенной позиции) заключенными в словообразовательной модели (типе) отношениями. Реальные лексические значения есть проявление нормы, закрепляющей эти значения за производными в словарном порядке.

Неясности, однако, заключаются в другом. Во-первых, это решение могло бы считаться действенным, если бы все наблюдаемые факты одинаково доказательно объяснялись им. Но в пределах противопоставления «система — норма» не находят объяснения факты, о которых сам автор говорит так: «...Разрыв между системным значением словообразовательной модели и лексическим значением образуемых по данной модели слов не для всех частей речи и

[18] *Н. Д. Арутюнова.* Указ. соч., стр. 25—26.

даже не для всех моделей одинаков. В одних случаях он сведен до минимума или практически отсутствует. В других случаях... он очень велик» [19]. Если производные разных моделей различаются разным соотношением общего словообразовательного и конкретного, лексического, значений, то почему причины этого различия нельзя искать во внутренних признаках самих этих моделей и в чем заключены основания для исключения этих признаков из числа собственно словообразовательных? Когда автор отмечает, что «разрыв» между системным значением словообразовательной модели и лексическим значением образуемых по данной модели слов очень велик «особенно в области образования существительных, т. е. части речи с предметным значением» [20], то тем самым прежде всего уточняются отличительные черты субстантивного словообразования по сравнению, например, с глагольным. Система словообразования не может предсказать, какое именно лексическое значение закрепится за производным, но система словообразования предсказывает, какого типа производные будут иметь эти значения, а какие — нет. Обусловленными также окажутся общие границы лексической семантики производных. Впрочем, автор не все явления, связанные с лексическими значениями производных, не обусловленными их структурой, выводит за пределы словообразования: «Если полисемантична не производящая основа, а сама конструкция, то действие нормы, фиксирующей одно из возможных значений слов, связано уже непосредственно с особенностями системы словообразования» [21]. Все это делает фактор нормы в регламентации последовательно наблюдаемых явлений далеко небесспорным [22].

Во-вторых, понятие нормы в исходных положениях применительно к решаемой проблеме не имеет убедитель-

---

[19] *Н. Д. Арутюнова.* Указ. соч., стр. 25.

[20] Там же, стр. 27.

[21] Там же, стр. 30.

[22] Слишком последовательное проявление нормы в данном случае наводит на мысль о существовании неких отношений, регулирующих самую норму. И пока не ясна область, в которой могли бы осуществиться поиски этих отношений, ставится под сомнение слишком действенная роль нормы, которая по сути дела совпадает с регламентирующим фактором для явлений, по регулярности которых можно предположить, что для них существуют вполне системные основы.

ного авторского истолкования: «под нормативным подразумеваются все те языковые факты, существование которых, являясь закономерным, не вытекает из системы языка» [23]. Но если формирование конкретных лексических значений производных автор относит к области лексики («уточнить структурную функцию моделей, освободив ее от груза многочисленных лексических значений конкретных слов» [24]), то и тогда непонятно, почему лексике отказано в «системности».

Таким образом, та «часть» значения производных, которая отнесена к конкретным и лексическим и исключена из «системных значений модели», не получает каких-либо достаточно обоснованных истолкований. Но не получает по сути дела объяснения и словообразовательное значение с точки зрения «системной функции соответствующей словообразовательной модели»: «Словообразовательная конструкция заключает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова» [25],— пишет автор, оставляя без ответа вопрос о том, следствием каких отношений системы, взаимодействием каких ее единиц является эта «обобщенная семантика», какова ее природа и способ выражения. Если, исходя из суждения, что «функциональным стержнем суффикса *-dor* является выражение активного отношения к действительности» [26], считать, что способом выражения обобщенной семантики является суффикс, то ранее уже высказывались соображения относительно характера обобщающей семантики суффикса, иногда отнюдь не словообразовательной. Постулируемая антиномия «система — норма» не приносит, как можно видеть из приведенного примера, убедительных результатов в интересующей нас области словообразовательных отношений.

Далее предложена серия наблюдений над материалом современного словообразования, основная цель которых заключается в попытке обнаружить диалектическую связь понятий системы и нормы, исключить их противопоставление в объяснении фактов «живой жизни» языка и по мере возможности подтвердить тезис «норма есть реализация системы».

---

[23] *Н. Д. Арутюнова.* Указ. соч., стр. 24.
[24] Там же, стр. 25.
[25] Там же, стр. 26.
[26] Там же, стр. 25.

Материал наблюдений ограничен рядом субстантивных моделей. Содержание и направление наблюдений (анализ материала) несколько отличаются от приемов, известных по работам аналогичной тематики. Эти отличия заключаются в следующем.

1) Наблюдения осуществляются в границах словообразовательного типа (модели) и сводятся к задаче установить взаимообуславливающую связь структуры модели (системное выражение модели) и ее функционирования (реализация структурной схемы модели в конкретных единицах языка).

2) Метод «логического и лингвистического квадрата», т. е. метод двойных бинарных оппозиций, заменяется приемом наблюдений над взаимодействием всех производных единиц со всеми производящими. Тождество единиц устанавливается на уровне структурного выражения модели. Взаимодействие производных и производящих выражается понятиями «равно» и «меньше»: реальность образования производных от каждого из производящих характеризуется в термине «равно»; ограничения, налагаемые на потенциально производящие в реальном словопроизводстве, характеризуются термином «меньше». Предполагается, что объяснение каждого конкретного соотношения производных и производящих, составляющего сущность отношений каждого словообразовательного типа и охарактеризованного в указанных терминах, подведет к выводу о содержании понятия словообразовательного значения.

В этом заключается «предварительная обработка материала», которая составляет конкретное отличие приемов исследования и означает по существу замену описания непосредственно наблюдаемых фактов установлением причинно-следственных связей между фактами, данными в наблюдении. При этом удается разграничить понятия данных в наблюдение фактов и теоретически выводимых из этих наблюдений понятий [27]. К последним относимо понятие словообразовательного значения.

---

[27] Ср. замечания Т. П. Ломтева о необходимости преодоления «непосредственного наблюдения за отдельным конкретным контекстом» и выхода в область «изучения всех возможных связей и отношений». (*Т. П. Ломтев.* Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958, «Введение»).

При описании материала, фрагментарность которого очевидна, внимание уделено словообразованию существительных от основ прилагательных и от основ существительных [28].

I. Словообразование существительных от основ прилагательных

1. Структурная схема модели: производящие отсубстантивные прилагательные на *-н-(-енн-*, *-онн-*, *-альн-* и т. д.), *-ов-/-ев-* — суфф. *-ик* — производные существительные со значением лица типа *западник*, *общественник*, *эксплуатационник*, *коммунальник*, *пищевик*, *шумовик* и под.

Функционирование данной словообразовательной структуры характеризуется следующими чертами.

а) Соотношение потенциально и реально производящих основ определяется следующими внутренними взаимодействиями.

Словообразование имен лиц по этой модели происходит от основ прилагательных, входящих в состав словосочетаний («прилагательное + существительное»), являющихся составным обозначением какого-либо понятия: *западное направление* (в противоположность славянофильству) — *западник*, *общественная работа — общественник*, *эксплуатационная служба — эксплуатационник*, *коммунальный отдел — коммунальник*, *пищевая промышленность— пищевик*, *шумовой оркестр — шумовик* и т. д. Словосочетания, в состав которых входит реально производящее прилагательное, обладают семантической стабильностью. Эта стабильность достигается тем, что прилагательное в данном сочетании выступает в одном из своих употреблений. В соответствии с этим существительные, входящие в это сочетание, ограничены или одним, единственно возможным существительным, или несколькими, семантически однотипными. Например, прилагательное *коммунальный* употребляется в сочетании с рядом существительных: *коммунальный дом*, *коммунальный банк*, *коммунальная квартира*, *коммунальные услуги*, *коммунальный отдел*,

[28] Использован материал опубликованной в 1969 г. работы «К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени»; там же см. главы отглагольного образования существительных.

коммунальное хозяйство. Существительное *коммунальник* реально произведено от прилагательного, входящего в сочетание с существительными *отдел* и *хозяйство*. Точно так же из всех сочетаний прилагательного *пищевой* (*пищевые запасы*, *пищевые продукты*, *пищевые отходы* и т. д.) реально производящим для существительного *пищевик* является прилагательное, употребленное в сочетании *пищевая промышленность*.

Таким образом, реальное участие прилагательных описанного строения в словопроизводстве имен лиц ограничено использованием каждого прилагательного в одном из его употреблений. То значение прилагательного, которое выводится из данного употребления, условно будем называть позиционно обусловленным частным значением.

Реальное участие прилагательных в словообразовании соответствующих существительных ограничено также наличием понятий, обозначаемых сочетанием прилагательного и существительного, и потребностью обозначить лицо по отношению к этим понятиям. Но эти ограничения носят внеязыковой характер.

б) Тот факт, что производящие основы, вступая в словообразовательные отношения, обладают не свободными, а позиционно обусловленными частными значениями, определяет вторую черту функционирования модели, а именно — соотношение производных с деривационным, то есть выводимым полностью из структуры производного слова, и конкретным лексическим, то есть полностью не выводимым из структуры производного слова, значением.

Если деривационное значение производных по этой модели слов вывести из структуры производных, то оно будет звучать так: «существительное, обозначающее лицо по отношению к признаку, названному производящей основой». Однако существительных с таким значением в языке не существует. Благодаря тому, что производящими являются прилагательные с позиционно частным значением, деривационное значение производных оказывается внутренне разрушенным. Производным свойственны частные и дробные лексические значения, опирающиеся на вещественное содержание понятия, названного словосочетанием, в целом, а не на содержание отдельных компонентов его сложного обозначения. Так, например, современное образование *государственник* в значении ‘сдающий государственные экзамены’ опирается в своей се-

мантике не на смысловую структуру слова *государственный вообще*, а на содержание конкретного понятия *государственные экзамены*, где прилагательное *государственный* семантически конкретизировано. Ср. также значение слов *естественник* 'занимающийся естественными науками, студент или преподаватель естественного факультета' и *искусственник* 'ребенок, находящийся на искусственном питании', которые, несмотря на тождество структуры, по сути дела представляют собой идиомы.

Производным данного типа несвойственны общие деривационные и свойственные частные, лексикализованные значения. Причем эти частные значения производных не есть, как иногда полагают, следствие их лексической изоляции, «отделения от первоначального гнезда слов» [29], а обусловлены системой внутренних соотношений и составляют характеристический элемент данной словообразовательной модели.

Важно установить, чем именно, какими внутренними отношениями обусловлено данное соотношение структуры модели и ее функционирования и чем вызваны ограничения производящих основ основами прилагательных с позиционно обусловленными частными значениями.

Эти ограничения вызваны тем, что деривационное значение, которое имели бы производные имена лиц вне этих ограничений, не соответствует категориальному значению личных существительных.

Личные существительные, обладая, как и все существительные, категориальным признаком грамматической предметности [30], кроме того, в противоположность существительным, обозначающим отвлеченный признак или отвлеченное действие, обладают особого рода «вещественностью», понятийной содержательностью, поскольку они называют конкретный предмет. Существительным, обозначающим лиц, в первую очередь свойственна номинативная функция.

Производные существительные, образованные от основ слов, обозначающих признак, приобретают необходимую

---

[29] Ср. *Ю. С. Сорокин*. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—50-е годы XIX века. М. — Л., 1965, стр. 14—15.

[30] См., например: *О. П. Суник*. Вопросы общей теории частей речи. «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов». М., 1965, стр. 6—7.

им «вещественность» содержания, предметную конкретность только в том случае, если производящим словом называется достаточно узкий и благодаря этому более содержательный признак. Относительные же прилагательные, образованные от имен нарицательных, обозначают самый общий и широкий признак отношения к названному в основе предмету или понятию (ср. *западный* прил. к *запад*, *пищевой* прил. к *пища* и т. д.) и обеднены в силу этого со стороны предметного содержания. Признак, называемый ими, широк и малосодержателен. Имена лиц, образованные непосредственно от основ относительных прилагательных, оказались бы семантически неопределенными и малосодержательными.

В составе же словосочетаний признак, выражаемый прилагательным, конкретизируется, сужается и становится содержательнее. Тем самым прилагательные приобретают семантические качества, необходимые для включения их в систему словообразования имен лиц по данной модели: прилагательные соответствующей структуры из потенциально производящих становятся реально производящими.

На примере этой модели достаточно хорошо раскрываются некоторые специфические черты словообразовательных отношений. Отчетливо виден сам факт взаимозависимости двух планов модели — структуры и ее функционирования. Процесс словопроизводства имен лиц по этой модели регулируется не только лексико-грамматическими свойствами производящих единиц, но равным образом и лексико-грамматическими свойствами производных. Устанавливается системная последовательность взаимодействия: а) отсубстантивные прилагательные определенной структуры, образованные от имен нарицательных, семантически недостаточны для непосредственного словопроизводства от их основ имен лиц, б) поэтому имена лиц с суффиксом *-ик* образуются от основ прилагательных с позиционно обусловленным, частным значением, в) в связи с этим производные обладают множеством частных и дробных значений.

Следовательно, особенно важно отметить, что позиционная обусловленность значений производящих прилагательных и лексикализации значений производных находятся между собой в тесной связи и вызваны такой общей причиной, как взаимодействие категориальных зна-

чений производного и производящего, а именно — семантической недостаточностью отсубстантивных прилагательных, образованных от имен нарицательных, для непосредственного участия в процессе словообразования личных существительных.

2. Структурная схема модели: прилагательные различной структуры и страдательные причастия на *-нн-*, *-т-*, *-м-* — суфф. *-ость* — существительные с общим значением отвлеченного качества.

Известно, что данная модель в эпоху нового времени и особенно в современном языке относится к числу наиболее продуктивных.

Словообразовательной морфеме *-ость* свойственны самые широкие связи с прилагательными различного строения, которые поддерживаются такой языковой закономерностью, как окачествление относительных прилагательных и адъективация страдательных причастий. Структурно выраженные ограничения производящих основ незначительны. Это — ударная флексия и суфф. *-ск(ий)*. производящего прилагательного. Но даже эти ограничения не носят категорического характера и в ряде случаев, особенно в терминологических областях, более или менее легко преодолеваются, ср., например, термины типа *слоговость*, *гнездовость* и ряд других подобных. Функционирование модели ограничено рядом условий.

1) а) Среди качественных прилагательных, составляющих основной костяк производящей базы, можно выделить несколько групп, довольно, впрочем, дробных и немногочисленных, от основ которых имена на *-ость* или не образуются, или образуются нерегулярно, при некоторых дополнительных условиях. Так, например, от основ прилагательных, называющих признак внешнего вида человека или животного, типа *носатый*, *бородатый*, *глазастый*, *широкоскулый* и под., имена на *-ость* регулярно не образуются. Они образуются лишь при таких дополнительных условиях, как наличие смысловых сдвигов в семантике самого прилагательного. Во-первых, тогда, когда внешний признак, названный прилагательным, осознается как отражение или примета внутреннего качества или используется как средство оценочной характеристики человека [31]

[31] Обычно образования этого типа появляются в целях поэтической выразительности, художественной образности, ср.: ...всюду брезжит светло, незапятнанно *ясноло́бость* симбирского маль-

или как классификационный признак животного. Ср. употребление слова *узкогрудость* как показателя внутренних физических качеств, слабосильности, болезненности человека, слова *узкозадость* как специального термина для характеристики животных, преимущественно лошадей и собак и т. д. Во-вторых, тогда, когда прилагательные в целом приобретают переносное значение, ср. *зубастый — зубастость*, *твердолобый — твердолобость*, *мягкотелый — мягкотелость*.

При этом сложный признак (*твердолобый*, *мягкотелый*) утрачивает свою семантическую членимость, а прилагательное — черты композита.

б) Имена на *-ость* не образуются или, образуясь, употребляются абсолютивно, без определяемых слов, если признак, названный однокоренным прилагательным, оказывается вообще недостаточно широким. Так, например, существительное *беглость* не употребляется абсолютивно, а лишь в сочетании с определяемыми существительными неодушевленными — *беглый взгляд*, *беглая игра*, *беглое чтение — беглость взгляда*, *игры*, *чтения*. Это объясняется, по-видимому, тем, что прилагательное *беглый* называет довольно узкий признак, не приложимый равным образом к любому явлению или человеку. Прилагательное *беглый* в применении к человеку означает не вообще 'убежавший', ср. *беглец*, а 'убежавший или из заключения или крепостной зависимости'. Такого же типа образование *скользкость*, которое в силу узости называемого производящим прилагательным признаком не может иметь абсолютивного употребления и сочетается с очень ограниченным кругом определенных имен, только тех, поверхность которых может быть скользкой; ср. *скользкость льда*, *ступени*.

Многие имена на *-ость*, подобные приведенным, образуясь, остаются или в сфере специальных терминологий, или в кругу окказионализмов. Это указывает на затруднения в их образовании в общелитературном языке.

чика (Евг. Евтушенко. Братская ГЭС); ...обжечься губами о его пламенную *вихрастость* (И. Эренбург. Рвач); И я не знаю, что ему сказать, Куда бежать с *глазастостью* своею (Т. Жирмунская. Глаза) (последние два примера взяты из: *М. А. Бакина*. Имена прилагательные как производящие основные современного словообразования. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 69).

в) Хорошо известны затруднения в словопроизводстве имен на *-ость* от основ прилагательных, не получивших устойчивых, словарных, «непереносных», качественных значений, и основ причастий, не утративших собственно процессуальных значений. Образование этих слов происходит главным образом в поэтической речи, в художественных целях. Ср.: ...Эта неблагодарность, с которою они расставались с идеей, эти свистки и комки грязи мне были невыносимы. *Сапожность* процесса пугала меня (Достоевский. Подросток); ...Тягость и *каторжность* этой работы не столько в трудности и беспрерывности ее, сколько в том, что она — принужденная, обязательная, из-под палки (Достоевский. Записки из Мертвого дома); ...Культуры не хватает... *Нахватанность* пророчеств не сулит... (Евг. Евтушенко. Братская ГЭС) и др. под.

Эти и некоторые другие ограничения в использовании основ, потенциально производящих, при словопроизводстве имен на *-ость* указывают на то, что процесс образования этих существительных регулируется и управляется соотношением определенных свойств производящих и производных единиц. Производящие прилагательные должны называть достаточно широкий признак, только в этом случае он может быть назван в субстантивной форме, то есть отвлеченно от своего носителя. Это понятно: ведь признак, названный отвлеченно, может быть, во-первых, приложим к любому предмету или явлению, разумеется, в пределах здравого смысла, во-вторых, субстантивной формой признак называется вообще в полном отвлечении от каких-либо даже предполагаемых носителей. В последнем случае существительное употребляется абсолютивно, вне сочетания с определяемыми словами. «Классическим образцом» имен на *-ость* являются слова, которые употребляются равным образом в сочетании с определяемым словом (*решительность отказа*) и абсолютивно (*решительность*).

2) Вторая черта функционирования данной словообразовательной структуры — соотношение производных с деривационным значением и производных с конкретизированными лексическими значениями — находится в непосредственной зависимости от свойств производящих прилагательных, от широты признака, ими называемого. Наблюдения показывают, что существительные на *-ость* с деривационным значением отвлеченного качества обра-

зуются от основ прилагательных, свободно, без каких-либо ограничений сочетающихся с существительными как одушевленными, так и неодушевленными. Это свидетельствует о широте называемого прилагательным признака. Если сочетаемость прилагательного ограничивается классом одушевленных или неодушевленных существительных или каким-либо другим, более частным признаком (типа прилагательных *беглый*, *скользкий*), то значение образованного от основы этого прилагательного имени на *-ость* выступает модифицированным, измененным по сравнению с деривационным. В этом источник разрастания системы семантических оттенков и значений имен на *-ость* («способность к какому-либо действию или возможность действия; степень, в какой осуществляется какое-либо действие; степень в проявлении качества и даже значения конкретного предмета») [32].

Если же признак, выраженный прилагательным, вообще недостаточно широк, то образование существительных или невозможно, или, что чаще, затруднено, происходит в особых условиях и целях.

Из всего сказанного следует, что основы прилагательных, как впрочем, и причастий, из числа обусловленных структурой модели, для того, чтобы стать реально производящими, должны обладать семантической достаточностью [33].

3. Структурная схема модели: производящие — отсубстантивные прилагательные на *-ский*, образованные от основ имен лиц, — суфф. *-ство* — производные — существительные со значением отвлеченного качества или

---

[32] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М., 1947, стр. 128.

[33] Имена существительные на *-ость* в современном языке представляют собой чрезвычайно сложную семантическую структуру. Изложенные здесь внутренние отношения, характеризующие эту словообразовательную категорию, не затрагивают специфики отношений, развивающихся на «периферии» модели, то есть при сочетании суффикса *-ость* с основами прилагательных несколько иной семантики, с ослабленным или модифицированным качественным или качественно-относительным значением. В этом случае модифицируется и общее значение производных. Чаще всего эти явления развиваются в специальных терминологиях. Однако периферийные отношения данной модели в общем мало изучены. Ср. попытку проникнуть в специфику этих отношений, сделанную в статье: *В. П. Даниленко* и *В. Н. Хохлачева.* О словах типа этажность. «Вопросы культуры речи», вып. VII. М., 1966.

(реже) собирательности типа *толстовство*, *школьничество*, *купечество* [34].

Для имен на *-ство* важное значение приобретает вопрос о реальных словообразовательных связях: что является подлинной производящей основой — имена существительные личные или прилагательные, производные от этих имен посредством суфф. *-ск(ий)*, т. е. что реально: *Толстой — толстовство*, *школьник — школьничество* или *Толстой — толстовский — толстовство*, *школьник — школьнический — школьничество*?

Остановимся на интерпретации словообразовательных связей имен на *-ство*, имеющих в основе нарицательные имена лиц — *купечество*, *банкротство*, *студенчество*. Нарицательные личные наименования — единицы, обладающие полной лингвистической характеристикой, подобно любой лексической единице, не являющейся ни собственным именем, ни аббревиатурой [35].

Определенные возможности ответить на вопрос о реальных словообразовательных связях дает анализ семантики существительных на *-ство*, имеющих в основе личное наименование — нарицательное.

Известно, что эти существительные на *-ство* представляют собой сложную семантическую структуру. Их лексические значения создают внутри класса имен на *-ство* в целом (имеются в виду только имена в основе с нарицательным личным существительным) группы и подгруппы, более или менее четко разграниченные между собой, ср.: *учительство*, *студенчество*, *школьничество*, *хулиганство*, *сапожничество*, *соглашательство*, *предательство* и мн. др.

Чем обусловлено значение существительных на *-ство*?

Существует взгляд, что эти существительные в своих

---

[34] Суфф. *-ство* в древности сочетался с большим числом основ — с основами глаголов (*убийство*, *воровство*); прилагательных непроизводных или образованных не от имен лиц (*богатство*, *коварство*); наречий, числительных, союзов, местоимений (*качество*, *свойство*, *единство*, *тождество*). Связи суфф. *-ство* с перечисленными основами в дальнейшем были утрачены; см. *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951, стр. 296.

[35] Соображения относительно «истинной словообразовательной формы слова» (Г. О. Винокур), имеющих в основе имена собственные или аббревиатуры, см. *В. Н. Хохлачева.* К истории отглагольного словообразования существительных..., стр. 24 и след.

значениях следуют за значениями соотносительных имен лиц и соответственно распределяются по группам. Так, если имена лиц обозначают название профессии (*сапожник*, *шофер*), то существительные на *-ство* являются отвлеченным наименованием профессии (*сапожничество*, *шоферство*) и т. д.

Но с этой точки зрения совершенно необъяснимо, почему существительные на *-ство*, имеющие в основе имена лиц тождественной семантики, в одном случае приобретают значение собирательности, а в другом его не имеют. От чего зависит тот факт, что существительное *школьничество* не имеет собирательного значения, означая отвлеченный признак, а *сотрудничество* обладает, наряду с другими, собирательным значением?

Вопрос проясняется, если в определении семантики имен на *-ство* исходить не из значений имен лиц, а из значений образованных от них прилагательных на *-ский*. Довольно последовательно прослеживается такая закономерность. 1) Если прилагательные на *-ский*, образованные от основ имен лиц, имеют и качественные, и относительные значения, возможно, даже с некоторым преобладанием относительных, то однокоренные имена на *-ство* будут иметь собирательные значения, совмещая их в ряде случаев со значениями отвлеченного качества или состояния. Так, например, прилагательные *боярский*, *дворянский*, *рыцарский*, *учительский*, *купеческий*, *студенческий*, *крестьянский*, *юношеский* и под. имеют основным значением ‘относящийся, принадлежащий указанному основой лицу’, явно преобладающим над значением ‘свойственный указанному основой лицу’. Соответственно производные от них существительные на *-ство* наряду со значением отвлеченного качества имеют собирательные значения — *боярство*, *дворянство*, *рыцарство*, *учительство*, *купечество*, *студенчество*, *крестьянство*, *юношество* и т. д. 2) Если прилагательные на *-ский* утратили или почти утратили относительные значения и имеют ярко выраженные качественные значения, называемый ими признак выступает как свойство лица, обозначенного в основе, то существительные на *-ство* имеют значения отвлеченного признака и не имеют собирательных значений. Так, прилагательные *барский*, *лакейский*, *шулерский*, *эпигонский*, *джентльменский*, *филистерский*, *иезуитский*, *гражданский*, *хулиганский* и под. имеют основным значением ‘свойствен-

ный указанному основой лицу', существительные, образованные от их основ, собирательных значений не имеют. Поскольку, как известно, между относительными и качественными значениями прилагательных на *-ский* нет резкой границы, то и собирательные значения у существительных, соотносительных с ними, могут появляться и, напротив, исчезать. Если учесть тот факт, что прилагательные на *-ский* имеют тенденцию к окачествлению в современном языке, то можно предположить, что собирательные значения у имен на *-ство* относятся к непродуктивной категории [36].

В тех же случаях, когда в словообразовательном ряду однокоренных образований, берущем начало от имени лица, прилагательное на *-ский* отсутствует, то производное на *-ство* соотносится с глагольными основами, чем и определяется его семантика: *сапожник — сапожничать — сапожничество*, *бродяга — бродяжничать — бродяжничество*.

Отмеченная зависимость общих значений существительных на *-ство* от общих значений прилагательных на *-ский* служит основанием для того, чтобы производящими основами для имен на *-ство* считать прилагательные на *-ский*, образованные от личных существительных. При отсутствии таких прилагательных существительные на *-ство* связаны отношениями производности с глаголами, а не с именами лиц. И это — особая модель образования.

Мысль о словообразовательной связи суфф. *-ство* с основами прилагательных на *-ский* поддерживается и наблюдениями над формальными особенностями производных

---

[36] Об этом свидетельствует утрата собирательных значений у ряда существительных, имевших их в более ранние эпохи, ср., например: церковь уже была наполнена *гражданством* обоего пола (И. Дм. Взгляд на мою жизнь); ср. также современное окказиональное употребление: *Дезертирство* от неожиданности затихло, пораскрывало рты. Ср., впрочем, другую точку зрения (Э. М. Ножкина. О значении и употреблении имен существительных с суффиксом *-ство* в современном русском литературном языке. «Вопросы стилистики», вып. 1. Саратов, 1962), согласно которой собирательные значения у имен на *-ство* относятся к продуктивным.

См. также: *Г. И. Миськевич.* Системные закономерности образования собирательных имен существительных. «Памяти акад. В. В. Виноградова. Сборник статей». М., 1971, стр. 118—119.

имен: суфф. *-ство* присоединяется к основе, по своему строению полностью совпадающей с основой прилагательного на *-ский* по опущении *-ский*. Все преобразования конца основы, чередования, наращения и т. д., происходящие при образовании прилагательных на *-ский*, без изменений повторяются в производном имени на *-ство*.

Функционирование данной словообразовательной структуры характеризуется следующими чертами: а) между потенциально и реально производящими основами нет никаких расхождений — все основы, соответствующие структуре модели, являются реально производящими, ограничений в использовании основ нет; б) производным именам свойственно общее (деривационное) значение отвлеченного качества, в зависимости от соотношения качественных и относительных значений в семантике производящих прилагательных производные имена могут иметь, наряду с общим значением, значение собирательности, более частное, факультативное для модели в целом. Часто применяемая в работах лексическая классификация существительных на *-ство* основана на вещественном содержании обозначаемых явлений и не является словообразовательной.

Перечисленные признаки функционирования данной словообразовательной структуры указывают на то, что подобно образованию имен лиц на *-ец*, образование имен отвлеченного качества на *-ство* регулируется общественной потребностью в этих наименованиях и не ограничивается условиями языкового характера.

* * *

На основе наблюдений над словообразованием существительных от основ прилагательных можно сделать некоторые выводы об общих закономерностях отадъективного субстантивного словообразования.

Наблюдения показали, что модели образования существительных от основ прилагательных различаются таким существенным признаком, как наличие или отсутствие собственно языковых ограничений в использовании потенциально прозводящих основ, т. е. основ, соответствующих структуре модели.

Собственно языковые ограничения в использовании основ, наблюдаемые при образовании имен лиц на *-ик*

от основ относительных прилагательных на *-н-* и *-ов-* и от основ качественных прилагательных на *-н-* при образовании имен отвлеченного качества на *-ость*, вызваны тем, что прилагательные, по своей структуре потенциально производящие, оказываются семантически недостаточными для производства от них существительных с личными и отвлеченными значениями.

При образовании имен лиц относительный признак, выраженный отсубстантивным прилагательным, недостаточно конкретен, т. е. широк и мало содержателен. Ограничения в использовании потенциально производящих основ направлены на сужение выражаемого признака и обогащения его содержания: в качестве реально производящих выступают прилагательные, семантически ограниченные одним из своих употреблений.

При образовании имен отвлеченного качества посредством суфф. *-ость* производящие прилагательные в том случае выступают реально производящими, если они выражают достаточно широкий признак.

Отсутствие собственно языковых ограничений при образовании существительных от основ прилагательных на *-ский* имен отвлеченного качества на *-ство* объясняется тем, что признак, выраженный прилагательным, семантически достаточен для словопроизводства существительных данной структуры.

Как видно из конкретного анализа функционирования словообразовательных моделей, семантическая достаточность—недостаточность производящего прилагательного — понятие относительное. Оно приобретает значение лишь тогда, когда идет речь о словообразовательных отношениях, реализуемых в структуре «прилагательное — существительное». Понятие семантической достаточности—недостаточности прилагательного имеет различное содержание в зависимости от того, какие связи прилагательного и существительного имеются в виду конкретно. Недостаточностью оказывается малая содержательность и широта выражаемого признака, если речь идет об образовании имен лиц, и, напротив, узость признака, если имеется в виду образование существительных отвлеченного качества.

Можно сделать вывод о том, что при словообразовательных взаимодействиях между прилагательными и существительными взаимодействующими оказываются не те

или иные частные значения, а свойства существительных и прилагательных самого общего характера, связанные с выражением признака обозначаемого понятия. Различия в этих свойствах присущи существительным и прилагательным как частям речи, носят тем самым категориальный характер, отражают различия в категориальном значении существительного и прилагательного. С этой точки зрения семантическую достаточность — недостаточность прилагательных, вступивших в словообразовательные отношения с существительными, следует рассматривать как свойство прилагательных, обусловленных их категориальным значением.

В соответствии со всем сказанным внутриязыковым фактором, регулирующим отадъективное субстантивное словообразование, считаем соотношение категориальных значений взаимодействующих единиц.

II. Словообразование существительных от основ существительных

Словообразование существительных от основ существительных действует в основном в пределах наименований лиц и конкретных предметов. Из отсубстантивных моделей подробно изучается модель образования существительных, обозначающих лиц и произведенных посредством суфф. *-щик* (*-чик*).

Структурная схема модели: основы существительных — суфф. *—щик* (*-чик*) — производные существительные со значением лица, обозначенного по отношению к предмету, названному основой.

Функционирование словообразовательной структуры определяется следующими чертами:

а) участие основ, потенциально производящих, в реальном словообразовании имен лиц данной структуры имеет двойное ограничение. Во-первых, производящие основы ограничены основами существительных с предметно-конкретным значением; во-вторых, основами существительных — наименований предметов, которые в реальной действительности выступают объектами воздействий со стороны лица (объектами изготовления, производства, отделки, продажи и т. д.) или орудиями, с которыми лицо имеет дело (машины, приборы, агрегаты, приспособления и т. д.).

Важно отметить, что первое ограничение имеет характер внутриязыкового ограничения, второе — внешнего по отношению к языку, действующего со стороны реальной действительности. Воздействие внеязыковых ограничений не наблюдалось в системе отадъективного словообразования существительных;

б) ограничение основ, потенциально производящих, предопределяет значение производных существительных: существительные, образованные посредством суфф. *-щик* (*-чик*), обозначают лицо по отношению к названному в основе предмету или как к объекту воздействия, или как к орудию, с которым лицо имеет дело. Однако можно отметить, что в пределах этих двух типов отношения лица к предмету основным является первый; в каждом существительном на *-щик* (*-чик*) обозначение отношения лица к предмету как объекту воздействия всегда оказывается выраженным: так, имена типа *аппаратчик*, *барабанщик* потенциально имеют значение 'изготавливающий, производящий эти предметы'. Отношение же к предмету как к орудию в именах лиц реализуется факультативно, в зависимости от реальной ситуации. Это обстоятельство способствует единству общего словообразовательного значения производных, которые обозначают лицо по отношению к предмету как объекту воздействия.

Из наблюдений над функционированием данной словообразовательной модели можно сделать вывод о некоторых общих закономерностях отсубстантивного словообразования существительных.

Отличительной особенностью, как уже отмечалось, функционирования модели образования имен лиц на *-щик* (*-чик*) является ограничение производящих основ некоторыми внеязыковыми отношениями. Этот факт указывает на то, что в производных наименованиях выражаются реальные отношения предметов, в данном случае — лица и объекта воздействия. Выход за пределы изучения данной модели и обращение к более широкому материалу показывает, что реальные отношения действительности служат основой деривационных отношений в системе всего отсубстантивного словообразования существительных.

Отличительной особенностью, как уже отмечалось, функционирования модели образования имен лиц на *-щик* (*-чик*) является ограничение производящих основ некоторыми внеязыковыми отношениями. Этот факт указы-

вает на то, что в производных наименованиях выражаются реальные отношения предметов, в данном случае — лица и объекта воздействия. Выход за пределы изучения данной модели и обращение к более широкому материалу показывает, что реальные отношения действительности служат основой деривационных отношений в системе всего отсубстантивного словообразования существительных.

В этом легко убедиться, если обратиться к предметным наименованиям. Ср. наиболее распространенные типы этих наименований: 1) наименование помещения: а) для нахождения животных, названных в основе (*овчарня*, *голубятня*, *коровник*); б) для местонахождения или производства предметов, названных в основе (*колокольня*, *сырня*); в) для места деятельности лиц, названных в основе (*пекарня*, *гончарня*); вместилище для предметов, названных в основе (*чайник*, *пепельница*); 2) обозначение животных по возрастному признаку (*гусенок*, *олененок*); 3) обозначение единичного предмета по отношению к множеству или совокупности (*горох — горошина*, *изюм — изюмина*); 4) обозначение множества однородных предметов (*ель — ельник*, *малина — малинник*); 5) обозначение мяса животного, названного в основе (*баран — баранина*, *осетр — осетрина*); 6) обозначение жены по должности, чину, званию мужа (*генерал — генеральша*, *дворник — дворничиха*) и т. д.

В основе каждого наименования лежат реальные связи двух предметов, иногда эти связи типичны, повторяемы, иногда — встречаются в единичных случаях (*градус — градусник*, *горчица — горчичник*). Еще более отчетливо отношения реальной действительности отражаются при префиксальном или префиксально-суффиксальном способе словообразования. Там предмет чаще всего обозначается по признаку пространственного отношения к другому предмету, ср., *под-стакан-ник*, *под-одеял-ь-ник*, *на-рукавник*, *за-двор-ье*, *пред-бан-ник* и т. д.

Однако то обстоятельство, что система отсубстантивного словообразования существительных «открыта» воздействию внеязыковых отношений, не исключает воздействие собственно языковой регламентации в функционировании этой системы. Языковая регламентация принимает две формы: во-первых, происходит специализация форманта на передаче одного типа отношений действительности, во-вторых, развивается лексикализация и тер-

минологизация производных. Примером специализации форманта на передаче одного типа отношений действительности может служить суфф. *-щик* (*-чик*) [37], в процессе лексикализации и терминологизации включены все предметные наименования.

Лексикализация значений и терминологизация предметных наименований заключается в логически обусловленной соотнесенности слова и понятия, в закреплении за словом определенного вещественного содержания. Это в первую очередь предопределяет неполную выводимость или полную невыводимость значения слова из его структуры. Данным обстоятельством объясняется ряд особенностей в системе словообразования отсубстантивных предметных наименований: использование одного и того же

[37] С этой точки зрения показательна история данной словообразовательной модели. На протяжении своего функционирования специализация суффикса не была неизменной. Так, в XIV—XV вв. наиболее распространенными были имена на *-щик*, *-чик*, передающие отношение лица к пошлине, со значением 'сборщик пошлины': *монетчик*, *гостинщик*, *померщик*. Кроме того, в периоды, наиболее удаленные от современности, специализация форманта могла быть менее четко выраженной. Возможна была передача посредством имен на *-щик* (*-чик*) менее определенных отношений лица к предмету: *льготчик* 'тот, кому даны льготы', *грамотчик* 'тот, кому дана грамота, охранная, на владение чем-нибудь' и т. д., *помещик* 'владеющий поместьем' и др. (см.: *С. И. Лобанов.* Из истории имен существительных с агентивным суффиксом *-щик* (XV—XVII вв.) Канд. дисс. М., 1950 (машинопись); *В. Л. Воронцова.* Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке. Канд. дисс. М., 1953 (машинопись); *С. С. Волков.* Новообразования категории имен существительных со значением лица в «распросных речах» первой трети XVII в. «Уч. зап. ЛГУ», № 267, 1960. Серия филол. наук, вып. 52 и др.).

Но уже с XVI—XVIII вв. за суфф. *-щик* (*-чик*) закрепляется основная функция передачи отношения лица к предмету как объекту воздействия. Круг передаваемых отношений непрерывно сужается. Так, для современного языка уже не продуктивны имена на *-щик* (*-чик*), обозначающие лицо по отношению к месту, где протекает деятельность лица, типа *банщик*, *амбарщик*, *тюремщик*, *балаганщик*, *магазинщик*. В современном языке использование суффикса *-щик* (*-чик*) для передачи других отношений действительности приводит к появлению или эмоционально-оценочных или окказиональных обозначений лиц, ср., *литературщик*, *журнальщик*, *вечеринщик*, *банкетчик*, *портфельщик* («носящий портфель»), *рекламщик* и т. д. Важно отметить, что значение каждого из приведенных слов может быть выявлено только в контексте: использование словообразовательного форманта «не по назначению» затемняет смысл производного.

по звуковому составу словообразовательного элемента для словопроизводства различных по вещественному содержанию наименований («полисемантизм суффикса») ср., *чайник*, *ельник*, *градусник*, *пыльник*, *утренник*; сосуществование суффиксов, различающихся звучанием, но функционально идентичных, ср., *дубняк*, *ельник*; непоказательность внутренней формы слова для понимания его значения в целом, ср., *утренник*, *полдник*, *дневник*; разрыв между значением, вытекающим из строения слова, и его лексическим значением, ср., *наличник* и *намордник* и т. д. В системе отсубстантивного словообразования предметных наименований отсутствуют по сути дела словообразовательные модели, к которым применимо понятие регулярных/нерегулярных, продуктивных/непродуктивных.

Отличительные признаки отсубстантивного словообразования существительных в целом — специализация суффиксов при словообразовании имен, лексикализация значений и терминологизация производных — обусловлены особенностью соотношения взаимодействующих основ. Взаимодействующие основы принадлежат к одной и той же части речи, само взаимодействие развивается на почве совпадающих категориальных значений производящих и производных единиц: отсубстантивное словообразование существительных со стороны языковых отношений регулируется нейтральностью, индифферентностью категориальных взаимодействий основ.

Итак, наблюдения над отыменными субстантивными моделями показали, что особенности функционирования моделей обусловлены взаимодействием категориальных значений основ, т. е. значений, свойственных основам как частям речи. При взаимодействии «прилагательное — существительное» функционирование моделей регулируется семантической достаточностью—недостаточностью производящих прилагательных; при взаимодействии «существительное — существительное» — нейтральностью, индифферентностью категориальных значений взаимодействующих основ.

Основной вывод в интересующем нас направлении заключается в том, что значение производных (словообразовательное значение) — явление, обусловленное внутренним соотношением производных и производящих как единиц частей речи. Из этого следует.

1) Наличие или отсутствие общего (деривационного)

значения у слов различных словообразовательных структур есть их существенный признак, обусловленный сложными языковыми связями собственно словообразовательного характера, а не перенесение извне некоторых свойств, не включенных в систему словообразовательных отношений. Два типа значений производных — общее словообразовательное и конкретизированное есть явление, обусловленное отношениями системы.

С этой точки зрения считаем возможным утверждать, что норма есть реальность системы, а отнюдь не корректив, вносимый в отношения системы, избираемый иногда весьма произвольно из области иных языковых отношений.

2) Проблема словообразовательного значения может быть решена на уровне словообразовательного типа с соответствующими уточнениями понятий и известным совершенствованием методики исследования. Последняя, по нашему мнению, должна включать исходную посылку о единстве факторов, обусловливающих значение производных каждого конкретного словообразовательного типа (вариант словообразовательного значения) и словообразовательное значение как признак всего класса производных в целом (инвариант словообразовательного значения). Нами предложено считать фактором, обусловливающим оба понятия, фактор взаимодействия частей речи, единицами которых являются производящие и производные. Исходя из этих взаимодействий, как мы пытались показать на конкретных примерах, возможно объяснение всей совокупности фактов, не единых в конкретном проявлении, но единых с точки зрения внутренних свойств словообразовательных отношений.

По-видимому, еще предстоит отработать приемы конкретизированных и обобщающих определений словообразовательного значения в соответствии с природой самого явления. Но важно одно: следует избегать неоправданных обобщений там, где наблюдается лексикализация значений производных как существенный признак словообразовательной модели, но и не сводить любое из определений к лексическим.

К ВОПРОСУ О НОРМЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Г. И. Миськевич

Как языковое явление, словообразовательная норма не получила еще в нашей науке должного освещения. Всестороннее исследование характера нормы в словообразовании остается одной из актуальных и неотложных задач, стоящих перед исследователями. Соотношение системы и нормы; степень абсолютности критерия моделей и образцов; соотношение понятия правильности и понятия нормы; взаимоотношение нормы и словообразований потенциальных — эти и многие другие вопросы прежде всего встают при исследовании нормы на словообразовательном языковом ярусе.

При исследовании специфики словообразовательной нормы определенного языкового периода следует прежде всего определить сами языковые факты, которые представляют словообразовательную норму, анализ которых обнаружит закономерности, ее характеризующие.

Совершенно очевидно, что словообразовательная норма должна исследоваться на словообразовательных новообразованиях, порожденных исследуемым периодом жизни языка.

В словарном составе языка существует три основных типа словообразовательных новообразований.

Неологизмы, т. е. новые слова, которые обретают характеристику общественно узаконенных номинаций и в качестве таковых принимаются языковой традицией.

Потенциальные слова, которые совершенно свободно появляются на основе высокопродуктивных словообразовательных моделей в тех случаях, когда возникает потребность назвать то или иное понятие, не имеющее в языковой традиции общественно принятой и закрепившейся номинации.

Окказиональные слова (или индивидуальные авторские образования), которые появляются как выразительные средства и существуют лишь как неотъемлемая часть того контекста, в котором они появились [1].

[1] Первое принципиальное выделение в словарном составе названных трех типов словообразовательных лексических единиц, противопоставление их, лингвистическая характеристика содержит-

С точки зрения традиционных представлений о норме как языковой данности с конечным набором фактов, последней принимаются собственно неологизмы; потенциальные же и окказиональные образования остаются за пределами нормы как не принятые языковой традицией.

Разрабатываемая в последние годы теория динамической нормы, понимающая норму как «социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты (разрядка моя.— *Г. М.*) в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами, с другой» [2], существенно меняет сложившиеся представления. Суть динамического понимания нормы определяется тем, что понятие нормы не может сводиться к традиционному воспроизведению языковых единиц, возведенных общественной практикой в ранг образца, оно с обязательностью включает в себя «постоянное в процессе живой коммуникации порождение языковых фактов, ориентированных одновременно и на систему, и на реализованный образец» [3].

В аспекте этого понимания существующая квалификация разряда потенциальных образований как единиц, остающихся за пределами языковой традиции, а следовательно,— вне нормы, с неизбежностью нуждается в пересмотре.

Потенциальные слова действительно отсутствуют в языковой традиции; в каждом отдельном случае они не воспроизводятся, а создаются вновь, создаются именно в тот момент, когда они включаются в связную речь, в ответ на возникающую потребность в номинации какого-либо явления.

Образуются потенциальные слова по продуктивным словообразовательным моделям, представляющим словообразовательную систему. А. И. Смирницкий, рассматривая потенциальные слова английского языка, обнаруживает

ся в статье: *В. Н. Хохлачева.* Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные). «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. V. М., 1962, стр. 166—182.

[2] *Л. И. Скворцов.* Норма. Литературный язык. Культура речи. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 53.

[3] *Л. И. Скворцов.* Указ. соч., стр. 53—54.

специфику этой группы слов именно в том, что, хотя они как готовые лексические единицы и не входят в словарный состав языка, но возможность их образования и применения принадлежит языку и «обеспечивается всем его составом и закономерностями системы» [4]. Иначе говоря — эти слова присутствуют в языковой потенции, они как бы заданы, запрограммированы словообразовательной системой.

А утвердятся ли они в языковой традиции, закрепятся ли в качестве общепринятых номинаций за определенными реалиями, будет зависеть не столько от языковых факторов, сколько от того, постоянной или случайной окажется общественная потребность в назывании самой реалии, насколько необходимо будет само слово говорящему коллективу.

Исследователи, обращающиеся к этой группе слов, останавливают внимание на характерных признаках потенциальных слов, составляющих их специфику (в отличие от окказиональных образований). В речи потенциальные слова выступают в той же функции, в том же статусе, что и воспроизводимые, традиционно закрепленные языковые единицы. В силу номинативной нагруженности и включения по способам образования в живые, продуктивные словообразовательные ряды потенциальные слова не ощущаются в речи как новообразования, как речевые единицы, характеризующиеся ощущением новизны или необычности. Они воспринимаются как существовавшие ранее, а потому воспроизводимые языковые единицы.

Все это позволяет сделать вывод о том, что именно две группы словообразований и представляют собой сферу словообразовательной нормы; именно новые слова и потенциальные образования составляют единый пласт образований, в котором раскрываются все характерные особенности словообразовательной нормы, на котором должны исследоваться закономерности, ее характеризующие.

Обращаясь к конкретным проблемам нормы в словообразовании, следует прежде всего поставить вопрос о соотношении категории «правильности» словообразования и словообразовательной нормы, о критериях нормы в словообразовании.

---

[4] *А. И. Смирницкий.* Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 18.

В литературе сложилась единая, четко определившаяся позиция в оценке «правильности» словообразовательных единиц. Мерилом «правильности» словообразовательных инноваций признается формальное соответствие их возможностям системы языка, подчинение структурным закономерностям, заключенным в системе. В. В. Виноградов следующим образом определил сущность понятия правильности: «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным»... Напротив, то, что создается искусственно — вопреки живым нормам и тенденциям развития литературного языка, что механически переносится в него из диалектов и жаргонов, то и представляет собой «неправильности» в собственном смысле этого слова» [5].

Итак, критерием правильности в словообразовании признается соответствие новых реализаций живым, «действующим» словообразовательным схемам, включение их в открытые словообразовательные ряды.

Тем не менее вопрос о возможности структурных критериев нормы в словообразовании, об отграничении словообразовательных моделей, «работающих» на норму, о соотнесении нормы и системы в словообразовании остается недостаточно исследованным.

В ключе названной проблематики особого внимания заслуживают как бы «активизировавшиеся» в последнее время специальные, целенаправленные исследования окказиональных образований, образований, не принимаемых нормой, остающихся за ее пределами. Исследователи пытаются выявить те особенности, которые удерживают этот пласт новообразований за границами нормы. И хотя вопрос об основном критерии нормы в словообразовании в работах этого направления не ставится, тем не менее негативно он получает здесь свое решение.

Не подвергая специальному рассмотрению словообразовательную специфику лексических единиц, принятых языковой традицией того или иного периода, авторы ап-

---

[5] *В. В. Виноградов.* Задачи советского языкознания.— ВЯ, 1962, № 1, стр. 26.

риорно постулируют определенные закономерности, исходя из которых, характеризуют образования окказиональные. К этим положениям относится прежде всего признание того, что мерилом нормы в словообразовании является критерий образцов и моделей (ср.: «Установление общелитературных словообразовательных норм означает, что выбор способов словопроизводства регламентирован и предопределен, во-первых, сложившимся в языке противопоставлением активно действующих способов словопроизводства, продуктивных словообразовательных моделей группам морфологически членимых слов, по образцу которых новых слов в языке не создается; во-вторых, четко выраженными признаками структуры каждого продуктивного словообразовательного типа (структура производящих основ, семантика производного, семантическое соотношение производящего и производного), нарушение которых воспринимается как то или иное отклонение от норм (языковая ошибка или индивидуальное образование)» [6]).

Именно априорно постулируемое положение о том, что принимаемые нормой новообразования создаются лишь по активно действующим способам словопроизводства, служит исходным для выделения основной особенности окказиональных образований, отличающей их от остальных словообразовательных инноваций — способ образования по образцу типов непродуктивных или малопродуктивных или с нарушением действующих в языке законов производства тех или иных единиц [7]. Фактически в работах этого направления понятие «правильности» отождествляется с понятием словообразовательной нормы [8].

---

[6] *В. Н. Хохлачева.* Индивидуальное словообразование..., стр. 171—172.

[7] *Эр. Ханпира.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 154; *Е. Л. Земская.* Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании. «Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.)». Самарканд, 1972, стр. 21; *Она же.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, стр. 229; *М. А. Бакина.* Окказиональные слова, мотивированные прилагательными, в современной поэзии. «Слово в русской советской поэзии». М., 1975, стр. 164.

[8] См., например: *Эр. Ханпира.* Указ. соч., стр. 156.— См. также: «норма в словообразовании — это проблема правильности соз-

Нельзя при этом не заметить, что исследования по русскому словообразованию накопили глубокие наблюдения и исчерпывающие описания современной словообразовательной системы, «работающих», продуктивных и заглохших словообразовательных моделей и образцов; между тем среди них нет исследований, которые анализировали бы только словообразовательные единицы, составляющие словообразовательную норму, и тем самым обнаруживали бы закономерности, ее характеризующие.

Между тем, собственно новые слова — словообразовательные инновации, утверждающиеся в широком употреблении как общепринятые номинативные языковые средства, представляют собой те новые словообразовательные структуры, которые принимаются нормой. Поэтому исследование словообразовательных особенностей этого пласта лексики может осветить различные спорные проблемы словообразовательной нормы. Одним из первых должен быть поставлен вопрос о структурном критерии словообразовательной нормы. Правомерен ли знак равенства между понятием словообразовательной нормы и совокупностью продуктивных словообразовательных моделей. Тождественны ли понятие правильности словообразования (в его традиционном понимании) и понятие нормы? Как строятся в области словообразования отношения системы и нормы?

Описание структуры новых производных слов окажется описанием словообразовательного аппарата, работающего на норму. Именно этому аспекту проблемы словообразовательной нормы и посвящена настоящая статья.

Для настоящего анализа взяты новые слова, составляющие разряд слов предметной лексики. При этом в качестве неологизмов, принимаемых нормой, рассматриваются только те новации, которые характеризуются неоднократностью употребления в определенной номинативной функции и по отношению к которым не отмечается в языковом употреблении случаев замены их иными и языковыми средствами. Материал собран из разного рода произведений периодики, относящихся к периоду 70-х годов. Основу наблюдений составляют номинации, появление которых в широкой печати предположительно от-

---

дания слов» — *В. В. Лопатин, И. С. Улуханов.* Словообразование и культура речи.— РЯШ, 1963, № 4, стр. 15.

носится именно к данному периоду и которые в основной своей части не зафиксированы существующими общими толковыми словарями литературного языка.

Новые слова, называющие орудия действия, морфологически представляющие образования от глагольных основ посредством суффикса *-тель*.

Несмотря на словообразовательную активность самой модели, можно привести очень незначительное количество новых образований, относящихся к исследуемому периоду. *Ополаскиватель* (СНС [9]); *Измельчитель* (СНС); До нового года промышленные предприятия города Горького отправят животноводческим хозяйствам области пятьсот *измельчителей* кормов «Волгарь-5», двести кормораздатчиков, сто установок для дрожжевания кормов, тысячу доильных установок АД-100 и другое оборудование (Правда, 12 ноября 1972).

Более широк круг новообразований — сложных имен, у которых вторая часть — существительное, образованное по данной словообразовательной модели. Несомненно, интереснее имена, вторая часть которых как самостоятельные образования в языке не употребляются. Ср. *грядоделатель* (СНС); *канавоочиститель* (СНС); *канавокопатель* (СНС); *мусоросжигатель* (СНС); *электрообезболиватель*: Новый аппарат — *электрообезболиватель* при стоматологических процедурах — создан инженерами Всесоюзного научно-исследовательного института хирургической аппаратуры и инструментов совместно с Центральным научно-исследовательским институтом стоматологии (Известия, 11 марта 1969); *Щелеприготовитель*: Специальные плуги на тяжелых тракторах прокладывают борозды, по пластам которых высаживается молодняк. Используются так называемые *щелеприготовители*, в уходе за посадками помогают катки, куторезы (Правда, 11 ноября 1973); *пылеосадитель*: Для улавливания пыли в производственных цехах обычно применяют центробежные *пылеосадители* — циклоны, а также матерчатые фильтры (Правда, 19 сент. 1973).

---

[9] СНС — «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов». Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.— Отсутствие примеров контекстного употребления в данном случае и далее говорит о том, что в картотеке автора не зафиксировано употребление называемого слова в языке периода 70-х годов.

Приведем также и сложные образования данного типа, вторая часть которых употребляется в языке и самостоятельно, и в соединении с другими основами: *резиносмеситель* (СНС); *кормосмеситель* (СНС); *каналоочиститель* (СНС); *ракетоноситель* (СНС); Ее, как и пресс, тотчас разобрали: транспортеры и *корморазбрасыватели* превратили в груду хлама (Правда, 27 янв. 1972); Город разделен на 90 участков, и в каждом механизированные звенья имеют в своем распоряжении автомобили, оборудованные щетками и плугами, *пескоразбрасыватели* и другую высокопроизводительную технику (Веч. Москва, 16 ноября 1968); Судостроители Херсонского завода имени Коминтерна создали оригинальное оборудование для транспортировки рыбы через плотины гидроузлов — *рыбонакопитель* и самоходные контейнеры (Известия, 26 ноября 1969); Плавучий пневматический *скалодробитель*. Так официально называется уникальное судно, строящееся по заказу СССР на амстердамской верфи (Комс. правда, 14 февр. 1969); Темное зернышко, укрепленное на самом «клюве» стандартного *резцедержателя*, легко коснулось поверхности кружка (Правда, 16 окт. 1970); Здесь открываются возможности разбавлять кровь искусственными *плазмозаменителями* и отпадает необходимость в применении больших количеств донорской крови (Правда, 7 апр. 1972); А сейчас пушкинские врачи пользуются еще одной выдумкой Соломонова — вправляющим *костодержателем* (Правда, 19 июля 1972); Хотя это устройство — всего-навсего локальный *воздухоохладитель*, который слегка освежает лишь голову и грудь работающего (Известия, 11 сент. 1972); Применение... синтетических *пеногасителей* — при отеке легких (Правда, 24 сент. 1972).

Сложные имена существительные с широким предметным значением, характеризующимся действием, названным второй опорной основой *-вод* и конкретизирующимся первой частью сложения, в качестве которой выступает основа имени существительного.

В целом данный словообразовательный тип характеризуется высокой продуктивностью. В современном употреблении фиксируются следующие образования данного типа. *Водовод*: Первое, что привлекает внимание, когда попадаешь внутрь — два больших *водовода* (Неделя, № 43, 15—21 окт. 1967); Значит, строить насосные станции, мощный и дорогостоящий *водовод*... А пока нет *водо-*

вода? (Известия, 11 ноября 1972); *световод* (СНС); Энергия светового луча отсюда по специальному *световоду* поступает в операционную и через небольшой подвижный тубус — на опухоль больного (Правда, 19 марта 1972); Лучи надежно подводят к нужным точкам по пластмассовым *световодам*, похожим на гибкие кабели (Правда, 28 дек. 1973).

У другой группы слов данного словообразовательного способа опорной основой является суффиксальный компонент *-провод*.

Новообразования данного типа многочисленны. *Бельепровод*: Дверь каждого номера выходит в просторный холл, в центре которого находятся лестницы, лифты, небольшие буфеты, помещения для *бельепровода* (Веч. Москва, 7 июля 1966); *бетонопровод*: Бетон, скажем, не везде можно подавать гусеничными кранами. Приходится монтировать *бетонопроводы*, а то и подносить его носилками или ведрами (Правда, 22 янв. 1973); *кормопровод* (СНС); *магнитопровод* (СНС); *токопровод* (СНС); *фруктопровод* (СНС), *шламопровод* (СНС); *молокопровод* (СНС): Первый в Советском Союзе экспериментальный подземный *молокопровод* из полиэтиленовых труб протяженностью 6,5 километра сооружен в Угличе Ярославской области (Известия, 20 окт. 1969); Но стоит войти внутрь, картина резко меняется — вот где в полной мере представлен сегодняшний день; *молокопроводы*, механическая дойка, подземные транспортеры (Известия, 15 июня 1970); Вошли в строй два полностью механизированных помещения на 400 коров. В них оборудованы *молокопровод*, каскадносплавные устройства для очистки помещений, имеются мобильные кормораздатчики (Правда, 5 сент. 1973); *светопровод* (СНС); Он снабжен специальным *светопроводом*, который предохраняет приемные устройства от попадания в них рассеянного света от посторонних источников (Кр. звезда, 23 янв. 1973).

Особо следует сказать об образованиях *продуктопровод* и *минералопровод*, так как они способом словообразования несколько отличаются от остальных членов данного словообразовательного ряда. Названные образования семантически соотносятся с словосочетаниями. *Продуктопровод* — сооружение (провод) для транспортировки нефтяных продуктов. Ср.: Магистральный *продуктопровод*, проложенный параллельно железной дороге, по которой

комбинат отправляет маршруты с дизельным топливом и бензином, используется нерационально. Судите сами: тюменская нефтяная река сначала попадает в Омск. Оставив часть потока на нашем комбинате, она идет дальше на запад, на перерабатывающие предприятия Башкирии (Правда, 16 ноября 1972). *Минералопровод* — сооружение для транспортировки минеральной воды. Ср.: Вблизи источника была создана действующая модель *минералопровода*, на которой отрабатывались различные варианты перекачки воды (Правда, 18 янв. 1974).

Формально же в словообразовательный процесс включается основа одного из входящих в словосочетание слов — именно того, которое еще не занято в данном словообразовательном способе, которое не заполнило свою «клетку» в данном словообразовательном ряду: *продукты* (*нефти*) — *продуктопровод*, т. к. *нефт-е-провод* в языке существует; *минеральная* (*вода*) → *минералопровод*, т. к. *водо-провод* в языке существует, т. е. соответствующие клетки в словообразовательной сетке уже заняты.

Появившиеся новые названия оказались образованиями с неясной, «затемненной» внутренней формой (имеется в виду возможная семантическая соотнесенность с основами других значений (*продуктопровод* — средство транспортировки продуктов; *минералопровод* — средство транспортировки минералов). Тем не менее этот фактор не оказывается обстоятельством, препятствующим освоению нормой нового образования. На период вхождения новой номинации в общее употребление функция раскрытия, распознавания собственного значения как бы перекладывается на контекст.

Способ образования сложных слов с подчинительным отношением имен существительных и глагольной основы *-нос-*, осложненной суффиксом *-ец*, характеризуется современными грамматиками как высоко продуктивный. Тем не менее в языке исследуемого периода можно привести лишь одно образование данного типа: *ракетоносец* (СНС); *Ракетоносец* перешел в пике, резко увеличил скорость ...Тогда он [летчик] открывает маленькую боковую форточку слева и, ориентируясь лишь по боковым столбикам, выстроившимся вдоль полосы, точно сажает *ракетоносец* (Известия, 21 янв. 1968).

Сложения от основ имен существительных с опорной глагольной основой *-воз-* также, как свидетельствуют сов-

ременные грамматики, представляют словообразовательную модель высокой продуктивности. Единицы самого словообразовательного ряда распределяются на два подтипа: обозначающие средства передвижения (возить *чем*: *паровоз*, *тепловоз*, *электровоз*) и средства перевозки (возить *кого*, *что*: *углевоз*, *землевоз*, *солевоз*, *бомбовоз*).

В языке анализируемого периода появляются новообразования только второго типа: *панелевоз* (СНС): Пройдите по любой крупной стройке, и везде вы увидите *панелевозы*, краны, тягачи, сотни механизмов и различных видов оборудования с марками заводов, расположенных во всех концах страны (Известия, 10 дек. 1972); *контейнеровоз*, *банановоз*: Появились десятки, сотни новых маршрутов, по которым идут сухогрузы, лесовозы, *контейнеровозы*, *банановозы*, рудовозы, пассажирские лайнеры и мощные ледоколы, приписанные к порту Владивостока (Правда, 3 янв. 1974); *птицевоз* [подписи под фотографией] (Веч. Москва, 3 ноября 1973); *мебелевоз*: Агентство предлагает специальные автомобили — *мебелевозы*, которые обслуживают квалифицированные грузчики (Веч. Москва, 2 февр. 1973); *мусоровоз*: Рано утром раздается трезвон долгий и оглушительный. Это сообщает о своем прибытии водитель *мусоровоза* (Правда, 12 дек. 1973); *муковоз* (СНС): Специалисты конторы по перевозке хлеба Мосгортранса завершили испытания нового *муковоза* (Веч. Москва, 10 мая 1974); *молоковоз* (СНС); *плетевоз* (СНС); *пакетовоз*: До конца года Литовское морское пароходство получит еще шесть *пакетовозов* (Известия, 9 июля 1973); *трубовоз*: Новый *трубовоз* создан в конструкторском бюро Главмосавтотранса на базе «ЗИЛ-130» (Веч. Москва, 11 янв. 1968); *скотовоз* (СНС).

Как показывают приведенные примеры, внутренних, языковых причин, препятствующих появлению образований данного типа, нет. Морфема *-воз* свободно сочетается как с русскими основами, так и с заимствованными. Единственный «регулятор» образований данного типа — это общественная потребность в номинации самих реалий.

Словосложения, состоящие из основы имени существительного в первой части и компонента *-метр* во второй, представляют собой словообразовательную модель высокой продуктивности. С компонентом *-метр* образованы названия измерительных приборов. Ср.: *дозиметр* (СНС); *квантометр* (СНС), *ретрометр* (СНС); *спектро-*

фтометр (СНС), *рефлексометр*: А в это время Галя Гусева на *рефлексометре* Иванина и Киклевича проверяет скорость реакции Гаркуси в ответ на действия физических раздражителей под водой (Правда, 18 сент. 1967).

Также высокопродуктивным является способ образования наименований с суффиксом *-тор* от нерусских по происхождению основ. Ср.: *дешифратор* (СНС); *сублиматор* (СНС); *импульсатор* (СНС); *коррелятор* (СНС); *полимеризатор* (СНС); *регламентатор*: После этого *регламентатор* полета — бортовое программно-временное устройство,— отсчитав с педантичностью автомата положенные секунды, выдал новую систему команд (Комс. правда, 11 июня 1971); *стимулятор*: На снимке из газеты «Фольксштимме» — двое из трех космонавтов космического корабля «Аполлон-10» Джон Янг и Томас Стаффорд у входа в так называемый *стимулятор*, где они репетировали перед запуском ряд операций, которые им предстоит проделать во время полета (Известия, 19 мая 1964).

Образования на *-иада*, обозначающие массовые спортивные соревнования, связанные с тем, что названо мотивирующим словом, также относятся к продуктивному словообразовательному способу. В языке исследуемого периода зафиксировано два новообразования данной модели: *Универсиада* (СНС); Ленинградский фигурист Владимир Куренбин лидирует в одиночном катании — таков приятный сюрприз первого дня зимней *Универсиады* — Всесоюзных студенческих игр, которые стартовали сегодня в столице Белой олимпиады 1964 года (Правда, 20 янв. 1968); *Академиада*: В Киеве завершилась III *Академиада*... Среди 600 участников Академиады были академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук (Правда, 21 сент. 1973).

Образования с суффиксом *-ник* и (*-ница*) называют предметы, по своему значению тем или иным образом связанные с значением, заключенным в производящей основе, и представляют собой малопродуктивный способ словообразования современного русского языка.

К рассматриваемому периоду относятся следующие новообразования, представляющие несколько подтипов внутри данного словообразовательного разряда.

От основы имени существительного с суффиксом *-ник* образовано имя существительное, называющее вместилище того, что названо производящей основой — *монетник*

(СНС); *Монетник* — сердце любого торгового автомата. Он выходит из строя чаще других. И не мудрено: в небольшом футляре смонтированы магниты, десятки устройств, контролирующих геометрические параметры монеты, ее вес... На столе — два *монетника*. Один старый — электромеханический, другой — полупроводниковый (Веч. Москва, 21 дек. 1970).

Название помещения для птиц, названных производящим именем существительным — *попугайник*: Заглянув в *попугайник*, где собрана разнообразная коллекция тропических птиц, можно увидеть небольшие домики наподобие скворечников, развешанные по стенам (Веч. Москва, 10 янв. 1969).

От глагольных основ образуются имена существительные, называющие помещения, связанные с действием, названным производящей основой, предназначенные для осуществления действий производящей основы — *откормочник*: В специализированном колхозе имени Жданова откормленные свиньи занимают огромное помещение. В нем почти тысяча упитанных животных. Второй месяц без всякой пользы для хозяйства они поедают корма. Аналогичная картина и в *откормочнике* крупного рогатого скота колхоза «Украина» (Известия, 6 окт. 1972); *переходник*: Стыковочные узлы, одинаковые на *переходнике* и «Союзе», напоминают цветок с тремя слегка вытянутыми вперед лепестками (Комс. правда, 9 янв. 1974); *Стеблеподъемник* (СНС).

К этому же типу относится название орудия, производящего действие, обозначенное производящей основой — ср. *заборник*: Теперь надо добыть капли. Предметное стеклышко, покрытое маслом, вставляется в *заборник*, а тот на секунду высовывается «на улицу» через маленькую форточку в иллюминаторе. Капли пойманы, осели на масле. Теперь скорее их под микроскоп (Комс. правда, 30 окт. 1965).

«Грамматика современного русского литературного языка» (1970) отмечает, что данный словообразовательный тип обнаруживает продуктивность в технической терминологии, в сфере названий орудий и механизмов.

От основы имени существительного посредством суффикса *-ник* и приставки пространственного значения *за-* образовано имя существительное, по своему значению имеющее отношение к предмету, названному производящей

основой — *загубник* (СНС); Чтобы добиться четкой речи, пришлось отказаться от *загубника*, через который аквалангист выпускает отработанный воздух,— рассказывает руководитель группы подводных исследований В. Соколов.— Маску «реконструировали», теперь она закрывает не только глаза, но и рот. В нее взамен *загубника* вмонтирована дополнительная полумаска с миниатюрным микрофоном и «костным» телефоном (Веч. Москва, 7 окт. 1972).

Имена существительные с суффиксами *-ица*, *-ница*, обозначающие «вместилища того, что названо производящей основой», также составляют непродуктивный словообразовательный способ современного языка. Данным способом в языке анализируемого периода образованы следующие новые слова: *клубочница*: *Клубочница*. Новинка состоит из двух пластмассовых полушарий, соединенных между собой. В одном из полушарий — отверстие. Клубок ниток помещается внутри шара, а конец выводится через отверстие. Цена *клубочницы* 80 коп. (Известия, 13 июня 1966).

Следующее образование осложнено интерфиксом *-ов-*: *медовница*: «Свежую клюкву в бочатах, медовый набор, маринованные грибы, сувенир-*медовницу* можно купить в магазине «Дары природы» (Веч. Москва, 3 февр. 1967).

Существительные с суффиксом *-арий* обозначают территорию, помещение для совершения действия или для разведения, изучения того, что названо производящей основой. Данный способ словообразования классифицируется грамматиками современного языка как непродуктивный.

Новые номинативные единицы данного словообразовательного типа в языке анализируемого периода появляются совершенно свободно, но только от заимствованных основ. Ср.: *океанарий* (СНС); У устья реки Кодари на площади более четырехсот гектаров будет сооружен крупнейший на Черноморском побережье Кавказа *океанарий* (Веч. Москва, 3 февр. 1969); *дельфинарий*: Завершается строительство первого в Советском Союзе зрелищного *дельфинария*. Здесь афалины покажут свое мастерство в цирковых представлениях. Одновременно специалисты будут изучать поведение этих животных в неволе (Правда, 21 сент. 1973); *серпентарий*: Первый на Дальнем Востоке *серпентарий* был создан несколько лет назад в запо-

веднике Кедровая падь, а затем его перевели в заповедник Супутинский... В *серпентарии* у ядовитых змей берут целебный яд (Веч. Москва, 30 сент. 1971).

И совсем особняком стоит новообразование анализируемого периода— *сенаж*. Это терминированное название, созданное для обозначения корма скота, приготовляемого из сена определенным образом [10] — т. е. существительное *сенаж* обозначает вещество, имеющее отношение к предмету, названному производящей основой.

Для словообразовательного непродуктивного ряда образований с суффиксом *-аж* характерно соединение суффикса *-аж* лишь с иноязычными основами [11] (такие образования, как *подхалимаж* и *халтураж*, шутливо-ироническое *деньгаж*, *рубляж*, *строкаж* не принимаются литературной нормой и остаются за ее границами). Образование *сенаж* можно квалифицировать как единственное нейтральное номинативное название, в структуре которого суффикс *-аж* присоединился к русской основе.

По значению *сенаж*, пожалуй, стоит в одном ряду с такими образованиями, как *трикотаж*, *картонаж*, называющими изделия или совокупность изделий, характеризующихся принадлежностью к материалу, названному производящей основой.

Свободное употребление новообразования *сенаж* в качестве терминированного обозначения в языке периодики, отсутствие попыток замены в текстах названного обозначения описательными синонимическими оборотами само по себе свидетельствует об утверждении новой номинации в широком употреблении. Включение слова *сенаж* в качестве производящей основы в новые образования убедительно подтверждает принятие словообразовательной нормой самого обозначения. Ср.: Сейчас важно быстрее ввести в строй заводы по изготовлению *сенажных* башен, увеличить выпуск пленки для укрытия сенажа (Правда, 20 мая 1972); Составлены бригады, которые сразу же, как оттает земля, приступят к сооружению *сенажных* емкостей

---

[10] Подробнее см.: *З. Люстрова, Л. Скворцов.* В мире слов (Из опыта работы над передачей по письмам радиослушателей). М., 1975, стр. 60—61.

[11] *В. В. Виноградов.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 86—87; *С. И. Ожегов.* Существительные на *-аж* в русском языке.— В кн.: *С. И. Ожегов.* Лексикология, лексикография, культура речи. М., 1974, стр. 72—91.

(Правда, 16 марта 1972); Инвентаризация всех *сенажехранилищ* показала также, что для будущего сезона не хватает емкостей примерно на 300 тысяч тонн (Правда, 16 марта 1972).

Рассмотренный материал одной ограниченной группы новообразований — неологизмов, относящихся к области «предметных» номинаций, приводит к следующим наблюдениям.

Реальной языковой базой словообразовательной нормы оказываются словообразовательные модели как высокой продуктивности, так и малопродуктивные, «затухающие» и словообразовательные способы, не соответствующие с абсолютностью имеющимся в словообразовательной системе схемам, в чем-то нарушающие установившиеся закономерности (в рассмотренном материале *продуктопровод*, *минералопровод*, *сенаж*).

Словообразовательная норма безразлична к степени продуктивности модели, по которой возникает новая номинативная единица. Единицы, реально образующие словообразовательную норму, не замыкаются лишь структурной принадлежностью открытым словообразовательным рядам. Номинативные инновации, появившиеся как отступления от сформировавшихся словообразовательных отношений, оказываются также ее составляющей и тем самым потенциальной схемой порождения себе подобных [12].

Закономерным является признание того, что понятие словообразовательной нормы не совпадает с понятием словообразовательной правильности; эти понятия находятся в отношении подчиненности. Все «правильно», т. е. в строгом соответствии с действующими закономерностями, образованные инновации оказываются составляющими словообразовательную норму (новые слова и потенциальные образования). Но словообразовательная норма принимает и инновации, по структуре отклоняющиеся

---

[12] «Единственные в своем роде элементы слова не относятся к системе словообразования. Однако, обладая языковой ценностью, они потенциально могут получить также продуктивность, поскольку любое семантическое соотношение в языке как бы является первой частью пропорции, по аналогии с которой могут быть созданы другие, также соотнесенные пары» (*Н. Д. Арутюнова*. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 47).

от существующих схем. Понятие словообразовательной нормы шире понятия правильности.

Мы позволим себе для иллюстрации положения о том, что структурный критерий не является абсолютным для словообразовательной нормы, что понятие словообразовательной нормы шире понятия словообразовательной системы (как совокупности продуктивных словообразовательных типов, образующих открытые ряды), что словообразовательная норма принимает образования, структурно примыкающие и к «закрытым», заглохшим словообразовательным возможностям, обратиться к судьбе двух моделей словообразования собирательных имен существительных современного русского языка, которые в названном аспекте очень выразительны.

В литературном языке XIX в. суффикс *-ия* выделялся в группе заимствованных слов (аристократия, демократия); о том, что он в качестве самостоятельного элемента участвовал в словообразовании, говорит лишь одно слово — *братия*. В языке советской эпохи обнаружилось неожиданное пробуждение словообразовательного потенциала этого суффикса. Единичное образование стало первым членом нового словообразовательного ряда (*братия — пионерия, комсомолия, инженерия*). И хотя в словообразовательной системе не существовало схемы, способа образования собирательных существительных посредством суффикса *-ия*, членам возникшего словообразовательного ряда свойственна абсолютная подчиненность тем закономерностям, которые характеризуют словообразовательную категорию собирательности в современном русском языке (словообразовательное значение — отвлеченное понятие совокупности, словообразовательная производность от основ конкретных одушевленных имен существительных, экспрессивная и стилистическая выразительность). Ср.: Смычка с мировой *комсомолией* [загл.] (Комс. правда, 21 ноября 1929); От имени МК ВЛКСМ Пленум приветствует т. Высоцкий.— Московская *комсомолия*,— говорит он,— ведет победоносную борьбу на фронте социалистического строительства (Комс. правда, 21 ноября 1929); Но идет наш рабочий класс, идет наше крестьянство, идет *комсомолия*, все они идут в бой за новое, за революцию, за Советскую власть с высоко поднятой головой (Правда, 26 апр. 1963), *Комсомолия* священной волгоградской земли всегда — и в военные годы, и в дни строек

была в первых рядах молодых бойцов и созидателей (Комс. правда, 24 мая 1966);

«По *пионерии*» — заглавие отдела в газете, посвященного обозрению пионерского движения в «Комсомольской правде» и «Пионерской правде» в 20-х годах; Идет *пионерия*, рапортуя о своей готовности искать, дерзать, творить, о своей готовности принять эстафету старших братьев и сестер (Известия, 19 мая 1966); Внимание Коммунистической партии, всего нашего народа к делам *пионерии* — залог успехов в воспитании новой смены советских граждан (Правда, 19 мая 1967).

Новые образования очень быстро были приняты нормой. Более того, способ их образования, ранее фактически не существовавший, был абстрагирован от конкретных образований и воспринят носителями языка как возможная конструкция для появления аналогичных образований в данном ряду. Причем, эти процессы протекали почти одновременно. Ср.: приведенные выше первые зафиксированные случаи употребления слов *комсомолия* и *пионерия* и окказионализмы В. В. Маяковского, образованные данным способом: Чтоб в эту / в самую / в индустриализацию / веры / шоферия / не теряла (Стих как бы на шофера); Мы / первую / посылаем в бой / негнущуюся свердловию (Арсенал ленинцев).

Аналогичная картина наблюдается и при анализе собирательных имен существительных, вычленяющих в своем морфологическом составе суффикс *-ня*.

В языке прошлого периода собирательные имена с суффиксом *-ня* были представлены единичными формами — *родня* и *дворня*, у которых суффикс присоединяется к усекаемой основе имени прилагательного.

Казалось бы утративший свой словообразовательный потенциал способ образования собирательных имен с суффиксом *-ня* в языке нового времени обрел новую жизнь. Подчиненность основным особенностям, которые свойственны собирательным именам современного периода — обозначение совокупностей только одушевленных предметов, вызвала изменения в характере словообразовательных связей с производящими основами: производящими основами новых образований оказались одушевленные имена существительные: Ср.: Станции будут забиты народом: бабы с сидорами и мужики с сундуками, тяжелыми, как атомные реакторы, обросшие,

голодные, грязные, озлобленные солдаты с винтовками, слинявшие дворяне, выгнанные революцией из родовых имений, угрожающе-анархистского вида *матросня*, увешанная маузерами, гранатами, пулеметными лентами (В. Тендряков. Путешествие длиной в век); «А когда у Вас вывозят дорогую мебель, в квартиру вселяют *солдатню* и *матросню* — революцией прикажете восхищаться?» (А. Толстой. Эмигранты); Нас курды стерегли в камнях, Нас малярия жгла, *Офицерня* по деревням На нас в сраженье шла (Э. Багрицкий. Фронтовик); Репортажи из джунглей и сайгонских кабаков, где инфляция и нужда гонят в объятия *солдатни* дочерей и жен мелких и средних чиновников (Известия, 5 дек. 1966); Восторженная *ребятня* провожала их до околицы (Б. Горбатов. Мое поколение); В 1956 году лагерь закрыли. Но мало кто уехал. Семьями обзавелись. Посмотрели бы, сколько в теплые дни *ребятни* на улицы высыпет (Известия, 15 апр. 1963).

Приведенный материал убедительно показывает фактическое рождение двух новых словообразовательных способов и беспрепятственное, почти синхронное принятие их словообразовательной нормой. Правда, «новизна» данных словообразовательных моделей не абсолютна. Новые образования характеризует подчиненность тем закономерностям, которые свойственны словообразовательной категории собирательности.

Своеобразие словообразовательного яруса в структуре языка, то есть обращенность его и к формальным схемам, и к семантике, определяет специфику словообразовательной нормы — два аспекта ее регулирующего начала. С одной стороны — это соблюдение в широком плане действующих законов и тенденций, ориентация на существующие схемы, но действующая, как было показано выше, без категоричности (имеется в виду возможность реализаций по малопродуктивным моделям, вероятность частных нарушений и отклонений от существующих схем).

С другой стороны — это критерий коммуникативной целесообразности, обязательность коммуникативной нагруженности каждой инновации. Требование удовлетворения конкретной речевой ситуации, то есть номинативная функция, оказывается абсолютным критерием словообразовательной нормы. И по отношению к словообразователь-

ной норме абсолютным оказывается ставшее широко известным высказывание А. Иванова и Л. Якубинского: «Отклонением от норм является лишь то «новое», которое не дает ничего нового в области смысловой» [13].

Обязательность номинативной функции является тем окончательным критерием, который определяет отношение словообразовательной нормы к появляющимся словообразовательным инновациям.

Речевые единицы, не выполняющие номинативной функции (индивидуальные авторские образования), остаются за пределами словообразовательной нормы. Речевые единицы, выполняющие общественно необходимые номинативные функции (собственно новые слова и потенциальные образования), принимаются словообразовательной нормой. Разница между последними двумя группами слов лишь в степени актуальности номинативной функции, в степени общественной потребности в той или иной номинации. При постоянстве этой потребности инновация, ее осуществляющая, оказывается активным звеном словообразовательной нормы. При отсутствии же постоянного социального заказа на номинацию какого-либо явления словообразовательная единица, его осуществляющая, остается в потенции, в «запаснике» словообразовательной нормы.

Структурные же признаки, как было показано выше, не являются абсолютными критериями, определяющими отношение словообразовательной нормы к новообразованиям. Как показывают исследования материала индивидуальных авторских образований, создание окказионализмов, не принимаемых нормой, по продуктивным словообразовательным моделям, оказывается невозможным. В то же время, номинативные единицы, составляющие словообразовательную норму, образуются не только по продуктивным словообразовательным моделям, но и по малопродуктивным и даже с нарушением действующих схем. Абсолютно лишь утверждение: реализации продуктивных моделей принадлежат словообразовательной норме. Словообразовательные же инновации непродуктивных моделей, закрытых рядов, в чем-то нарушающие существующие схемы, могут приниматься словообразовательной нормой, но могут и оставаться за ее границами.

[13] *Ал. М. Иванов, Л. П. Якубинский.* Очерки по языку. Л.—М., 1932, стр. 155.

ОККАЗИОНАЛИЗМ И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

А. Г. Лыков

I

С возрастанием интенсивности языковой коммуникации качество и эффективность культурно-речевой деятельности людей все в большей мере занимает общество. Постоянно развивающаяся общественная жизнь предъявляет все новые требования к обслуживающему ее языку. Поэтому, как уже отмечалось в нашей литературе, трудно найти общество, которое было бы полностью удовлетворено данным состоянием своего языка и своей речевой практики.

Культура речи, как новая и успешно развивающаяся отрасль науки о языке, испытывает, однако, ряд трудностей. Ее контуры лишь определяются. Теоретические основы и методы исследования этой дисциплины еще не вполне отстоялись. Точно еще не указаны как сам предмет данной дисциплины, так и более или менее полный перечень тех конкретных вопросов, которые подлежат ее рассмотрению.

Тем не менее комплекс проблем, так или иначе связанных с культурой речи, в целом успешно решается. В этой связи хочется отметить как факт весьма положительный сравнительно недавно вышедший сборник статей сотрудников сектора культуры речи Института русского языка АН СССР, специально посвященный теоретическим вопросам культуры речи [1].

Культура речи, как кажется, представляет собой проблему скорее не «чисто лингвистическую», а социолингвистическую, поскольку здесь совмещаются и перекрещиваются вопросы не только собственно языковые (например, нормативно-грамматические, стилистические, орфоэпические), но и культурно-исторические, социопсихологические, художественно-эстетические и даже, возможно, оценочно-вкусовые [2].

---

[1] «Актуальные проблемы культуры речи». Под ред. В. Г. Костомарова и Л. И. Скворцова. М., 1970.

[2] Ср.: «Только в последние годы ученые стали относить к социолингвистике случаи сознательного воздействия людей на нормы литературного языка» (*Р. А. Будагов.* Воздействие человека

Бесспорно, однако, что из всех понятий или аспектов рассмотрения, подлежащих компетенции культуры речи, нормативность является центральным, базовым понятием, на котором зиждется весь комплекс интересующих нас проблем, ибо непосредственно очевидно, что без «правильности», «образцовости», «канонизированности» не может быть и самой «культуры речи».

Признаками высокоорганизованной речи являются и такие ее качества, как выразительность, сила интеллектуального и эмоционально-волевого воздействия на слушателя (читателя), степень привычной «стандартности», или, наоборот, степень творческой импровизированности и «приноровленности» к условиям и целям высказывания, ее индивидуальное своеобразие и оригинальность, вызывающие к ней интерес и внимание, а также — в определенных условиях — эффект как бы присутствия при рождении новых, небывалых слов, их форм и значений в самом акте общения. Если эти последние (наиболее трудно формализуемые) качества и особенности речи, перечисленные в данном абзаце, условно назвать общим словом «выразительность», то можно сказать, что нормативность (т. е. «правильность» как соответствие кодификации норм) и «выразительность», в высокоорганизованной речи в обычных, неосложненных, наиболее часто встречающихся случаях, не противоречат друг другу, поддерживают друг друга, естественно уживаются в едином акте (или процессе) речевой деятельности того или иного носителя языка.

Но так бывает не всегда. В речевой практике наблюдаются особые случаи, когда соображения выразительности берут верх над нормативностью, т. е. случаи, когда нормативность уступает выразительности и даже как бы приносится ей в жертву. В качестве примера подобного явления можно указать на использование в нормированной речи окказиональных слов, являющихся принципиально некодифицируемыми (ненормированными, «неправильными») лексическими единицами, свободно и успешно уживающимися с обычными словами. Так, в небольшом стихотворении В. Маяковского «Военно-морская любовь»,

---

на язык. «Современные проблемы литературоведения и языкознания». М., 1974, стр. 390).

состоящем из 9 двустиший, наблюдается 10 случаев использования окказиональных слов типа:

По морям, играя, носится
с миноносцем *миноносица*.

Идейно-художественные, выразительные качества этого стихотворения весьма высоки и всем известны. Подобных примеров можно привести сколько угодно.

Таким образом, в теоретическом отношении статус окказиональных слов в нормированных текстах и — шире — в литературном языке в целом оказывается весьма своеобразным, экзотичным и требует своего всестороннего раскрытия. Задачей настоящей статьи и является попытка осветить отношение окказионального слова к норме языка в аспекте некоторых проблем культуры речи. Для этого представляется необходимым сначала кратко указать на наиболее важные специфические признаки окказиональных слов в их сопоставлении с признаками обычных слов, которые — в целях более четкого разграничения этих двух классов слов — мы будем дальше называть каноническими словами.

В общем речевом потоке благодаря целому ряду своих признаков и свойств все окказиональные слова, за весьма немногими исключениями, достаточно четко выделяются на общем фоне канонических слов. Ср., например, такие окказионализмы: *чернилоносное* чиновничье воинство, *ерундоносная* братия, *фиговидец*, *каркатель* (Щедрин), *смехач*, *плясовица*, *небич* (Хлебников), *поэтино* сердце, *людогусь*, *гроссбухнуть* (Маяковский), *кленёночек*, *вербенята* (Есенин), *океанствовать*, *кордильерствовать* (Кирсанов), необузданный *вещизм* (Лит. газета, 1 мая 1973), *соразмышление* (Комс. правда, 29 ноября 1975) и мн. др.

В нашей литературе — в работах Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого, Н. И. Фельдман, В. Н. Хохлачевой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Э. Ханпиры и др.— уже указывалось на некоторые особенности структуры, значения, образования и функционирования окказиональных слов.

Отметим следующие признаки, которые специфически характерны для окказиональных слов и которые представляются нам особенно важными в аспекте изложения данной статьи: а) принадлежность к речи, б) ненорма-

тивность, в) функциональная одноразовость, г) творимость, д) экспрессивность, е) словообразовательная производность, ж) синхронно-диахронная диффузность, з) индивидуальная принадлежность [3].

Кратко охарактеризуем каждый из этих признаков.

а) Каноническое слово — это лексическая единица языка, окказиональное слово — лексическая единица речи. Принадлежность к речи — наиболее широкий признак, характеризующий окказиональное слово. Собственно, все другие названные признаки представляют собою конкретное воплощение данного признака. Можно сказать, что окказиональное слово — это речевая реализация словообразовательных возможностей языка, заложенных в его системе, это результат словотворческой импровизации по готовым установившимся образцам.

Характер функционирования в речи, с одной стороны, канонического и, с другой, окказионального слова различен. В отличие от канонического, наличие окказионального слова в тексте необязательно, факультативно, в известном смысле даже случайно. Но не случайна сама принципиальная возможность появления или возникновения в речи окказионального слова: она с самого начала предопределена системой языка, его общепринятыми стандартами. «Функции языка действуют совокупно и постоянно, при любом практическом использовании языка: во всяком случае при «внешней» речи, тогда как функции речи проявляются окказионально, факультативно, в зависимости от конкретной цели высказывания и вне обязательной связи между собой» [4].

Таким образом, функциональная специфика окказионального слова — в своеобразно-противоречивой «запрограммированной неожиданности» его появления в тексте, а также в потенциальной готовности и способности получателя речи нужным образом понять то или иное окказиональное слово, хотя оно и является (появляется) для него всегда впервые в его речевой практике [5]. В любом тексте —

---

[3] Более подробно см. в нашей статье «Окказиональное слово как лексическая единица речи»—«Филологические науки», 1971, № 5.

[4] *В. А. Аврорин.* Функции языка. «Современные проблемы литературоведения и языкознания». М., 1974, стр. 360.

[5] Заметим, что каноническое слово, как и любая другая единица языка, имеет две формы своего существования — собственно-языковую (абстрактно-собирательную, типообразующую) и ре-

письменном или устном — окказиональные слова, если они есть, представляют собой с лингвистической стороны один из наиболее ярких признаков его своеобразия, нестандартности, выразительности. Ср. уже приводившееся в качестве примера окказиональное слово *вещизм*, но употребленное вместе со своим контекстом: «Необузданный «вещизм» вызывает тяжелые последствия. Вещи обладают неприятным свойством отгораживать людей друг от друга...» (Лит. газ., 1 мая 1973).

В сатирических целях возможны окказионально-семантические сдвиги и различного рода «интерпретации» канонических слов, обозначающих соответствующие реалии. Например, в политическом фельетоне «Любовь диктаторская» (Комс. правда, 28 ноября 1975) читаем: «Что касается роли политических партий, то «концепция» Пиночета нуждается в расшифровке — генерал, видимо, решил создать в стране партию, члены которой должны обладать массой самой различной информации... А над названием такой партии долго ломать голову не приходится. Оно, можно сказать, вертится на языке: «Партия информантов-осведомителей чилийских единомышленников-тиранов» (ПИНОЧЕТ)». Здесь слово *Пиночет* окказионально представлено как аббревиатура, которая соответствующим образом расшифрована. Иначе говоря, данное слово подвергнуто окказиональной реаббревации — особому способу, имеющему место лишь в кругу окказионально-речевого словообразования.

б) Ненормативность — характернейшая особенность окказионального слова, противопоставленная нормативности (точнее, кодифицированности) канонического слова. Окказионализм — это так или иначе нарушение грамматических, словообразовательных, семантических норм, т. е. неправильность; но это не «естественная» неправильность, невольно обусловленная незнанием литературных норм, неумением ими владеть, невнимательностью, артикуляционно-физиологическими недостатками речи и т. д., а в типичных своих проявлениях неправильность мотивированная, носящая целесообразно организованный, «запрограммированный» характер; это одно из проявлений

чевую (как конкретную свою реализацию в самом акте общения). Окказиональное слово — чисто речевая лексическая единица, не знающая языковой формы существования.

поэтической речи (в самом широком смысле), в которой по самой ее сути — выражение (т. е. языковая форма) содержания не менее важно, чем само содержание [6].

в) Функциональная одноразовость — важнейшее свойство окказионального слова. Это свойство предопределено тем обстоятельством, что окказиональное слово создается говорящими для того, чтобы оно употребилось в речи всего лишь один раз. «Абсолютная свежесть» окказионального слова способна создать уникальность речевой ситуации или оттенка выражения, т. е. предельную, первозданную конкретность, которую в такой мере выразить обычное (каноническое) слово бессильно как единица языка, ибо «в языке есть только общее».

Одноразовость окказионального слова противопоставлена воспроизводимости канонического слова.

г) Творимость — специфически речевой признак окказионализма. Творимость окказионализма противопоставлена воспроизводимости обычных слов. Воспроизводимость — это функциональная повторяемость языковой единицы в ее готовом виде, творимость же — это создание новой единицы в самом акте речи.

Обычное слово, однажды возникнув, живет затем своей языковой исторической жизнью, многократно извлекаясь из памяти носителей языка как одна и та же языковая единица и используясь таковой в различных речевых произведениях (текстах). Окказиональное же слово не воспроизводится, а творится, заново создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления, поскольку для окказионализма каждый конкретный акт его употребления является принципиально единственным и неповторимым случаем его речевой реализации. Различные же случаи «извлечения из памяти» окказионализмов (цитирование соответствующих текстов с окказионализмами, многократное их употребление в языковедческих работах и т. п.) являются фактами использования этих слов в качестве объема анализа в метаязыке лингвистики.

д) Все окказиональные слова экспрессивны, в отличие от канонических слов, экспрессивность которых не обязательна. В творческом процессе создания речи на окказионализмах лежит печать их заведомой принадлежно-

---

[6] Более подробно об отношении окказионализма к норме см. в последующем изложении статьи.

сти к нейтральному классу слов, а это относит их в соответствующих ситуациях или жанрах письменной и устной речи к разряду важных, а иногда и ничем не компенсируемых лексических средств образной выразительности (ср. жанры сатиры, фельетона, научной фантастики, экзотики, исторического романа и т. д.). Пример: Я не зря подчеркнул, что Б. хорошо бьет только левой ногой. «Одноногость» — бич многих наших футболистов (Сов. спорт, 18 сент. 1968).

Окказиональные слова не столько номинативны, сколько экспрессивны: в окказиональных словах по сравнению с каноническими словами номинативная функция ослаблена, зато подчеркнута функция экспрессии.

е) Все окказиональные слова в словообразовательном отношении являются производными, в то время как производность канонических слов не является обязательной.

Как известно, непроизводное слово — это чисто условный, немотивированный лингвистический знак (например, *желтый*, *хитрый*), в отличие от канонического производного слова, являющегося мотивированным знаком, значение которого обнаруживается через отношение к производящему, или мотивирующему, слову (*желтинка*, *хитринка*). Значение же окказионального (всегда производного) слова по сравнению с обычным производным словом осложнено фактом нарушения запретов со стороны системы и нормы языка — запретов в соединении морфем в отдельное слово.

ж) Едва ли не самым трудно уловимым признаком окказионализма является его синхронно-диахронная диффузность, сущность которой заключается в местонахождении окказионального слова в точке пересечения синхронной и диахронной осей координат языковой системы.

Подлинная жизнь окказионализма в звучащей речи (без фиксации его на письме [7]) — это его «одномомент-

[7] Письмо искажает, точнее сказать, затемняет истинную природу окказионализма: оно не только дает возможность, но и как бы наталкивает, «провоцирует» повторно его «прочитывать» — произносить вслух, возвращаться к нему вновь, цитировать его в соответствующем речевом окружении и т. п. Вновь подчеркиваем, что все это — иллюзия воспроизводимости, т. е. повторяемость в текстах метаязыка, своего рода «цитация», а не истинная воспроизводимость, свойственная лишь единицам языка. В тех случаях, когда окказиональное слово имеет тенденцию войти в язык, письмо, безусловно, ускоряет этот процесс.

ность», т. е. его одновременное рождение и употребление как единственная форма его реального существования — без последующих актов воспроизведения. Окказионализмы одновременно и синхронны, и диахронны, если рассматривать их с этой стороны.

Синхронно-диахронная диффузность свойственна лишь словам окказиональным и чужда словам каноническим, в которых синхронная и диахронная стороны их жизни, а соответственно синхронный и диахронный аспекты их рассмотрения относительно независимы и самостоятельны. Данное положение подтверждается такими явлениями, свойственными лишь каноническим словам, как опрощение, переразложение, декорреляция и т. д.[8]

Процессы опрощения, переразложения, декорреляции и т. п. чужды окказиональному слову именно потому, что, изъятое из синхронно-диахронных отношений, оно не испытывает и не может испытывать противоречия между диахронной (исторической) жизнью, в принципе отсутствующей у него, и синхронным функционированием. Например, опрощенный окказионализм немыслим вообще: все окказионализмы — производные слова [9].

Данное свойство окказионального слова непосредственно в речи (в частности, в письменной речи) воспринимается как его постоянная неадаптирующаяся «свежесть». Отсюда, в частности, проистекают большие изобразительные возможности окказионального словотворчества. Постоянная привязанность окказионального слова к своему контексту способствует своеобразной «консервации» этой «свежести», идущей от семантико-словообразовательной необычности структуры этого слова [10] на фоне стандартных или адаптировавшихся структур слов как лексических единиц языка.

з) Отметим, наконец, еще один признак окказионализма — его принадлежность отдельному лицу. Не случайно окказионализмы часто называют индивидуальными

---

[8] Изложение всех этих процессов см.: *Н. М. Шанский*. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 174—251.

[9] О синхронно-диахронной диффузности окказионального слова более подробно см. в нашей статье «Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом?» (РЯШ, 1972, № 2).

[10] Для сравнения показательны в этом отношении живучесть и функционирование архаических форм во фразеологизмах «как закрытых» контекстах: *средь бела дня*, *на босу ногу* и т. п.

образованиями. Для окказионализма его авторская принадлежность является принципиальным условием его пребывания в окказиональном статусе. Конечно, мы не всегда можем знать, какому конкретному лицу принадлежит тот или иной окказионализм: этому мешает текучепреходящий характер живой речи, хотя письмо, разумеется, значительно облегчает (но все же не всегда гарантирует) нахождение авторства окказионализма. Однако суть дела не меняется.

В языке же каждый его факт, в том числе и каноническое слово, значит лишь социально, как безраздельно обезличенная принадлежность всему коллективу людей. В языке все слова до предела «обобществлены» и абсолютно «обезличены» в отношении своей авторской принадлежности, несмотря на наличие в языке слов, индивидуальное авторство которых научно установлено. Обыкновенному носителю языка, не обремененному лингвистическими заботами, в сущности нет никакого дела до того, что слово *будущность* принадлежит Карамзину, *стушеваться* — Достоевскому, а *непротивление* — Л. Толстому. Для носителя языка подобные сведения — это лишь лингвистическое (научное) значение в общем такое же, например, как и знание этимологии, словообразовательной структуры, стилистической принадлежности соответствующих слов, но отнюдь не собственно языковое их значение и не необходимое условие их нормального функционирования.

Все перечисленные признаки окказионального слова являются проявлением многообразных чисто «речевых» свойств лексики. В непосредственном речевом восприятии все они сфокусированы в одном — в выражении окказионального значения, эффекта окказиональности, создаваемого благодаря столкновению между тем, что могло бы быть в языке в соответствии с его системой, и тем, чего реально нет в языке, в общем пользовании языкового коллектива. Контрастирование между языком и речью проявляется, в частности, в виде контрастирования между окказиональными и каноническими словами. «Речь полностью зависит от условий своей реализации, а язык стремится избавиться от этой зависимости. Речь испытывает воздействие всех факторов исторической общественной среды, в которой функционирует язык, и поэтому является проводником исторических влияний. Но язык

защищается от этих воздействий речи своими нормами, которые он стремится возвысить над текучестью исторических и общественных событий» [11].

Окказиональные слова накладывают на речь приметы ее неповторимого своеобразия и индивидуальной принадлежности.

Некоторые разновидности или стили речи (публицистическая, газетная, разговорно-бытовая и особенно художественная) стремятся к индивидуализации языковых форм выражения, к «нестандартности», а сама «нестандартность» речи предстает как одно из важных мерил ее качества.

Другие же разновидности речи (например, официальная, деловая, отчасти научная), наоборот, не терпят индивидуальных «вольностей» и больше стремятся к стандартности, единообразию, к традиционно отстоявшимся формам выражения. Для теории и практики культуры речи, как кажется, важно установить закономерности использования окказиональных слов в различных стилях речи, а также в различных конкретных ситуациях. По-видимому, необходима типология ситуаций, вызывающих или делающих возможным использование окказиональных слов.

II

Следует разграничивать два понятия — нормы языка и кодификацию этих норм. Впрочем, нередко кодификацию норм — для краткости — называют нормой.

В одном и том же ряду однотипных производных слов могут встречаться как слова канонические (*читатель*; *учитель*; *бандитизм*, *демонизм*; *учительствовать*, *директорствовать*), так и окказиональные (*сидетель*, *говоритель*; *дьяволизм*, *ведьмизм*; *океанствовать*, *плюшкинствовать*). На основании каких критериев однотипный ряд слов мы делим на канонические и окказиональные?

Здесь мы сталкиваемся с понятиями нормы и ее кодификации как высших, конечных критериев принадлежности того или иного слова к каноническому или окказиональному статусу.

Норму, в общем и целом, можно определить как социальное установление, регулирующее в данном обществе,

---

[11] *В. А. Звегинцев.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М. 1968, стр. 105.

й в данную его эпоху единообразное пользование языком. Следовательно, нормы непосредственно обращены к использованию языка как средства общения, к его функционированию, к употреблению слов и предложений. Целью существования нормы является регулирование в речи единообразного и «правильного» воспроизведения слов и построения предложений. Норма — это идеализированное воплощение всеобщего в качестве обязательного в бесчисленных конкретных актах речевой коммуникации между отдельными индивидуумами.

Речь — явление индивидуальное, поскольку субъектом ее непосредственного, физически материализованного (звукового или графического) воплощения всегда является отдельный конкретный индивидуум. Вместе с тем речь — это явление специфически человеческое, а значит социальное, поскольку она живет только в коллективе людей, в обществе и представляет собой, как и сам человек, продукт общественных отношений. Человек может обратиться с речью и к самому себе, но лишь постольку, поскольку он обращается с ней также и к другим членам языкового коллектива.

Норма является снятием диалектического противоречия между индивидуальной и социальной природой речи. В речи так или иначе отражаются бесконечно-многообразные психо-физиологические, возрастные, социальные, профессиональные и другие особенности и различия отдельных индивидуумов, но речь вместе с тем — средство общения и взаимопонимания всех людей данного коллектива. Норма «примиряет» эти крайности проявления речи, стремится удержать их в оптимальных пределах. Норма нейтрализует, гасит индивидуальный произвол в речевом обращении в той мере, в какой это надо, чтобы удержать речь, а вместе с нею и язык в относительно стабильном единообразии, гарантирующем общепонятность речи и языка.

Имея в виду языковую форму, А. Мартине писал: «Язык каждого отдельного человека быстро «испортился бы» (т. е. стал бы непонятным для других), если бы не осуществлялось непрерывное социальное влияние, направленное на сохранение языковых условностей, и если бы не существовало той постоянной регламентации, которая связана с необходимостью взаимопонимания. Регламентация существует как в лексике и грамматике, так и

в фонологии. Мы говорим правильно для того, чтобы нас поняли (или, по крайней мере, как если бы мы хотели именно этого)» [12].

Но норма имеет и дальнюю перспективу своего назначения. Норма, удерживая язык в относительной стабильности и в относительном единообразии значения и функционирования своих единиц и элементов, облегчает взаимопонимание людей не только одних и тех же смежных поколений, но и людей разных исторических эпох. Это утверждение не противоречит тому, что нормы носят исторически изменяющийся характер.

Норма как общественное установление не столь императивна, как ее кодификация, которая соотношение понятий «правильно—неправильно», «можно—нельзя» доводит до категоричности административного решения или правового закона.

Таким образом, норма ограничивается указанием — со слабой степенью императивности — на то, «как принято говорить, как следует говорить». Норма, следовательно, зиждется на узусе — обычае употребления.

Что является объективной основой отграничения нормы от ее кодификации?

В самом общем виде на этот вопрос можно ответить так: нормы отражают объективно системный (т. е. независимый от воли и сознания носителей языка) характер как всего языка в целом, так и составляющих его структурных ярусов — фонетики, лексики, словообразования, грамматики. Поэтому нормы, пусть не всегда осознанно, но всегда объективно существуют, как уже говорилось, в любом естественном языке, в том числе и диалекте. Кодификация же — это осознанная необходимость нормы, отраженная в лингвистическом сознании носителей языка и закрепленная в соответствующих письменных документах.

III

Итак, налицо два взаимосвязанных и находящихся в противоречивых отношениях друг с другом явления: норма и ее кодификация. Первая держится на системе, на объективных стихийных процессах развития языка и речи; вторая, находясь в определенной зависимости от первой,

[12] *А. Мартине.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 62—63.

все же отдана во власть рационализма социолингвистического интеллекта человека. Соотношение между нормой и кодификацией представляет собой своеобразную проекцию того противоречия, которое всегда существует между диахронией и синхронией и которое является выражением противоречия внутри языковой системы — противоречия между ее синхронической (функциональной) замкнутостью и диахронической (обнаруживающейся в историческом времени) открытостью.

В каких отношениях находятся окказиональное слово к норме и ее кодификации?

Мы уже указывали на ненормативность как на один из существенных признаков, характеризующих все окказионализмы в целом [13]. Здесь перед нами стоит задача хотя бы кратко раскрыть конкретное содержание самого признака ненормативности. При этом следует учитывать по меньшей мере три следующих обстоятельства: во-первых, структурно разнородные окказионализмы неодинаково относятся как к языковой системе, являющейся основой нормы, так и к самой норме и ее кодификации; во-вторых, степень обязательности нормы и ее кодифицирующих предписаний в разных случаях неодинакова; в-третьих, восприятие резкой ненормативности и принципиальной некодифицируемости окказионализма в значительной мере нейтрализуется его мотивированным употреблением в строго нормированной, кодифицированной речи.

Прежде всего следует отметить, что понятие «неправильность (ненормативность) слова» не есть «величина» постоянная, застывшая или одинаковая для всех случаев: она может колебаться от резко бросающейся неправильности до неправильности едва уловимой, вызывающей скорее ощущение необычности или «неизбитости», чем ощущение прямого неприятия слова, возникшего в процессе речи.

Примеров системных окказионализмов, «не возмущающих» норму (словообразовательную) языка, можно привести немало: Где поэтичность, *лунность*, благодарное изящество и мягкость творца Джоконды и святой Анны,

www.ruslang.ru

[13] Нам представляется важным высказывание Л. И. Скворцова, отметившего, что окказионализмы — это «принципиально некодифицируемая область речевой деятельности» (см.: *Л. И. Скворцов*. Норма. Литературный язык. Культура речи. «Актуальные вопросы культуры речи». М., 1970, стр. 48).

где Леонардова улыбка? (Ю. Нагибин. Улыбка Джоконды); ...и листья, и *лунность* меняешь на *людность* (Е. Евтушенко. Я старше себя...); ...*полётистость* поэзии Державина (В. Г. Белинский); ...вот где (в сонате Бетховена.— *А. Л.*) *оркестральность* пианизма Рихтера сказались в полной мере (Известия, 24 янв. 1965); *Колокольность* — характерная особенность творчества Рахманинова, притом *колокольность* символизирует тему Руси (из передачи по Центральному радио 24 мая 1969) и т. п.

Каждый из выделенных окказионализмов, будучи системным и имея точные и многочисленные словообразовательные аналогии в кругу канонических слов, прозрачен по структуре и значению и специально не нуждается или почти не нуждается в подсказывающей помощи контекста. Для непрофессионального или неискушенного в тонкостях языка получателя речи эти слова слабо выделяются в общей массе канонических слов текста.

И все же эти слова — окказионализмы: они — творимые, а не воспроизводимые единицы, они не канонизированы (не кодифицированы) ни нормативными словарями, ни грамматиками как главными авторитетами кодификации языковой нормы; эти слова хотя и ослабленно, но достаточно заметно окружены ореолом окказионального значения. На примере слов терминологического характера (типа *оркестральность*, *колокольность*) можно заметить, что чем специальнее или «профессиональнее» контекст или речевая ситуация, тем в большей мере снимается ореол окказиональности у этих слов, которые в общем литературном языке представляются достаточно ясными и бесспорными окказионализмами. Эффект окказиональности [14] и интенсивности ее проявления может быть связан, как видим, с контекстом или ситуацией речи, с ее стилистическими свойствами.

Несистемные окказионализмы ярче, заметнее и сильнее выражают окказиональное значение, чем системные, значительно легче выделяются своей словообразовательной

[14] К сожалению, сам этот эффект окказиональности как производимое на носителя языка воздействие или впечатление от окказионального слова формализованным путем пока неопределим, хотя всегда можно конкретно указать структурно-семантические и иные причины, вызывающие этот эффект. Он так же труден для формализованного описания, как и лексическое значение канонического слова.

экстравагантностью на общем фоне привычных канонических слов. Несистемные окказионализмы не только не кодифицированы, но и ненормативны: их словообразовательная структура не соответствует нормам языка. Приведем несколько примеров из произведений В. Маяковского:

Обликом своим белея,
Лев Толстой *заюбилеил*.
Травояднее, чем овцы,
собираются толстовцы
(«Вегетарианцы»);

В винницкой глуши *тьмутараканясь*,
— так я рисовал, вот так мне
представлялся стопроцентный
американец
(«100%»).

Не все стороны литературного языка в равной мере подчинены кодификации. В наибольшей мере кодифицирована его письменная форма. Собственно, в правилах орфографии норма и ее кодификация совпадают, отождествляются. По словам Л. А. Булаховского, «главной скрепой литературной нормы является письмо — значит, то, что осуществляется вне прямого контроля на письме, подвергается в литературном языке сравнительно большим колебаниям» [15]. Иными словами, орфографические ошибки считаются как наиболее резкие и наиболее нетерпимые отступления от литературно-языковой нормы и ее кодификации.

Но даже и орфографическая ошибка, если она носит вторичный характер, т. е. не является прямым следствием неграмотности, а выступает как средство показа определенной характерности, перестает быть ошибкой в собственном смысле, функционально преобразуясь [16]. Ср.

[15] Цит. по: *В. А. Ицкович*. Норма и ее кодификация. «Актуальные проблемы культуры речи», стр. 31.

[16] Вообще же следует заметить, что различные функциональные смещения определенной единицы языка с ее «законного» места, закрепленного его положением в системе, качественно преобразует ее место в этой системе, а тем самым преобразует и саму мерку для ее измерения и характеристики. Так, термин, выходя за пределы своего терминологического поля и попадая в художественный контекст, уже перестает быть термином. То же самое происходит и с диалектизмом в художественном произведении.

заголовок статьи в «Комсомольской правде» от 17 июля 1971 г.: «Прашу пренять в институд...»... и приняли». В статье рассказывается об отдельных фактах незаконного поступления безграмотных абитуриентов в вузы. В контексте всей статьи орфографически неправильное «прашу пренять в институд» становится словесным образом, символизирующим претенциозную безграмотность, и выделенные нами слова, разумеется, уже нельзя измерить по обычной орфографической мерке. В конце статьи ее автор А. Шлиенков, обращаясь к читателю, объясняет происхождение самого заголовка: «Читатель, по-видимому, обратил внимание на то, что заголовок к этому репортажу не совсем грамотный. Его написал под диктовку «абитуриент», за которого экзамены сдавали подрядчики. Написал на следственном эксперименте».

Приведем еще два примера мотивированного нарушения нормы.

1. Еще один случай произошел со мной,— продолжал П. П. Кадочников.— В Подмосковье съемочная группа работала над фильмом «Повесть о настоящем человеке». Ежедневно за мной в дом отдыха, где я жил, приезжал старик лет семидесяти и отвозил на лошадке к месту съемок. Старик был совершенно равнодушен ко мне, не спрашивал, почему я так оброс, почему на мне рваный обгорелый комбинезон.

Помню прекрасное утро. Заснеженные ели, тишина. Трясемся с возницей в розвальнях. Вдруг старик меняется в лице, поднимается и взволнованно произносит: «Тпрру, ведмедь!»

Гляжу, действительно медведь, бежит прямо на нас. И тут же узнаю его. Это наш «актер» Марьям. Соскакиваю с саней, бросаюсь к нему навстречу, кричу «Марьям, стой!» Медведь — в лес. Я — за ним. Мой старик хлестнул лошадей и помчался к себе в деревню. Там собрал вокруг себя народ и произнес речь: «Везу человека. Человек как человек. А навстречу ведмедь. Человек спрыгнул, что-то ведмедю сказал, и они вместе в лес убегли... Чудно, не видывал такого!» А я гнался за медведем... Через несколько минут поймали «актера» (Неделя, 1968, № 15, стр. 24).

2. Потом, когда пассажир сказал: «Шереметьево... ошень быстро... самолет...», шофер отметил, что не ошибся: это был иностранец (Комс. правда, 25 авг. 1971).

В аспекте интересующей нас проблемы противоречивая сущность окказионализмов заключается в том, что, с одной стороны, они — как результат окказионального словообразования — представляют собой принципиально ненормативные лексические единицы речи, а с другой стороны — функционально оправданы, что подтверждается фактом их существования в литературной (кодифицированной) речи.

В упоминавшейся работе Л. И. Скворцова содержится, на наш взгляд, интересная попытка представить речевую деятельность с нормативной точки зрения. По Л. И. Скворцову, норма делится на два подтипа: на норму воплощенную (реализованную) и норму невоплощенную (потенциальную, реализуемую). Он пишет: «Реализованная норма состоит из двух частей: 1) актуализированная часть (современная, активно действующая, осознаваемая и практически кодифицированная) и 2) неактуализированная часть (куда включаются уходящие архаизмы, редко встречающиеся дублеты и т. п.).

Реализуемая норма в свою очередь также распадается на две части: 1) становящиеся нормой неологизмы и новообразования на разных уровнях языка и 2) принципиально некодифицированная область речевой деятельности (окказионализмы или создаваемые к случаю необходимые в процессе общения образования)» [17].

Нас особенно интересует потенциальная, т. е. реализуемая, сфера нормы в интерпретации Л. И. Скворцова. Однако целесообразно ли в потенциальную сферу нормы включать окказиональные слова? Дело в том, что практически все окказионализмы так и остаются за пределами нормы и ее кодификации: доступ окказионализмов в литературно нормированную речь объясняется не тем, что они имеют какие-либо «шансы» или «претензии» войти в литературную лексику в результате длительного употребления (таких шансов или претензий у них нет), а тем, что их функциональная целесообразность и изобразительные возможности оправдывают их употребление в литературной речи. Собственно, любые нарушения нормы, любые ошибки в принципе могут стать частью литературного текста, если они в нем представлены функционально оправданными и достаточно изобразительными.

---

[17] *Л. И. Скворцов.* Указ. соч., стр. 48.

Следовательно, доступ принципиально некодифицируемых и даже ненормативных элементов в литературную речь объясняется не их какими-то особыми внутренними постоянными качествами как таковыми, а выполняемой ими в этой речи функцией. Например, диалектизм в устах старика-хуторянина на Кубани находится, бесспорно, за пределами нормированной речи. Но этот же диалектизм, становясь в художественном тексте изобразительным средством для показа какой-либо характерности человека (возрастной, социальной, диалектной и т. д.), получает право принципиального доступа в нормированную литературную речь под особым статусом.

Собственно, «под особым статусом» в нормированную, чаще всего художественную речь принципиально могут входить (и входят) любые нарушения нормы и ее кодификации на всех ее уровнях. Однако, все эти факты, которые мы подводим «под особый статус», между собой внутренне различны. Встает, таким образом, новый вопрос — положение окказионализма в его отношении к языковой неправильности в «тексте» нормированной речи.

IV

За пределами нормы и ее кодификации в кругу лексических единиц находятся не только окказионализмы, но и другие языковые неправильности — диалектизмы, нелитературные просторечия, жаргонизмы, всевозможные речевые ошибки, искажения и т. п. На уровне нормы понятия окказионализма и языковой неправильности представляют собой явление однопорядковые, так как для самих фактов, подводимых под эти понятия, общим и объединяющим является нарушение нормы и ее кодификации.

В «чистом», неосложненном и наиболее типичном проявлении языковая неправильность, в отличие от окказионализма, представляет собой следствие незнания норм языка или неумения им владеть. Языковая неправильность, следовательно, не носит целенаправленного или как-то организованного характера. В этом смысле она невольна, стихийна, «естественна». В художественной же речи, эстетически организованной и построенной в обязательном соотнесении с фоном языковой нормы и ее кодификации, неправильность носит качественно иной характер:

она становится художественно (или изобразительно) значимой, поскольку играет характерологическую роль. Например, в третьей главе поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» вместо литературных слов *адмирал* и *университет* употреблены их просторечно-крестьянские дублеты *аммирал* и *новорситет*:

Аммирал-вдовец по морям ходит,
По морям ходит, корабли водит...

Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в *новорситет*!»

Притом здесь совершенно неважно, в авторской ли речи употреблены эти некодифицированные слова или в речи персонажей: и в том и в другом случае их изобразительно-эстетическая роль несомненна. Лишь бы было соблюдено главное принципиальное условие употребительности фактов нарушения нормы: чтобы эти факты четко вырисовывались на фоне кодифицированной нормы и были достаточно изобразительны. Л. В. Щерба писал: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то начинает он чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее» [18].

Сознательные и мотивированные отклонения от нормы в языке художественных произведений и вообще в литературном языке в принципе не чужды идее языковой нормы. «Задача борьбы за высокую речевую культуру заключается не в том, чтобы установить какие-то каноны, начисто и категорически отвергая все «нелитературное», а в том, чтобы оценить это нелитературное, охарактеризовать его стилистически, показав, в частности, возможности его включения (с теми или иными целями) и в литературно-нормированную речь. С этой точки зрения элементы профессиональных и социальных арго, местных диалектов, просторечия оказываются не метафизическими «неправильностями», чуждыми во всех случаях литературному языку, а единицами, которые могут

[18] *Л. В. Щерба.* Спорные вопросы русской грамматики.— РЯШ, 1939, № 1, стр. 10.

быть использованы (и используются) с определенными целями в литературных текстах» [19].

Кроме того, в художественной речи неправильность носит вторичный характер, поскольку литературное произведение — это художественно воссозданный мир действительности, а не сама действительность.

В живой обычной речи, разумеется, также могут быть эстетически организованные проявления неправильностей в виде имитации, передразнивания, шаржирования, воспроизведения и т. п. В этом случае неправильность также является вторичной, и ее функция принципиально одинакова с ее функцией в художественном произведении.

Итак, в первичном, изначальном своем проявлении неправильность — это ошибка по незнанию, неумению, невнимательности и т. п. Все остальные проявления неправильностей изобразительно целесообразны, а значит и вторичны.

Окказионализм же (в изначальном своем проявлении, т. е. не в метаязыке) — это почти всегда сознательный акт словотворчества самого говорящего субъекта речи, стремящегося к самовыражению и преодолению привычных и стандартных формул выражения. Притом, как уже говорилось, принципиально неважно, кому в речи принадлежит окказионализм — автору или персонажу. Типичные окказионализмы — по крайней мере все те, какие до сих пор были предметом лингвистического интереса,— всегда являлись принадлежностью литературной, т. е. нормированной речи. Это свидетельствует о том, что окказионализм — это сознательное, мотивированное отклонение от нормы и ее кодификации.

Будучи явлением смежным по отношению к норме, окказионализм и неправильность могут в некоторых своих конкретных реализациях совпадать. Это в общем довольно редкие случаи. Например, неправильность смыкается с такими окказионализмами (чаще всего в живой речи),

---

[19] *Л. П. Крысин.* Использование речевых неправильностей в художественной литературе.— РЯШ, 1966, № 2, стр. 32. В этой же статье приводится пример мотивированной неправильности: — Да, *матеря* теперь плачут... — отозвался провожатый деловито и сухо.— *Матеря* плачут,— повторила за ним Ксана, стесняясь произнести это слово правильно (Е. Суворина. Ксана Муратова — фронтовая артистка). Это один из тех случаев, когда языковая неправильность не только целесообразна, но и необходима с точки зрения требования художественной правды.

которые не носят характера специально заданного отступления от нормы, а являются следствием естественной речевой импровизации человека, объективно подчиняющего свое речевое поведение системе языка и не подозревающего новаторского характера результатов своей речевой деятельности. Ср. у М. Шолохова в «Тихом Доне»: — И я спрошу,— спокойно ответил Мишка. — Не твое дело. Без тебя найдутся спрашивальщики.

V

Итак, видим, что языковая норма и ее кодификация вполне терпимы к определенного рода нарушениям — к диалектизмам, просторечиям, вульгаризмам и интересующим нас окказионализмам. Разумеется, подобная терпимость объясняется не «либерализмом» или слабым авторитетом кодифицирующих предписаний языковой нормы, а функциональной оправданностью использования отдельных неправильностей на фоне четко осознаваемой нормы.

Как положительный факт следует отметить, что в советском языкознании превалирует функциональный подход в нормативной оценке фактов речевой деятельности людей. Норма не должна быть ни консервативна, ни догматична. Вместе с тем она должна быть достаточно стабильна, чтобы обрести вполне определенные контуры образца, на который следует равняться в речевой практике людей. «В центре внимания советских ученых находится функциональный подход к проблемам правильности и нормативности. Только такой подход позволит превратить деятельность по повышению культуры речи из простого (и неминуемого субъективного и ограниченного) «запретительства» в лингвистическое, на основе позитивной программы, воспитание, выработку языкового чутья, умения наилучшим образом пользоваться языком, его выразительными средствами, соответственно познанным законам функционирования языка в обществе» [20].

В одну из задач нормализаторской деятельности лингвистов входит — дать конкретные и обоснованные рекомендации, касающиеся использования окказиональных

[20] *Ф. П. Филин, Л. И. Скворцов.* Культура русской речи. «Вестник АН СССР», 1975, № 5, стр. 97.

слов в различных стилях и жанрах современного русского литературного языка, исходя из функциональных возможностей и структурно-стилистических свойств и особенностей данного класса слов.

Бытующие в живой разговорной речи и зафиксированные в застывшем виде на письме бесчисленное множество русских окказиональных слов представляют собой неотъемлемую часть речевой и — шире — общей культуры нашего народа. Окказиональное словотворчество — это большое, поистине неиссякаемое богатство, которое дано, однако, не в готовом виде, а в потенции, требующей для своей реализации творческих усилий, фантазий, чувства меры и художественно-языкового вкуса.

К РАЗРАБОТКЕ КРИТЕРИЕВ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ[1]

Е. Л. Гинзбург

0. Кодификационная практика предполагает разработку оценок того, выполняются ли для тех или иных явлений, наблюдаемых в речевой практике, требования, которым должны отвечать единицы системы. Применительно к объектам словообразования эта проблема может быть конкретизирована так:

1) Чем следует руководствоваться, связывая два слова отношением производности?

2) Чем следует руководствоваться, утверждая, что в паре слов, связанных отношением производности, одно слово является производящим, а другое — производным?

Настоящие заметки посвящены этой второй задаче.

1.0. Ближайшей родовой категорией для антирефлексивного, антисимметричного и нетранзитивного отношения производности является отношение маркированности. (Детальному анализу этого отношения посвящена книга Дж. Гринберга [2].) Среди критериев, соответствую-

[1] Автор признателен Н. Ветчинкину, М. Пробсту и Б. Сухотину за конструктивную критику и помощь.

[2] *J. Greenberg.* Language Universals. With special reference to feature hierarchies. Mouton, The Hague, 1966.

щих этому отношению, нас будет интересовать критерий «меньшей сферы использования» в его частотной интерпретации: «Слово с меньшей степенью частоты должно рассматривать как производное» [3]. Примечательная особенность этого критерия заключается в его сопряженности с другими критериями маркированности (= производности), такими, как нейтрализация некоторых различий производящих в производных, большая вариативность, присущая немаркированным и в плане выражения, и в плане содержания, и т. п. Разновидность этого критерия и критерий стилистической маркированности, или ненормативности производного [4]. *Непрерывный* — стилистически нейтральное слово, *прерывный* же относят к устаревшей лексике: это исключает существование между ними живых словообразовательных отношений и требует соотносить оба слова по крайней мере со стилистически немаркированным *прерываться*.

1.1. Об эффективности сравнения частот при установлении направления производности для слов, относительно которых известно, что они связаны отношением производности, можно судить по глаголам на *вы-* (см. табл. 1.). Частотный критерий служит здесь инструментом установления принадлежности производного словообразовательному типу. Отметим, что в случае *тащить* 22 — *вытащить* 30, этот критерий приводит к результатам, которые противоречат интуиции. Но дело даже не в этом. Собственно частотный критерий сугубо локален и его применение мало зависит от качества изучаемых единиц [5]. Иное — оценка различий частот при изучении системы слов: здесь она должна относить различия к некоторой шкале, устройство которой должно зависеть от гипотез о качестве изучаемых единиц.

2.0. В нашем случае подобная шкала различий может быть задана следующей функцией, оценивающей рас-

---

[3] *H. Marchand.* Studies in Syntax and Word Formation. Wilhelm Fink Verlag, München, 1974, стр. 246.

[4] *В. В. Лопатин.* Мена полногласия на неполногласие в словообразовании русского языка.— РЯШ, 1970, № 6.

[5] Этот критерий отражает и деривационную сложность получения одного слова на основе другого. С этой точки зрения показательны словообразовательные варианты, производные от глаголов на *-ировать*: *проектировщик* используется чаще, чем *проектант*, а *экранизированный* — чаще, чем *экранизованный*, *цементирование*, однако реже, чем *цементация*.

стояние между производящим A и производным B, которым приписаны частотные характеристики a и b, $a > b$, $a, b \neq 0$, $0/0_{Df} = 1$

$$\rho(a, b) = \frac{a - b}{a}.$$

При выборе функции мы руководствовались следующим. Если слово X не принадлежит языку L, его частота в текстах языка L нулевая, а его отличия от любого слова языка максимальны, то есть равны единице. Каковы бы ни были слова языка L, их различия всегда меньше максимального, между ними всегда есть нечто общее. Различия двух слов данного языка минимальны и оцениваются 0, если их частоты одинаковы. Очевидно, что одновременное увеличение (уменьшение) сравниваемых частот в k раз не изменит значения функции.

3.0. Анализ устройства словообразовательного типа, например, глаголов с префиксом *вы-*, с помощью введенной функции позволяет предполагать следующее.

1) Идентичность расстояния между производящим и производным для ряда пар одного и того же типа говорит о принадлежности членов таких пар (и прежде всего производящих) разным семантическим классам (ср. *бежать — выбежать* и *вести — вывести*). Это значит, что словообразовательный тип может быть расчленен на подтипы.

2) Для пар с семантически далекими производящими (*бежать — лезть*, *ехать — лезть*, *вести — нести*, *брать — пить*) расстояния между производящими больше расстояний между производными. Для пар с семантически близкими производящими (*бежать — ехать*, *брать — звать*) расстояния между производящими меньше расстояний между производными. Близкие расходятся, далекие в семантическом отношении в процессе словопроизводства сближаются.

3) Расстояние между производным и производящим обычно не меньше, т. е. равно или больше расстояния между производными (исключения: *звать — вызвать*, *пить — выпить*) и больше среднего расстояния между производными (для *вы*-глаголов оно равно 0,23; исключение — пара слов *лезть — вылезть*, расстояние между которыми 0,19).

4) Расстояние между производным и производящим обычно не меньше, т. е. равно или больше расстояния

между производящими, усредненного для подтипа (исключение — пара *лезть — вылезть*), и больше среднего расстояния между производящими для всего словообразовательного типа (для глаголов, производящих *вы*-глаголы, оно равно 0,43; исключения — пары *лезть — вылезть*, *звать — вызвать*).

5) В среднем расстояние между однокоренными больше расстояния между разнокоренными.

6) В среднем расстояния между производящими больше расстояния между производными.

Таблица 1

X	f(X)	X′	f(X′)	ρ(X, X′)
бежать	117	выбежать	21	0,82
ехать	105	выехать	26	0,75
лезть	26	вылезть	21	0,19
вести	112	вывести	20	0,82
нести	68	вынести	22	0,68
брать	106	выбрать	42	0,6
звать	105	вызвать	68	0,35
пить	50	выпить	25	0,5

X — производящее, X′ — производное, f(Y) — частота слова Y, где Y — это X или X′. Частоты приводятся по словарю Э. А. Штейнфельдт[6].

Расстояния между производящими

	бежать	ехать	лезть		вести	нести		брать	звать	пить
бежать	0	0,1	0,78	вести	0	0,39	брать	0	0,01	0,53
ехать		0	0,75	нести		0	звать		0	0,52
лезть			0				пить			0

3.1. Приняв этот последний результат в качестве рабочей гипотезы, попытаемся проанализировать те пары «производное — производящее», где собственно частотный

[6] *Э. А. Штейнфельдт.* Частотный словарь современного русского языка. Таллин, 1963.

Расстояния между производными

	выбежать	выехать	вылезть		вывести	вынести		выбрать	вызвать	выпить
выбежать	0	0,19	0	вывести	0	0,09	выбрать	0	0,38	0,4
выехать		0	0,19	вынести		0	вызвать		0	0,63
вылезть			0				выпить			0

Средние для расстояний между производящими

БЕЖАТЬ 0,54
ВЕСТИ 0,39
БРАТЬ 0,35

Средние для расстояний между производными

ВЫБЕЖАТЬ 0,13
ВЫВЕСТИ 0,09
ВЫБРАТЬ 0,47

критерий приводит к результатам, противоречащим интуиции. Для испытуемой пары слов возьмем такую тестовую пару слов с установленным направлением производности, которая принадлежит тому же словообразовательному типу, что — по предположению — и испытуемая пара слов. Вычислим расстояние между словами испытуемой пары, а также расстояния от каждого члена этой пары до производного в тестовой паре. Потребуем, чтобы из двух претендентов на роль производного в испытуемой паре слов предпочтение отдавалось тому, расстояние которого до производного из тестовой пары максимально меньше расстояния между членами испытуемой пары.

Проверим нашу гипотезу.

a	говорить	1012	——→	говориться	47	c
b	делать	354	—?→	делаться	45	d

ρ (bd) = 0,87, ρ (cd) = 0,04, ρ (cb) = 0,88, ρ (bd) $>$ ρ (cd), но ρ (bd) $<$ ρ (bc).

Поэтому производное — *делаться*, а производящее — *делать*.

Рассмотрим теперь пары, вызывающие сомнения.

a	делать	354	——→	делаться	45	c
b	волновать	23	—?→	волноваться	36	d

ρ (bd) = 0,36, ρ (cd) = 0,2, ρ (bc) = 0,49, ρ (bd) $>$ ρ (cd), ρ (bd) $<$ ρ (bc).

Поэтому производное здесь — *волноваться*, а производящее — *волновать*.

a	ехать	105	———	выехать	26	c
b	тащить	22	——?——	вытащить	30	d

ρ (bd) = 0,27, ρ (cd) = 0,13, ρ (bc) = 0,15, ρ (bd) — ρ (cd) ρ (bd) — ρ (bc).

Поэтому производное — *вытащить*, а производящее — *тащить*. Подобный результат мы, однако, не получим, если тестовыми парами выбрать семантически близкие, например, *нести* 68 — *вынести* 22 или пары типа *бежать* 117 — *выбежать* 21, где частота тестового производного равна или меньше частоты одного из членов испытуемой пары. В качестве тестовых пар не годятся и такие пары, для которых расстояние любого члена испытуемой пары до производного тестовой пары всегда больше расстояния между членами такой пары. В нашем случае такова пара *брать* 106 — *выбрать* 42.

3.2. Для такой четверки однокоренных слов, связанных отношениями производности, которую можно разбить на пары, две из которых принадлежат одному словообразовательному типу, а две других — другому, направление деривации устанавливается по правилу: если расстояние между членами одной пары данного словообразовательного типа больше расстояния между членами другой пары того же словообразовательного типа, то члены первой признаются производящими для членов второй.

Если, кроме того, для слов, имеющих более одной деривации, желательно установить, какая из двух деривацией предпочтительнее, то старшинство на деривационных шагах [7] устанавливается соглашением: «Старше тот деривационный шаг, которому принадлежит пара с наибольшим из двух наибольших расстояний. Предпочтение отдается той из двух деривацией, которая начинается с более старшего деривационного шага».

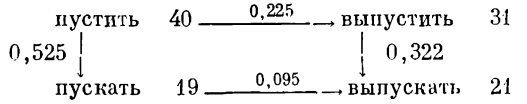
Для слухая

	идти	633	—0,62—	выйти	241	
0,68	↓			↓	0,55	
	ходить	172	—0,37—	выходить	108	

[7] *П. А. Соболева.* Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Автореф. докт. дис., 1970.

эта процедура определяет деривационные цепочки *идти* → *выйти*, *идти* → *ходить* → *выходить*.

Для случая, где собственно частотный критерий приводит к интуитивно неверным результатам,



эта процедура определяет аналогичные две деривационные цепочки, а именно — *пустить* → *выпустить*, *пустить* → *пускать* → *выпускать*.

3.3. При анализе единиц, более сложных, чем словообразовательный тип, прежде всего словообразовательных гнезд, учет частот подчас приводит к решениям, которые не только не тривиальны, но и позволяют увидеть историческую динамику строения гнезда и его более глубинную структуру.

Что от чего — *больной* от *болеть* или *болеть* от *больной*?

Структурный критерий производности, предложенный П. А. Соболевой, определяет направление деривации, согласующееся с первой реакцией информанта на вопрос о семантическом соотношении этих слов: *болеть* является производящим, а *больной* производным, так как *болеть* дает большее разнообразие несомненных производных (см. рис. 1). Однако словообразовательное гнездо, представленное так, как это предлагается П. А. Соболевой [8], остается в этом случае, как и в случае, когда за вершину гнезда принимается слово *больной*, нерегулярным [9]: как бы мы ни решали вопрос об источнике для *болезненный* (от *болеть* или *болезнь*, нам представляется более предпочтительным считать производящим *болезнь*), мы можем связать *больница* только с субстантиватом от прилагательного *больной*, ср. *иглы* — *игольница* при принадлежности совсем другому словообразовательному типу *светлый* — *светлица* или *теплый* — *теплица* (см. рис. 2 и рис. 3).

[8] *П. А. Соболева.* Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной модели. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам». Тарту, 1967; *Е. Л. Гинзбург.* Исследование гнезд сложных слов в русском языке на базе аппликативной модели. Автореф. канд. дис., 1967.

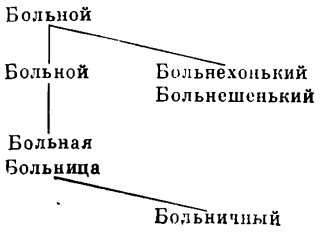
[9] *Е. Л. Гинзбург.* Исследование структуры словообразовательных гнезд. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1973.

Кроме того, *больной* дает производные прилагательные — диминутивы *больнешенький* и *больнехонький*, говорящие о качественности производящего, ср. *очень больной...*, *тяжело больной...*, а это совсем не свойственно девербативам. Этот семантический аргумент подтверждается и частотным критерием: сравнение частот у *болеть* 21 и *больной* 64 показывает, что производящее — *больной*. Возможный путь устранить противоречие — это признать обсуждаемое гнездо двувершинным [10], то есть признать, что и *болеть*, и *больной* являются непроизводными. Такое решение дает не только более компактное словообразовательное гнездо, полученное словообразовательное гнездо является вместе с тем и регулярным (см. рис. 4). Это решение исключает возможность считать *заболеть* словообразовательным омонимом, хотя и не исключает возможности для этого слова быть бимотивированным, правда, только семантически: *заболеть* = '(*начать быть*) *больным*', *заболеть* = '(*начать*) *болеть*' *при*болеть = '(*быть*) *больным*', т. е. *заболеть* = '*начать* (*быть больным*)'. Это размежевание семантической и словообразовательной мотивации распространимо и на *болеть* — *больной*: с точки зрения словообразования они являются равно немотивированными, а с точки зрения семантики упорядоченными так, что главенствующим является прилагательное.

Представляется целесообразным во всех случаях, когда это возможно, дополнить структурное представление гнезда частотными характеристиками членов гнезд, а для всех производных — указанием еще и на расстояние от производящего или производящих. Подобные пометы фиксировали бы возможность ряда семантических интерпретаций для одного и того же производного и были бы материалом для обсуждения путей предпочтения одной из них. Для части гнезда со словами *болеть* — *больной* данные частотного словаря Э. Штейнфельдт позволяют дать описание, представленное на рис. 5.

3.4. Обнаруженное противоречие — следствие того, что структура гнезда описывалась в терминах поверхностных синтаксических категорий, отражающих морфологи-

[10] *П. А. Соболева.* Критерий внутренней производности при словообразовательных отношениях по конверсии. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. CXXVI, вып. 2. М., 1958; *Е. А. Земская.* Заметки по современному русскому словообразованию.— ВЯ, 1965, № 3.



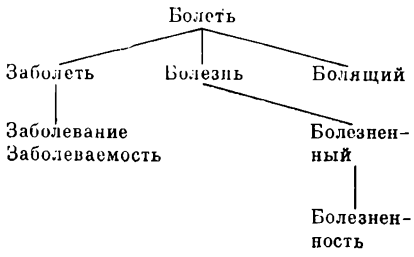


Рис. 1

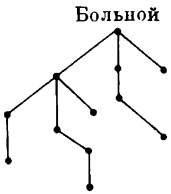


Рис. 2

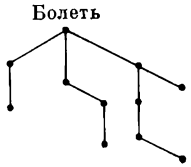


Рис. 3

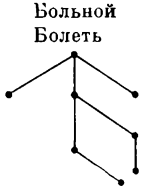


Рис. 4

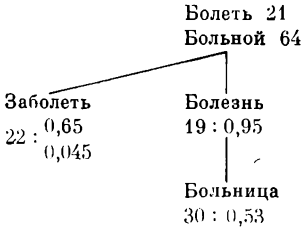


Рис. 5

ческую специфику данного языка. С позиций глубинных синтаксических структур, обращенных к семантике и ее универсальным категориям, этого противоречия нет: ведь и глагол, и прилагательное являются в нашем случае разными поверхностными соответствиями одной и той же глубинной категории — категории статальных предикатов. Это объясняет и частотный контраст сравниваемых слов: различия по сфере использования характерны прежде всего для слов, которые семантически близки и деривационно однородны. Естественно задаться вопросом: не это ли различие поверхностного и глубинного синтаксических уровней объясняет хотя и редкую, но противоречивость результатов собственно частотного критерия?

ОБ ОСОБОЙ КАТЕГОРИИ СЛОВ В РАЗРЯДЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. П. Катлинская

Предметом настоящей статьи является описание одного чрезвычайно активного в современном языке процесса. О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский в статье «К вопросу о «правильности» речи» (см. ВЯ, 1960, № 2) условно назвали его процессом «замены различных оборотов словосочетаниями типа «весенняя погода». Излагая свои наблюдения в исследовании «ортологического» направления, авторы тем самым вводят проблему в круг актуальных вопросов нормализации литературной речи.

Семантические и синтаксические свойства сочетаний с отсубстантивными прилагательными, которые трансформируются в сочетания с косвенными падежами однокоренных существительных (*меховой воротник — воротник из меха*) и которые не имеют трансформов, так называемые «эллиптические преобразования многословных описательных оборотов», рассматривает в специальной работе Е. А. Земская [1]. Наши рассуждения и выводы строятся на основании широкого обследования материалов современных газет, журналов и художественной прозы. Общее количество зафиксированных примеров превышает 2000. Цифра эта может быть увеличена по существу беспредельно методом сплошной выборки из любой газеты (например, начиная с сегодняшнего дня) [2].

При осмыслении семантико-грамматических свойств описываемой категории слов в группе относительных прилагательных современного языка исходным для нас был тезис Е. А. Земской о выделении в русском языке «слово-

[1] *Е. А. Земская.* О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном языке. «Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967.

[2] См. примеры из «Известий» от 25 июля 1975 г.: «космический праздник Земли», «сближаться с океанской поверхностью», «траектория движения космической системы Салют 4 — Союз 18», «послушать рассказ своих земных собеседников», «командные шахматы», «командные соревнования — мужские и женские», «мировой хоккей», «межконтинентальный кубок» и т. п.

образовательных типов, по которым производятся образования, значение которых уточняется лишь в контексте» [3].

Рассматривая словосочетания типа *кубковые заботы* (заботы, связанные с футбольными играми на Кубок СССР), *объемный стержень* (стержень большого объема для шариковой ручки), *олимпийские достоинства столицы* (достоинства Москвы как места проведения Олимпиады) и т. п., а также словосочетания типа *арабские дома*, *президентские выборы*, *китайское приглашение* и т. п., мы выделяем ряд аспектов: грамматический, семантический, нормативный, информационный [4].

Последовательное рассмотрение грамматических, семантических, нормализационных и информационных особенностей указанных словосочетаний вызвано исключительно соображениями удобства изложения и восприятия материала. На самом деле ни один из этих аспектов не выделяется как автономная характеристика. Наоборот, главным свойством данной категории слов, которые мы назвали сигнально-определительными, является их беспредельная активизация в современном языке на основе сочетания, комбинации и переплетения этих лингвистических ипостасей.

I. Грамматический аспект. Основная грамматическая особенность рассматриваемой категории слов — их широкие словообразовательные возможности как с точки зрения производящей основы, так и с точки зрения способов словообразования. В зависимости от производящей основы такие слова делятся на 4 группы.

1) Очень большую группу в языке современных газет и журналов составляют относительные прилагательные со значением единичной отнесенности. Исследователи истории литературного языка XIX в. отмечали, что «обозначение отношения к отдельному предмету делается специфической функцией родительного падежа существительного» [5]. Однако сегодня и в устной, и в письменной

---

[3] *Е. А. Земская.* Указ. соч., стр. 102.

[4] Содержание используемых здесь понятий терминологического свойства будет раскрыто в дальнейшем изложении.

[5] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964, стр. 131.

речи на месте этого родительного мы гораздо чаще встречаем прилагательное. Немало среди них таких, которые выражают отнесенность к лицу, названному именем собственным: *шпрингеровская газета* (газета, издаваемая Шпрингером), *гагаринская черта* (черта характера самого Гагарина, а не «как у Гагарина»), и т. п.

Единичная отнесенность к лицу, названному именем нарицательным, в современном языке также часто выражается словосочетанием «отсубстантивное прилагательное + + существительное», а не косвенным падежом существительного: *художническая самостоятельность*, *художнический гений* (не вообще, а именно этого, индивидуального художника), *космонавтская работа* (в значении его, Гагарина, работа, профессия), *тридцатилетие механизаторского стажа* (стажа работы конкретного человека в качестве механизатора).

2) Вторую группу составляют прилагательные, выражающие отношение к роду лиц. В названном выше исследовании по истории русского литературного языка XIX в. отмечается постепенное сокращение в употреблении таких прилагательных. (См. «Очерки...», стр. 145, 146.)

Наш материал позволяет утверждать, что прилагательные такой семантики очень употребительны в современном языке. Причем они не имеют качественного значения свойственности, типичности, а просто выражают отнесенность к определенной группе лиц.

В газетах и журналах мы читаем о *писательских бригадах* из города Ленина (Лит. газ., 14 апреля 1971); о ленинградской областной *журналистской организации* (Известия, 1971, № 148); о высшей в США *журналистской* (т. е. присуждаемой журналистам) *премии* (Лит. газ., 15 сент. 1971); о застрельщиках сбора *зрительских заявок* на просмотры фильмов (Сов. экран, 1971, № 6); и т. п.

Нередко употребление прилагательного в подобных словосочетаниях создает для него новое контекстное значение, которое как бы пренебрегает словарно закрепленным значением этой лексемы: ...Скипетр *племенного вождя* представляет собой редкую находку (Известия, 8 окт. 1970); Рядом с пляжами, омываемыми волнами Тихого океана, вырастает необычный *ребячий город* (Правда, 29 июня 1974); Старая *гончарная поговорка* гласит, что для того, чтобы стать мастером, надо три года мять глину да шесть лет круг крутить (За рубежом, 1974, № 31); Юбилей-

ным днем ее считается день выпуска первой *синоптической сводки* [6]. (Информац. выпуск «Маяка», 13 янв. 1972.)

3) Активно в современном языке возникают отсубстантивные прилагательные со значением прямого недифференцированного отношения к предмету (не лицу) или действию, названному производящей основой. Все они лишены специфического для прилагательных как особого класса слов значения свойственности. Среди них много таких, которые трансформируются в сочетании с косвенными падежами однокоренных существительных, и много прилагательных, не имеющих трансформов [7].

Широко распространены такие прилагательные, в частности, в спортивной терминологии: *тренировочная работа* (работа на тренировках), в *тренировочных целях* (в целях тренировки), *тренировочное время* (время, отведенное на тренировки), *тренировочные нагрузки* (нагрузки при тренировках), *премиальные секунды* (секунды премии), *шахматные часы*, *кистевой эспандер*, *гребной* (спорт, эскадра, бассейн), *гиревой спорт* и т. п.

Расшифровка значения большинства словосочетаний с таким отсубстантивным прилагательным требует рассуждений. Скажем, что такое *тренировочный объем* или *соревновательная нагрузка*? «Причем с каждым годом удельный вес этих средств в тренировочном объеме все возрастает» (Сов. спорт, 9 янв. 1972). Тренировочный объем — это объем нагрузок и материальных средств, используемых при реализации этих нагрузок во время тренировок, а соревновательная нагрузка — это физические нагрузки спортсмена во время соревнований.

Нужно сказать, однако, что сама идея подобных адъективных форм заключена в пренебрежении какими-либо адекватными смысловыми расшифровками. Они представляют собой по большей части эллиптические преобразования многословных описательных оборотов и «вне контекста обозначают лишь общую идею или атрибутивно выраженного отношения к предмету» (Е. А. Земская).

4) Широко распространены в языке газет и журналов сегодняшних дней прилагательные, образованные от

---

[6] В словаре С. И. Ожегова *синоптический* отмечено как прилагательное к существительному *синоптика*. Синоптика — это раздел метеорологии, посвященный изучению физических процессов в атмосфере.

[7] О делении на две такие группы см.: *Е. А. Земская*. Указ. соч.

названий городов и стран. Употребление таких прилагательных на месте родительного объекта представляет собой устойчивую тенденцию. Например, в публикациях актуальной тематики словосочетания типа *израильская гавань*, *израильская пресса*, *израильские солдаты*, *израильский шпион*, *израильские правители*, *пекинское правительство*, *сайгонские войска*, *китайская пропаганда* и т. п. встречаются в соотношении 10 : 1 с вариантами типа *радио Израиля*, *агрессия Израиля*, *политическая линия Пекина*.

II. Семантический аспект. Семантические особенности рассматриваемой категории слов определяют набор словообразовательных средств, с помощью которых реализуются соответствующие значения. Все эти слова образованы по правилам современного словообразования, но часто стандартная, традиционная модель используется в таких адъективных формах для передачи нетрадиционного значения. *Булгаковским «снам»* с их фантасмагорией и чертовщиной нельзя не поверить (Сов. экран, 1973, № 14) — традиционная модель относительного прилагательного с суффиксом *-ск-* и нетрадиционное значение: не сны Булгакова, а сны в романе Булгакова. Мы не знаем подлинного изображения Жанны, если не считать единственного *прижизненного рисунка* с девушки... (Лит. газ., 15 сент. 1971). Из контекста ясно, что речь идет о рисунке, сделанном при жизни Жанны. Однако прилагательное оказывается семантически объединенным не с определяемым существительным (рисунок), а с другими членами предложения (девушка, Жанна), с которыми оно синтаксически не связано. ...Летчики были вынуждены посадить самолет на *близлежащем от* границы с Советским Союзом турецком аэродроме города Трабзон (Известия, 17 окт. 1970). Родительным падежом с предлогом *от* управляет, конечно, не прилагательное, а его трансформ (*на аэродроме, лежащем близко от*). Словарное значение прилагательного *близлежащий* (синоним соседний) исключает возможность такого управления.

С точки зрения «комбинации» смыслов интересны прилагательные, образованные лексико-синтаксическим способом. Особенно «удобны» они в терминологии, где такая словообразовательная модель используется для названия, в частности, целого ряда терминов с одним опорным словом.

В сельскохозяйственной терминологии, например, различаются пшеницы в зависимости от срока их созревания: *скороспелые*, *среднеспелые*, *позднеспелые*. Здесь интересна взаимообусловленность компонентов сложных слов. Строго говоря, полярны по значению наречия *скоро* и *медленно* (*долго*) или *поздно* и *рано*. В терминах же противополагаются наречия *скоро* и *поздно*. Такой выбор продиктован взаимовлиянием лексических связей внутри данной терминологии: с одной стороны, есть только ранние и поздние сорта пшеницы, с другой стороны, раннее созревание обозначается в сельскохозяйственной терминологии традиционными терминами *скороспелый*, *скороспелка*, отсюда логично и закономерно не *медленно* (*долго*)*спелые*, *а позднеспелые*.

За недостатком места мы лишены возможности привести примеры, которые иллюстрируют множество способов возникновения прилагательных рассматриваемой семантической структуры.

Обследованный нами материал дает, однако, основания не согласиться с выводом Е. А. Земской об ограниченности употребления в современном языке сочетаний с отсубстантивными прилагательными сравнительно с употреблением конструкций, включающих присубстантивные косвенные падежи [8]. Е. А. Земская отмечает четыре причины такой ограниченности: 1) невозможность выразить при помощи прилагательного некоторые виды отношений, выражаемые присубстантивными косвенными падежами; 2) семантические различия между сочетаниями с косвенными падежами и сочетаниями с прилагательными; 3) стилистические различия между конструкциями: конструкции с прилагательными в силу своей «нестрогости», разговорности не допускаются еще во все стили речи; 4) причина чисто словообразовательного характера: не от всех существительных могут быть произведены прилагательные.

Семантические особенности рассматриваемой категории слов, как нам представляется, выводят проблему за рамки сопоставительного анализа присубстантивных косвенных падежей и отсубстантивных прилагательных как вариантных конструкций. Отсубстантивные прилагательные в современном языке не только поглотили почти все

[8] См. *Е. А. Земская*. Указ. соч., стр. 102.

значения, выражаемые присубстантивными косвенными падежами, но и вообще значительно раздвинули границы традиционных семантических связей между определяемым и определяющим в составе адъективных словосочетаний. Фактически на долю присубстантивных косвенных падежей остались словосочетания, связанные предметно-конкретными отношениями компонентов (*палец на руке*, *дом за углом*, *вода из ведра*, *диагональ треугольника* и т. п.). Незыблемость, невариантность таких конструкций в языке нисколько не ограничивает активности отсубстантивных прилагательных. Скорее, наоборот. Происходит функциональное размежевание, и присубстантивные падежи закрепляют за собой замкнутую сферу лексико-синтаксических языковых связей, оставляя на долю адъективных конструкций всю широту самых разнообразных атрибутивных отношений к предмету. Так, при существительном со значением процесса действия объектные отношения выражаются род. падежом: *допрос свидетеля*, *принятие ученика*, *прибытие поезда* и т. п., но ср.: *лаосское бегство*, *вашингтонское приглашение* (приглашение в Вашингтон), *читательские сетования*, *зрительское одобрение* и т. д. Для выражения отношения массы и меры к веществу служит род. падеж, но только при вполне конкретной мере: *ведро воды*, *машина камней*. Если же мера выражена не вполне точно, то теоретически возможно и прилагательное: *груда камней* (каменная груда), *капля крови* (кровяная капля), *копна сена* (сенная копна) [9].

Стилистические границы для отсубстантивных прилагательных настолько раздвинулись в настоящее время, что вряд ли есть основания говорить о том, что в определенные стили они не допускаются. В какие, например? В нашем материале наряду с газетно-публицистическим жанром, где в силу его специфики такие формы особенно распространены, представлены рядом примеров (достаточно широким) и научно-популярный жанр, и художественная проза, и строгий научный стиль. Разве только в официально-деловой речи неуместны *мордовские леса* вместо *лесов Мордовии*.

Трудно найти существительное, основа которого не может служить производящей при образовании отсубстантивного прилагательного.

[9] Примеры взяты из уже цитированной книги: «Очерки по исторической грамматике...»

Приблизительность, условность, сигнальность семантических связей производящей основы и производного слова делает словообразовательные возможности таких лексем практически неограниченными. В живой поток таких атрибутивных форм вливаются очень пестрые по своей словообразовательной природе лексические единицы: *ГОСТовская сортность*, *гослитиздатовская книжка* — суффиксальные формы от аббревиатур, *антитрестовское законодательство* — выражение сложного смысла фразы «законодательство, направленное против трестов» присоединением частицы «анти» к регулярному относительному прилагательному; *пиковые периоды* (сев, уборка) — суффиксальное прилагательное от постпозитивного аналитического прилагательного; *жердяная изгородь* — образование по типу «сельдяная бочка», хотя по нормам русского словообразования здесь должно быть *жердевой* (см. СО); перевозить китайские грузы между *некитайскими* портами — прилагательное с отрицательной частицей не получает лексическую законченность только через противопоставление с прилагательным *китайский*, т. е. в образовании этой лексемы непосредственно участвует контекст, несущий некоторую добавку к ее значению; сооружение *рукотворной* реки — прилагательное образовано обратным путем: утрата частицы не выводит лексему из сферы высокого стиля и восстанавливает внутреннюю форму слова; *соосные винты* — редкий случай, когда приставка *со-* придает прилагательному значение, аналогичное тому, которое мы отмечаем в существительных типа *сорежиссер*, *соавтор*, *соучастник* и т. п., т. е. работающий, осуществляющий деятельность вместе с другим: соосные винты — это винты, находящиеся вместе на одной оси.

Представляют интерес явления семантической трансформации, если можно так выразиться, некоторых вполне обычных прилагательных. В современном языке такие явления распространены достаточно широко. Суть их состоит в том, что словарные характеристики слова остаются за пределами его контекстного значения.

Сомневаюсь, чтобы нынешними методами... можно было хоть в какой-то мере смягчить *грядущую засуху* (За рубежом, 1974, № 1). Очевидно, выделенное прилагательное вопреки словарной помете «высок.» в данном контексте стилистически нейтрально. Однако лексическое значение его не равно нейтральному синониму *будущий*. Грядущая

засуха — это засуха, которая наступает, как враг, неумолимо приближается.

...Нас объединяет нерушимый братский союз с *авангардом человеческого прогресса*... (За рубежом, 1975, № 18).

Что значит выделенное словосочетание и каково значение прилагательного в нем? Нормальное (словарное) слово *прогресс* само по себе здесь не имеет смысла, равно как и нормальное (словарное) прилагательное *человеческий*, вместе же они несут смысл словосочетания «прогрессивные люди» (или кругов) среди человечества. Следствием такой трансформации смысла обычных слов является несоответствие семантико-синтаксических связей в выделенном словосочетании: получается какой-то непонятный *авангард прогресса*. Следует ли считать фразу ошибкой? По-видимому, нет. Понимается она однозначно, и воспринимающий ее соотносит понятия вполне адекватно. Аналогичны словосочетания типа *злокачественное перерождение клеток* (перерождение нормальных клеток в злокачественные), *курсовое соотношение валют*, *самоигральная роль*, «*разменять*» *минутный рубеж* (в спорте), *кислородное машиностроение*, *маркированный конверт*, *трубная промышленность*, *ходовые качества автомобиля*, *телевизионные кинематографисты*, *объемный стержень*, *летные будни*, *скрипичное мастерство*, *ядерная катастрофа*, *конный памятник* и мн. др.

Здесь представляется уместным поставить вопрос о принципиальном отличии прилагательных, имеющих устойчивые словарные значения, от той группы слов, которые мы рассматриваем. По нашему мнению, являясь по всем морфологическим признакам относительными прилагательными, эти слова образуют особую группу внутри данной грамматической категории и сама «прилагательность» их условна.

Обратимся к примерам (см. схему; исходные примеры Е. А. Земской).

Относительные прилагательные в левом столбце принадлежат к замкнутому семантическому полю, пределы их сочетаемости с определяемыми существительными ограничены в обе стороны: ручка может быть чемоданная, медная, кривая и т. д.; дорога железная, шоссейная, плохая и т. д.; колесо велосипедное, «чертово», кривое и т. д. Однородность связей определяемого и определяющего в таких словосочетаниях создает ту замкнутость, в преде-

дверная	ручка скоба замок	дверная	проблема сутолока
футбольный	мяч поле болельщики	футбольные	страсти счастье жизнь страны проблемы
автомобильная	дорога промышленность колесо	автомобильные	деньги страсти горячка вопрос сумка мальчик
капроновый	чулок ткань нить	капроновая	девушка проблема лихорадка

лах которой назначение прилагательного — служить признаком определяемого, его отличительным свойством среди соответствующей совокупности означаемых, т. е. класса слов.

Совсем иного характера, как нам представляется, семантические связи определяемого и определяющего в словосочетаниях правого столбца. Вряд ли можно утверждать, что прилагательное здесь обозначает признак как отличительное свойство определяемого. Прилагательные никак семантически не взаимодействуют с определяемым словом, сочетаемость их не имеет пределов, потому что отношения ограничиваются лишь указанием на связь определяемого слова с комплексом понятий, сигналом которого служит основа отсубстантивного прилагательного. Реализация лексического значения этого прилагательного происходит только в достаточно широком контексте, реальном или мыслимом [10]. Условность связи производящей основы со зна-

[10] «Мыслимый контекст» — это информация, хранимая в памяти членов данного языкового коллектива.

чением отсубстантивного прилагательного перерастает в произвольность, и часто смысл словосочетания «отсубст. прил. + существительное» вообще невозможно понять вне ситуации: И все же в этот вечер в дядиной жизни произошел поворот. В этом расхожем литературном термине есть, разумеется, большая неточность: повороты судьбы редко совершаются с *автомобильной безусловностью* (М. Макаров. Человек с аккордеоном). В конце танца Стручковой в зале стояла *ошеломленная тишина*, которая вдруг взорвалась восторженными аплодисментами (За рубежом, 1973, № 20).

Рассматриваемая категория определительных слов, на наш взгляд, принципиально отличается от прилагательных, имеющих устойчивые словарные значения [11]. Они принципиально нечастотны, потому что каждое словосочетание с ними имеет свою семантическую структуру. Они принципиально лишены оттенка качественности, что выводит их, как нам кажется, за пределы класса прилагательных. В. В. Виноградов пишет: «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений... качественные и относительные прилагательные в современном языке не образуют резко обособленных, самостоятельных грамматических разрядов [12]. Опираясь на эти теоретические положения, можно, по-видимому, выделить в особый разряд определительные слова в словосочетаниях типа *автомобильные деньги*, *капроновая девушка*, *инженерная дискуссия*, *читательские сетования* и т. д. Такое выделение на основе принципиального отталкивания от понятия качественности и огда наблюдается и на грамматическом уровне. Например, *объемный стержень* или *том* (не объемистый, а именно объемный как просто имеющий объем, хотя на уровне понятий — это именно предмет большого объема); ряд прилагательных с производящей основой *конь*: *конский волос*, *конный памятник*, *коневой эндшпиль*, словообразовательная модель прилагательного в этих

[11] Е. А. Земская в указанной работе настаивает на отсутствии такого отличия. «Различие между теми и другими не в характере семантических отношений между прилагательным и существительным, а лишь в степени частотности реализации связей с тем или иным семантическим классом существительных».

[12] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М., 1947, стр. 170, 172.

словосочетаниях задается аналогией лексико-морфологических связей: *конский топот*, *ржанье* и т. п., *конный спорт*, *завод* и т. п., *коневой* по аналогии с *ферзевой*; *личностная* психология, отклонения (в юридической терминологии); *бездефектная* работа, *безотцовское* детство (предлог, переквалифицированный на приставку, делает прилагательное антикачественным: ср. *дефектная речь*, *отцовские чувства*).

Повторяя мысли Е. А. Земской о семантической емкости отсубстантивных прилагательных такого типа, об «удобстве» и лаконизме их, о широте и неопределенности выражаемого ими отношения, мы считаем, однако, что они являются прилагательными только по своим морфологическим характеристикам, а по своим семантическим свойствам и особенностям связей с мотивирующим словом образуют особую группу слов. Замечание Земской об активном росте качественных значений у отсубстантивных прилагательных с общеотносительным значением представляется спорным. Абстрагирование значения такого прилагательного до появления оттенка качественности возможно, на наш взгляд, достаточно редко, по существу в тех случаях, когда лексическое значение мотивирующего слова может быть расширено до понятия оценки, т. е. если принципиально возможна синонимия отсубстантивного прилагательного с каким-либо качественным.

Рассмотрим с этой точки зрения примеры Земской «телефонный быт», «тревожное, пороховое настроение».

Телефон — (кроме основного значения) это само по себе понятие неполноты, спешности; пороховое — это горячее, взрывоопасное. В таких случаях можно говорить о метонимии как о художественном приеме, представляющем собой одну из сторон освоения новой лексики в пределах существующих грамматических категорий. Но таких случаев ничтожно мало по сравнению со всей массой определительных слов, которые возникают для выполнения другой функции: служить с и г н а л о м, вокруг которого группируются все необходимые сведения, накопленные памятью.

III. Нормализационный аспект. Притягательная сила лаконичной и емкой семантической структуры открывает ей доступ во все стили современного литературного языка. Начав свое шествие с живой разговорной и профессиональной речи, она широко проникла практически во все

литературные жанры: художественный, научно-популярный, газетно-публицистический.

Указательность, сигнальность как главное семантическое свойство таких структур позволяет соединять ряд лексем, единение которых несет в себе сложный смысл, не раскрываемый не только в малом, но и в большом контексте. Например, в таких заголовках газетных статей, как «Автовсеобуч», «Мертвые автодуши», или наименованиях в объявлениях и информационных текстах: «евробутылки (евротара)», «горноспасатели», «биоинженеры», «максимииюбка» (ирон.), «киногеничность» («фоногеничность»), «фильмография», «водозабор (не забор в смысле забирания воды, а именно забор в воде для ограждения пространства)», «радиопророк» и т. п., прилагательное (сокращенное или аналитическое) как компонент сложного слова несет ситуативную информацию, на основе которой реализуется определенный смысл, реальный же контекст расшифровки не дает: Биоинженеры, вероятно, сконструируют портативный аппарат, который вернет слух глухим и усовершенствует приспособления, позволяющие «видеть» слепым (За рубежом, 1975, № 1); В комплекс предприятия входят водозабор, насосная, инкубационно-выростной цех, бассейн и шесть выростных прудов (Правда, 23 февр. 1974); Можно было подумать, что он вещает с этой радиобашни на всех диапазонах, радиопророк (Д. Гранин. Сад камней).

Все такие сложные слова представляют собой противоречивое единство. С одной стороны, они неразложимы, поскольку на коммуникативном уровне служат для передачи сложного смысла минимальными языковыми средствами. С другой стороны, входящие в них компоненты остаются свободными и условность связи их лексических значений служит определенной цели: позволяет передать соответствующее содержание простым указанием на комплекс понятий, сигналом которого служит компонент сложного слова. Легко заметить, например, что в сложном слове *биоинженеры* совсем иная семантическая структура, чем в словах *биосфера*, *биотоки*, *биохимия*. Связь компонентов в трех последних словах регулярная и значение стандартно. В слове *биоинженеры* биология есть биология и инженеры — инженеры. Ясно, что речь идет о людях, занятых инженерной деятельностью в области биологии. Большего уточнения на коммуникативном уровне не тре-

буется. То же *евробутылки* (бутылки, или вообще стеклопосуда импортного происхождения: ситуативно оправданная, однозначная номинация) и т. д.

Необычайной активизацией в современном языке такого рода семантических структур обусловлен, на наш взгляд, процесс возникновения особого класса слов, называемых аналитическими прилагательными [13]. Сам переход регулярных отсечений от знаменательных слов (агит-, лит-, авто-, авиа-, кино-, теле-, мульт- и т. д.) можно, по-видимому, считать следствием всезахватывающей тенденции к «упрощению» сложных конструкций. Замечательно не только то, что приблизительность лексических связей компонентов делает неограниченной сочетаемость таких отсечений с существительными (автоград, автовек, автособрат, автовоз, киноклассики, киноприем, киношутки, киноверсия, мультискусство, мультсборник, теледраматургия, телемонтажеры и т. п.), но также и то, что эта приблизительность обеспечивает автономность частей единооформленной лексемы. Препозитивный атрибутивный компонент в речи может вступать в синтаксические связи с полнозначным прилагательным или образовывать новые слова по аналогии с другим компонентом такого же рода. Вообще надо сказать, у меня такое впечатление, что *кинорежиссеры* с бóльшим уважением относятся к актерам, чем *театральные* (Искусство кино, 1973, № 1); Среди коллекционеров грампластинок ...можно услышать разговоры о «*фоногеничности*» исполнителя (по аналогии с *фотогеничностью*) (Правда, 29 июня 1974).

Кавычки фиксируют новизну, необычность слова, но это только при первом употреблении его. Дальше в тексте кавычки снимаются и от вновь созданного слова образуется регулярное прилагательное: Как ни странно, недостаточно *фоногеничным* считают Вана Клиберна... (там же).

IV. Информационный аспект. Экономия и лаконизм речи как одна из характеристик при исследовании некоторых процессов конкуренции форм и конструкций постоянно присутствует в работах лингвистов, изучающих современный язык. В обобщенном виде содержание этой характеристики сводится к формуле: расширение информативной емкости сообщения за счет сокращения языковых

---

[13] См.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис». М., 1960, стр. 105—134.

средств, используемых для передачи определенного смысла.

Н. Ю. Шведова, например, среди активных процессов современного русского синтаксиса выделяет много таких, в результате которых создаются словосочетания, воспроизводящие в упрощенном виде «часто употребляемый и в с е м п о н я т н ы й словесный штамп (разрядка наша.— *Л. К.*)» [14]. Упрощение сводится к утрате компонента словосочетания опорного с точки зрения синтаксических отношений, но «избыточного» с точки зрения содержания высказывания: стаж ⟨работы⟩ по найму → стаж по найму; торопиться ⟨ехать⟩ по вызову → торопиться по вызову; подать ⟨заявление⟩ на конкурс → подать на конкурс; план по ⟨заготовке⟩ яиц → план по яйцу и т. п.

Природа таких явлений в современном синтаксисе и явления, рассматриваемого в настоящей работе, одна и та же, как нам кажется. Причины их стимуляции заложены в самом языке как знаковой системе, которая всегда находится в состоянии диалектического развития. Тезис «упрощение способа передачи всем понятного» таит в себе возможности для оптимализации информационных свойств языка в процессе его исторического развития [15].

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ИСХОДНАЯ ФОРМА В ЛЕКСИКОГРАФИИ

(на материале толковых словарей современного русского литературного языка)

Л. К. Чельцова

Категория числа существительных формируется морфологической и семантической оппозицией единственного и множественного числа. Морфологическая оппозиция выражается системой падежных флексий, семантическая

[14] *Н. Ю. Шведова.* Активные процессы в современном синтаксисе. М., 1966, стр. 18.

[15] Подробнее об этом см.: *Л. П. Катлинская.* Грамматические варианты и принцип экономии в языке. «Языковая норма и статистика». М., 1977.

строится на реальном представлении о количестве — единичности или множественности — называемых существительным предметов. В то же время существенным признаком, «предметно-смысловой» основой категории числа имен существительных является неполная семантическая соотнесенность форм мн. числа с формами ед. числа, обусловленная многообразием значений мн. числа по сравнению с менее развитой семантикой ед. числа: «Категория множественного числа в строе имени существительного выступает как сильная, многознаменательная категория. По отношению к ней категория единственного числа является до некоторой степени категорией негативной, иногда даже как бы «нулевой» [1].

Неполная семантическая соотнесенность ед. и мн. числа разрушает представление о числе существительного только как о количественном противопоставлении называемых предметов, но в то же время нельзя отрицать, что количественные отношения, выражаемые формами существительного, сохраняют значение отношений, специфических для данной категории.

Это своеобразие категории числа создает особые трудности ее описания, которое не удается осуществить в границах четко очерченной оппозиции единичности — множественности. Лексикализация форм множественного числа ведет к необходимости их развернутых семантических классификаций, что легче всего достигается в специальных исследованиях монографического характера (см. работы А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. И. Чернышева, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, А. А. Реформатского, Д. Н. Шмелева, Д. И. Арбатского и др.), но представляет значительную трудность для описательных грамматик, вынужденных нарушать каноны собственно грамматического освещения материала [2].

Еще более сложной стороной проблема категории числа оборачивается для лексикографии. Лексикографическое описание существительных опирается на обоснован-

---

[1] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М., 1972, стр. 124.

[2] Ср., например, определение категории числа как «указывающей на количество называемых существительным предметов» и построение последующей классификации с учетом лексических значений форм числа, «препятствующих выражению количественных отношений», с которыми встречаемся в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, § 793—797).

ное со всех точек зрения положение считать исходной словарной формой существительного форму единственного числа: форма ед. числа, обозначая единичный, отдельно взятый предмет, в то же время «служит средством отвлеченного представления «предмета» как выразителя родового понятия или как заместителя целого класса, вида» [3]; «в этой форме специфическая грамматическая модификация слова — существительного наименее осложняет его лексическое существо» [4].

Этого обобщенно-номинативного значения, заключенного в форме ед. числа, достаточно для лексикографического описания смысловой структуры слова. С формой мн. числа при этом связывается представление собственно грамматического значения множественности, показ которого остается за пределами задач словаря. Однако лексические расхождения форм числа, обусловленные самой категорией грамматического числа, ведут к необходимости в отдельных случаях выходить за пределы описания форм ед. числа и в качестве самостоятельного лексикографического объекта выделять формы мн. числа.

Описание форм мн. числа как исходных форм подачи существительных и составляет задачу данной статьи. Целесообразность использования словарного материала для изучения существительных с номинативной функцией формы мн. числа может быть аргументирована тем, что словари фиксируют сложившиеся, закрепившиеся значения чисел и дают возможность учесть все словоформы, отличающиеся особым семантическим соотношением ед. и мн. числа. Широта распространения самого явления семантического расхождения форм числа, характер этого расхождения, конкретные типы взаимодействия семантики ед. и мн. числа внутри разных лексических групп и т. д. делаются вполне доступными для изучения лишь при обращении к материалу словарей, который до сих пор не был предметом специального анализа, а служил источником примеров для подтверждения выдвигаемых положений.

Для анализа лексико-грамматических свойств формы мн. числа в лексикографическом плане был использован

---

[3] *В. В. Виноградов.* Указ. соч., стр. 132.

[4] *А. И. Смирницкий.* По поводу конверсии в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1954, № 3, стр. 22—23.

материал пяти толковых словарей современного русского литературного языка [5].

Из названных словарей были выписаны все существительные, которые даны в заглавной форме мн. числа, причем форма ед. числа этих слов существует в языке на положении живой и функционально полноценной формы и не отвергается и не игнорируется словарями [6]. При выборке материала из словарей соблюдались определенные условия: 1) для фиксации существительного считалась достаточной подача его в форме мн. числа хотя бы в одном из словарей; 2) не фиксировались (и в дальнейшем не анализировались) существительные pluralia tantum, т. е. слова, не имеющие форм числа; 3) не рассматривались как объект описания субстантивированные прилагательные.

Анализ материала показал, что основной лексикографический признак — прием использования форм мн. числа в качестве специально толкуемых — в значительной степени совпадает с лексико-семантическими признаками. С учетом этого обстоятельства мы принимаем за основу внутренней классификации изучаемых слов их лексико-семантическую характеристику. Выделяются следующие лексико-семантические группы существительных [7]:

I. Существительные, называющие национальные, племенные, этнические и другие подобные группы лиц.

II. Существительные, называющие конкретные предметы (обувь, одежду, предметы сельскохозяйственного быта, музыкальные инструменты, спортивные принадлежности, части организма человека и животных и т. д.), представленные как пары.

III.А. Существительные, называющие обобщенные понятия в области биологии, химии, медицины и т. д.

[5] «Толковый словарь русского языка», т. I—IV. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940 (Уш.); «Словарь современного русского литературного языка», т. 1—17. М.— Л., 1950—1965 (БАС); «Словарь русского языка», т. I—IV. М., 1957—1961 (МАС); «Словарь русского языка». Сост. С. И. Ожегов. М., 1960 (Ож.-60); «Словарь русского языка». Сост. С. И. Ожегов. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972 (Ож.-70).

[6] При анализе учитываются также слова, которые даются в форме ед. числа, но имеют пометы «чаще мн.», «обычно мн.», «преим. мн.»

[7] О проблемах, связанных с выделением лексико-семантических групп, см.: *Ф. П. Филин.* О лексико-семантических группах слов. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 523—538.

(родовые и видовые названия животного и растительного мира, названия химикалий, препаратов и т. д.).

III.Б. Существительные, называющие обобщенные понятия и образованные со второй частью *-материалы*, *-продукты*, *-товары*.

IV.А. Существительные, называющие конкретные предметы и обобщенные понятия (лиц, партий, сект, игр, отрезков времени, пространства и т. д.), представленные как совокупности.

IV.Б. Существительные, называющие сложные, составные предметы.

V.А. Существительные, называющие процесс, действие, состояние, представленные как единое сложное явление.

V.Б. Существительные, называющие сложное действие или процесс и образованные со второй частью *-заготовки*, *-закупки*, *-поставки*, *-гонки*.

VI. Существительные, называющие массу вещества или материала, остатки или отбросы вещества; продукты питания, блюда.

VII. Некоторые другие существительные.

Лексико-семантические группы включают различное количество лексем и отличаются друг от друга различной последовательностью подачи входящих в их состав слов; с учетом этих различий принят порядок расположения и описания этих групп: они описываются в перспективе убывающей численности входящих в них слов и убывающего единообразия в их подаче от словаря к словарю. Так, первая группа от последней или предпоследней будет отличаться бóльшим количеством входящих в нее слов и большей последовательностью в подаче этих слов во всех исследуемых словарях. В случае необходимости группы делятся на подгруппы; существительные, которые представляется невозможным бесспорно отнести к какой-либо из выделенных групп, рассматриваются в специальной группе без четкого называния ее семантических признаков («некоторые другие существительные»).

I. Существительные, называющие национальные, племенные, этнические и другие подобные группы лиц. В словарях в форме мн. числа приведены следующие названия национальных и этнографических групп: *абазинцы*, *абиссинцы*, *абхазы*, *абхазцы*, *аварцы*, *авары*, *австралийцы*, *австрийцы*, *агулы*, *адехи*, *аджарцы*, *адыгейцы*, *азербайд-*

жанцы, айсоры, албанцы, алеуты, алжирцы, алтайцы, американцы, англичане, англосаксы (и англосаксонцы), андийцы, аннамты (и аннамцы), арабы, аравитяне, арамейцы, аргентинцы, арийцы, ариоевропейцы, армяне, арчинцы, ассирийцы, ассирияне, афганцы, африкандеры, африканцы, ацтеки, балкары, балкарцы, баски, башкиры (и башкирцы), белорусы, бельгийцы, бенгальцы, берберы, бирманцы, болгары, боливийцы, бразильцы, британцы, бритты, буры, буряты, бушмены, вавилоняне, варяги, великороссы, великорусы, венгры (и венгерцы), вепсы, влахи, вогулы, вотяки, вьетнамцы, вятичи, гагаузы, галлы, германцы, гиляки, голландцы, гольды, готтентоты, готы, греки, грузины, гунны, гурийцы, гуцулы, дагестанцы, данайцы, даргинцы, датчане, донцы, дравиды, друзы, дулебы, евреи, европейцы, египтяне, зеландцы, зулусы, зыряне, иберийцы, израильтяне, иллирийцы, имеретины, имеретинцы, ингры, ингуши, индейцы, индийцы, индоевропейцы, индонезийцы, индусы, иранцы, ирландцы, ирокезы, исландцы, испанцы, италийцы, италики, итальянцы, ительмены, иудеи, кабардинцы, кабилы, кавказцы, казаки, казахи, калмыки, камбоджийцы, камчадалы, канадцы, караибы, караимы, каракалпаки, каракиргизы, карачаевцы, карелы, картвелы, каталонцы, кахетинцы, кашмирцы, кельты, киприоты, киргизы, китайцы, коми-пермяки, копты, корейцы, коряки, кроаты, кроманьонцы, крымчаки, кубинцы, кумыки, курды, кюринцы, кюрины, лазы, лаки, ламуты, латвийцы, латинцы, латиняне, латыши, лезги, лезгинцы, лезгины, ливанцы, литвины, литовцы, лопари, лужичане, луораветлане, ляхи, мавры, мадьяры, мазуры, македонцы, македоняне, малайцы, малороссияне, малороссы, малорусы, мансийцы, манчжуры, мараны, марийцы, марокканцы, марсиане, мегрелы, мексиканцы, мещеряки, мингрелы, мингрельцы, мишари, могикане, молдаване, монголы, мордвины, мордовцы, мориски, москвитяне, московиты, нанайцы, негритосы, негроиды, негры, немцы, ненцы, нивхи, нидерландцы, ногайцы, ногаи, норвежцы, нормандцы, норманны, нубийцы, нымылланы, одулы, ойроты, ороки, орочи, орочоны, осетинцы, осетины, османцы, османы, остзейцы, остяки, пакистанцы, палеоазиаты, палеосибирцы, папуасы, парагвайцы, пермяки, персияне, персы, перуанцы, печенеги, полинезийцы, половцы, поляки, поморы, поморяне, португальцы, пруссаки, пруссы, пунийцы, радимичи, римляне, румыны, русины, русские, саамы, сабеи,

саксонцы, саксы, самаритяне, самниты, самоеды, сарацины, сарматы, сваны, североамериканцы, северяне, селениты, сельджуки, селькупы, семиты, сербияне, сербохорваты, сербы, сиамцы, сингалезы, сингалы, сингальцы, сирийцы, скандинавцы, скандинавы, скифы, славяне, словаки, словене, словенцы, словинцы, согдийцы, сойоты, солоны, сомалийцы, суданцы, табасаранцы, тавлинцы, тавры, таджики, тазы, талаши, тангуты, таранчи, татары, таты, тевтоны, текинцы, тибетцы, тиверцы, торгоуты, торки, тохары, туареги, тувинцы, тумуты, тунгусы, туркестанцы, турки, туркмены, тушины, тюрки, угро-финны, угры, удмурты, удэгейцы, узбеки, уйгуры, украинцы, ульчи, уругвайцы, урянхайцы, филистимляне, финляндцы, финно-угры, финны, фламандцы, франки, французы, хакасы, халдеи, халды, хамиты, ханты, хетты, хивинцы, хиндустанцы, хозары, хорваты, цахуры, цыгане, черемисы, черкесы, черногорцы, чехи, чехословаки, чеченцы, чечены, чилийцы, чуваши, чукчи, чухонцы, шапсуги, швабы, шведы, швейцарцы, шерпы, шорцы, шотландцы, эвенки, звены, эквадорцы, эллины, эскимосы, эстонцы, эсты, этруски, эфиопы, югославы, югричи, южане, юиты, юкагиры, яванцы, якуты, японцы, ясы, яфетиды (всего 377 названий).

«Семантическим ядром» форм мн. числа в названиях национальных и этнических групп является обобщающая функция: в форме мн. числа находит выражение не механическая сумма индивидуумов — единичных представителей нации или племени, а общее понятие нации или этноса в целом, характеризуемое особыми качественными (не количественными) признаками [8]. Особенность форм мн. числа в этой группе существительных можно охарактеризовать как их терминологичность: наименования наций и племен — это в известном смысле термины, в то время как формы ед. числа не могут быть приравнены к собственно терминам. Понятие нации, этноса содержательнее (вмещает большее количество признаков), чем понятие индивидуума, характеризуемого меньшим количеством содер-

[8] Ср.: «У некоторых разрядов слов соотношение форм единственного и множественного числа является иным: форма мн. числа помимо специально числового может иметь и часто имеет общее значение, тогда как форма ед. числа передает только значение единичности и в общем значении, как правило, не употребляется» (*Л. К. Граудина.* О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 195).

жательных признаков, поэтому содержание понятия представителя познается через отнесение этого понятия к обобщающему понятию нации или племени. Терминологичность форм мн. числа и заключается в том, что эти формы служат средством выражения понятия, не определяемого через сумму признаков входящих в него отдельно взятых единиц. Формы мн. числа требуют энциклопедического определения в словарях, соотносительные с ними формы ед. числа толкуются путем отсылок к понятию, названному формой мн. числа.

Эти семантические свойства национальных и этнических наименований, изложенные по необходимости схематично, предопределяют приемы подачи их в словарях, которые в общем стабильны: заглавной формой соответствующей статьи делается форма мн. числа, в составе грамматических характеристик слова дается указание на форму ед. числа мужского рода и (непоследовательно) женского рода [9]. Отклонения от принятой подачи единичны. Как правило, они связаны с противопоставлением названий наций, племен, народов, с одной стороны, и жителей, уроженцев страны, с другой. Например, в сл. Уш. наименование *датчане*, данное в форме мн. числа, толкуется как ‘народ, населяющий Данию’, а наименование *голландец*, данное в форме ед. числа, как ‘уроженец, житель Голландии или подданный этой страны’. Однако в БАС название *голландцы* описывается как ‘основная народность Голландии’ (ср. с БСЭ: *голландцы* — нация, основное население Голландии, 3 изд., т. 7). Как показывает анализ конкретных примеров, это противопоставление не проводится последовательно (да и вряд ли может быть проведено) ни в пределах одного словаря, ни во всех изучаемых словарях. По-видимому, было бы целесообразно пренебречь некоторыми частными различиями и принять единую форму подачи — форму мн. числа — для названий наций, племен, этноса, жителей стран и территорий, кроме названий жителей городов (не включаемых в толковые словари).

---

[9] Мы оставляем в стороне вопрос об указании на форму ж. рода при форме ед. числа м. рода. Но попутно следует заметить, что форма ж. рода ед. ч. указывается менее последовательно от словаря к словарю и внутри каждого из словарей. По-видимому, эту систему помет следует унифицировать в современной словарной практике.

Единственно допустимым отступлением от формы подачи во мн. числе можно считать тот случай, когда существительное является многозначным словом, а название национальной группы выступает как одно из значений такого слова. Материал словарей показал, что выделенные как особые значения этнические наименования не имеют единой формы подачи: они выделяются и в форме ед., и в форме мн. числа. Последовательность подачи могла бы быть достигнута в том случае, 1) если выделяемое значение будет сопровождаться пометой «мн.» (например, так дано слово *халдей* в МАС: 1. *мн.* Семитическое племя... 2. Персонаж стар. обрядовой постановки... 3. Прост. Употребляется как бранное слово) или 2) если заглавная форма имела бы форму мн. числа, но значения слова, не являющиеся этническими понятиями, снабжались бы пометой «ед.» (примерно так дано слово *халдеи* в БАС: 1. Семитическое племя... 2. *ед.* Персонаж религ. обрядового представления).

Первый способ подачи представляется более универсальным, так как он не касается вопроса о развитии значений в слове; второй способ возможен лишь тогда, когда у этнического названия развиваются различные переносные значения.

II. **Существительные, называющие конкретные предметы (обувь, одежду, предметы сельскохозяйственного быта, музыкальные инструменты, спортивные принадлежности, части организма человека и животных и т. д.), представленные как пары.** Форма мн. числа в качестве заглавной является преимущественной при лексикографическом описании существительных, называющих указанные конкретные предметы.

Названия этой группы многочисленны и разнообразны; подача в словарях отдельных подгрупп различается; поэтому описание каждой из них ведется дифференцированно.

1. Названия обуви представлены в словарях следующими существительными: *бабуши*, *баретки*, *бахилы*, *башмаки*, *босовики*, *босоножки*, *ботики*, *ботинки*, *ботиночки*, *ботфорты*, *боты*, *бурки*, *бутсы*, *валенки*, *валенцы*, *галоши*, *ичиги*, *калоши*, *катанки*, *кеньги*, *котурны*, *коты*, *краги*, *микропорки*, *мокасины*, *мокроступы*, *ноговицы*, *обутки*, *опорки*, *осметки*, *пампуши*, *пантуфли*, *патынки*, *патыночки*, *пимы*, *пинетки*, *полуботинки*, *полусапожки*,

поршни, постолы, пьёксы, румынки, сандалеты, сандалии, сапоги, сапожишки, сапожищи, сапожки, сапожнишки, сапожнищи, сапожонки, снегоступы, спортивки, спортсменки, ступни, танкетки, тапки, тапочки, торбаса (*торбасы* и *торбаза*), *туфельки, туфли, унты, хлопанцы, ходаки, чеботы, черевики, черевички, чесанки, чесаночки, чирики, чирки, чувяки, чуни, чуньки, шлепанцы, штиблетишки, штиблетки, штиблеты.*

В лексикографической практике сложились определенные закономерности в подаче названий обуви: они даются, как правило, в форме мн. числа с указанием на форму ед. числа. Этот прием лексикографической обработки названий обуви поддерживается особенностями значений, свойственных формам мн. ч. этого типа слов, номинативностью, т. е. способностью называть предмет в той целостности, которая значима в реальной действительности. При этом форма ед. числа хорошо согласуется с представлением об одном предмете, взятом из пары, ср., например, речения «левый сапог», «одна туфля», «правая босоножка», т. е. полностью отвечает основному грамматическому значению единичности, которое формой ед. числа последовательно выражается в области считаемых предметов [10].

---

[10] «...«сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад взятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

лексема «сапог»	лексема «сапоги»
ед. число сапо́г	сапоги́$_2$ (пара сапог)
мн. число сапоги́$_1$ (разрозненные, например, одни левые)	сапоги́$_3$ (несколько пар сапог)»

(*А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 61).

О соотношении форм числа в названиях обуви см. также *Д. И. Арбатский.* Значение форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Канд. диссерт. М., 1954; *Р. С. Манучарян.* Существительные pluralia tantum и пути их образования в русском литературном языке. Канд. диссерт. Ереван, 1959; *А. М. Иорданский.* Существительные pluralia tantum в русском языке. «Ученые записки Владим. гос. пед. ин-та им. П. И. Лебедева-Полянского». Серия историко-филол., вып. 2, 1956, стр. 91—148.

Номинативность форм мн. ч. прослеживается на фактах «первичности» этой формы в назывании обуви, появляющейся, так сказать, на глазах. Так, соответствующие предметы обуви современной эпохи — *кеды*, *танкетки*, *платформы* и под.— назывались в момент появления формой мн. числа. Из форм мн. числа, называющего предмет в его целостности, выводилась в качестве «вторичной», «последующей» форма ед. числа в том случае, если возникала необходимость назвать один предмет пары (например: *кеды — кед*).

Критерий выделяемости форм мн. числа в качестве заглавной — номинативность этих форм по сравнению с большей грамматичностью форм ед. числа, а не различия в употребительности в речевой реальности каждой из форм, позволяет предложить решение: форма мн. числа в качестве заглавной в толковых словарях должна быть признана единственно возможной при истолковании слов, называющих предметы обуви. Заглавная форма должна сопровождаться указанием на форму ед. числа, независимо от степени ее употребительности // неупотребительности (препятствием к этому могут служить лишь неблагоприятные морфонологические условия сочленения морфем).

Однако известные затруднения для безоговорочного принятия этого правила создает многозначность отдельных слов, имеющих, наряду с другими, значение «род обуви». В наших словарях как многозначные отмечены *башмак* (Уш., БАС), *босоножка* (МАС), *лапоть* (БАС, МАС), *микропорка* (Ож.- 72), *пампуша* (Уш.), *румынка* (Уш.), *сапог* (Уш., БАС), *спортсменка* (Уш.), *танкетка* (БАС) и нек. др. [11] Совершенно очевидно, что семантическая оппозиция форм ед. и мн. числа в этих словах имеет другой тип, чем в собственно наименованиях обуви. Наименование обуви в этих случаях — лишь одно из значений слова. В пределах значения ‘обувь’ сохраняются описанные выше отношения «мн. число — ед. число», но для семантико-грамматической структуры слова в целом они — лишь

[11] А. М. Иорданский отмечает: «Что касается заглавных форм *сапог*, *башмак*, то их употребление в словарях в ед. числе может быть объяснено лишь как вынужденное наличием у этих слов ряда других переносных и специальных значений, не связанных с идеей парности. Впрочем, и здесь мог бы быть найден выход из положения в виде иного построения словарной статьи» (*А. М. Иорданский*. Указ. соч., стр. 98).

частный вид общих отношений числа. Данное обстоятельство препятствует выделению форм мн. числа в качестве заглавной формы толкуемого слова.

В словарной практике принят приём выделения таких значений пометой «чаще мн.», «обычно мн.». Видимо, этот прием заслуживает внимания и должен быть поддержан. Здесь невозможна помета «только мн.», это противоречило бы реальным фактам соотношения форм числа, но в содержание помет «чаще мн.», «обычно мн.» должен быть вложен смысл не предпочтительной употребительности форм числа, а усиленного свойства номинативности у форм мн. числа при обычном грамматическом значении единичности у форм ед. числа. Соответственно указанное правило подачи значений ‘обувь’ должно быть оговорено в предисловиях к словарям.

Возможен и другой путь. При выделении значения ‘обувь’ толкуемое слово повторяется (и выделяется шрифтом) в форме мн. числа, например: *башмак*, мн.- *и* 1. *башмаки*, ед. *-ак*. Род обуви. 2. Термин для обозначения разных приспособлений...

Второй вариант имеет те преимущества, что не допускает помету «чаще мн.», «обычно мн.», которая может быть истолкована как указывающая на употребительность, что противоречит существу дела. С этой точки зрения второй вариант «чище» передает семантическое соотношение форм числа для существительных со значением парных предметов обуви.

2. Названия предметов одежды. В разделе под обобщенным названием «предметы одежды» рассматривается более широкий круг слов, обозначающих предметы, надеваемые на тело: *бретели*, *бретельки*, *варежки*, *гамаши*, *гетры*, *гольфы*, *клипсы*, *митенки*, *нарукавники*, *наручники*, *носки*, *носочки*, *оборы*, *паголенки*, *погоны*, *полуперчатки*, *рукавицы*, *рукавички*, *чулки*, *чулочки*, *эполеты*.

В подаче этой группы слов в словарях нет единства. Колебания настолько значительны, что трудно сказать, что можно считать правилом, а что — отклонением от него.

Соотношение значений форм числа в этой группе существительных несколько иное, чем в названиях обуви, хотя и близкое к ним. На первый взгляд трудно противопоставить наименования обуви типа *сапоги*, *башмаки* и наи-

менования предметов одежды типа *чулки, варежки*. Действительно, реальное назначение называемых ими предметов сближает сами наименования как единицы языка. Однако между группой существительных, называющих обувь, и группой существительных, называющих парные предметы одежды, имеется существенное различие собственно языкового характера. Это различие связано с тем, что формы мн. числа последней группы слов не имеют номинативной нагрузки той степени, которая свойственна формам мн. числа первой группы слов. Об этом свидетельствует сам тип лексикографических толкований, различных для слов той и другой группы: при определении существительных, называющих обувь, принято использовать их обобщенно-родовое истолкование, например, *туфли* — ‘род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки’ (Уш.), *валенки* — ‘зимняя обувь’ (Ож.-60), *боты* — ‘зимняя обувь’ (БАС), *галоши* — ‘низкая резиновая обувь’ (Ож.-72) и т. п.

Прием определений существительных, называющих предметы одежды, заключается не в отнесении предмета к роду изделий, а в описании признаков единичного предмета, взятого в отдельности, ср.: *перчатка* — ‘изделие из ткани, ниток или кожи с отделением для каждого пальца, надеваемое на кисть руки’; *чулок* — ‘вязаное, трикотажное изделие, облегающее ногу’; *рукавица* — ‘одежда на кисть руки с отделением обычно только для большого пальца’, *носок* — ‘короткий чулок, не доходящий до колена’, *погон* — ‘наплечный знак различия в военной и другой форменной одежде’ и т. д.

По-видимому, различие в семантике этого типа форм ед. и мн. числа вполне сводимо к различиям единичности—множественности. Во всяком случае известное огрубление семантических различий вполне допустимо при разработке единых приемов подачи этих слов в словарях, тем более, что это огрубление не будет в принципе противоречить общим отношениям внутри категории числа. Опираясь на это положение, считаем возможным предложить следующее правило подачи существительных — названий предметов одежды в толковых словарях: заглавной формой целесообразно сделать последовательно форму ед. числа. Однако при этом не исключаются коррективы, отражающие сопоставление по употребительности форм числа: в тех случаях, когда материал картотек ведет к заключе-

нию о преобладании форм мн. числа по сравнению с ед., это фиксируется посредством помет «чаще мн.», «обычно мн.».

Эти пометы отразят реальное соотношение форм по употребительности, не затрагивая существа семантической связи форм числа, которая вполне вмещается в оппозицию «единичность — множественность».

3. Остановимся на рассмотрении еще некоторых названий парных предметов. Это названия предметов сельскохозяйственного быта, музыкальных инструментов, спортивных принадлежностей и нек. др.: *вожжи*, *гантели*, *дивергенты*, *кавычки*, *кастаньетки*, *кастаньеты*, *коньки*, *координаты*, *литавры*, *лыжи*, *наушники*, *перильца*, *подкандальники*, *постромки*, *радионаушники*, *ставни*, *удила*, *ходули*, *ходульки*, *чапыги*, *шоры*.

Существительные этой группы фактически не имеют единообразной формы подачи. Для одних из них в подаче преобладает форма ед. числа (например: *гантель*, *наушник*, *ставня* и др.), для других — форма мн. числа (например: *вожжи*, *кастаньеты*, *коньки*, *литавры*, *лыжи*, *ходули* и др.), причем в некоторых случаях можно отметить утрату формы ед. числа (например: *перильца*, *удила*, *шоры*; форма ед. числа *перильце* и *шора* отмечены только в БАС; форма *удило* в сл. Уш. с пометой *спец.* и в БАС с пояснением *в знач. мн.*, *редко*).

По-видимому, способ подачи должен зависеть от определения слова. Подача существительного во мн. числе (или выделение самостоятельного значения во мн. числе) оправдана в тех случаях, когда слово имеет родовое определение (например: *кастаньеты* — ‘род ударного музыкального инструмента — надеваемые на пальцы, скрепленные попарно деревянные пластинки, которыми производят резкие щелкающие звуки в такт танцу’ (Ож.-72) или обозначает такие предметы, которые в паре называют один предмет (например: *кавычки* — ‘знаки « » или „ “’). Другие определения скорее всего предполагают подачу слова в ед. числе (например: *наушник* — ‘надеваемый на уши прибор для слушания’; *постромка* — ‘ремень (веревка), соединяющий валик с хомутом...’; *ставня* — ‘дощатая или железная створка для прикрытия окна’ и т. п.). При заглавной форме ед. числа может быть дана помета «обычно мн.», «чаще мн.», свидетельствующая о преобла-

дающем употреблении формы мн. числа, если на это указывает материал словарной картотеки.

4. Существительные, обозначающие парные части организма человека и животных. Анализируемые словари выделяют в форме мн. числа с указанием формы ед. числа следующие названия парных частей тела, организма: *бакены, бакенбарды, баки, бачки, бивни, брылы, веки, вежды, виски, височки, гачи, глазенапы, глазищи, гланды, жабры, икры, кулачонки, ладоши, ладошки, ланиты, легкие, надкрылья, надпочечники, параподии, пейсики, пейсы, подглазницы, подглазья, подколенки, подусники, почечки, почки, сусала, сяжки, усищи, усы, щупальца, элитры.*

При рассмотрении материала словарей становится очевидным, что в форме мн. числа дается небольшая группа существительных, обозначающих парные части тела человека и животных. Для создания адекватной картины словарной подачи следует привести примерный список тех существительных, которые во всех словарях даются в форме ед. числа: *аденоид, бедро, бицепс, бок, бочок, бровка, бровь, висок, височек, глаз, глазница, глазок, глазочек, губа, запястье, зеница, зрачок, клешня, клык, ключица, коленка, колено, крыло, крылышко, кулак, кулачок, ладонь, лапа, лапка, ласт, лодыга, лодыжка, локоток, локоточек, локоть, лопатка, ляжка, мочка, надбровница, надбровье, надколенник, надкопытье, нога, ноженька, ножечка, ножища, ножка, ножонка, ноздря, око, плавник, плавничок, плечище, плечо, подкрылье, подмышка, полип, пята, пятка, рожок, рог, рученька, ручища, ручка, ручонка, скула, ступня, ухо, челюсть, щека, щечка, щиколотка, яичник.*

Несмотря на то, что исследователи дают названиям частей организма такую же характеристику, как, например, названиям обуви [12], в словарной подаче в форме мн. числа приводятся две группы названий.

[12] См., например, А. М. Иорданский: «Некоторые существительные, обозначающие парные части тела, имеют только формы множественного числа: *жужжальца* или *жужжальцы* (зоол.), *панты, поджилки, уста* (книжн. поэт., устар.). Но большинство из них не относится к категории pluralia tantum в собственном смысле, т. к. при форме множественного числа у них имеется и форма единственного числа. Однако лексико-семантические отношения форм единственного и множественного числа у них отличаются таким же своеобразием, как в названии парных предметов обуви, одежды, орудий труда и др. Формы множественного

Во-первых, это названия, чаще, преимущественно употребляемые в форме множественного числа, например: *гланды*, *миндалины*, *легкие*, *жабры*, *почки*, *параподии*, *элитры*, *бивни*, *бакены*, *бакенбарды*, *баки*, *бачки*, *икры*, *пейсики*, *пейсы*, *подусники*, *усищи*, *усы* и нек. др.

Во-вторых, это слова, имеющие стилистическую или эмоциональную окраску, например: *брылы* (обл.), *вежды* (устар., поэт.), *кулачонки* (разг.), *ладошки* (разг. фам.), *ланиты* (церк.-книжн. поэт. устар.), *подглазницы* (разг.), *подколенки* (разг.), *сусала* (гр. простореч.).

Для остальных названий частей тела предпочитается подача в форме единственного числа. Следует отметить, что, если ситуации, в которых встречается ед. число названий обуви, малочисленны, то выделение одного органа, части тела во многих ситуациях оказывается необходимым [13].

Употребление в разнообразных неединичных ситуациях приводит к сравнительно частому использованию формы ед. числа [14].

По-видимому, в словарной практике опора на употребительность—неупотребительность форм числа этих названий не может служить достаточно надежным критерием. Не работает и попытка связать описываемые названия с идеей парности: словарная подача демонстрирует, что это понятие используется лишь в некоторых случаях, например: *бивни* — ‘два больших, выдающихся наружу резца или клыка у некоторых млекопитающих’ (БАС); *глаз* — 1. (преимущ. во мн. ч. для обозначения парности). Орган зрения (Уш.); но: *зрачок* — ‘отверстие в радужной оболочке глаза, через которое в глаз проникает свет’ (Ож.-72); *кулак* — ‘кисть руки со сжатыми пальцами’ (Ож.-72); *икры* — ‘округлые мышцы на задней стороне

числа *глаза*, *уши*, *легкие* и т. п. здесь тоже призваны выражать в первую очередь общее понятие о том или ином составном (двухчастном) органе тела, тогда как формы единственного числа выражают значение ‘один из пары однородных предметов, составляющих общее целое’ (*А. М. Иорданский*. Указ. соч., стр. 100).

[13] См., например: «Вытащив вязки, он намертво приторочил *кисть* правой неповрежденной руки амбала к *щиколотке* его левой, подогнутой к *ягодице ноги*... и, указывая на него Блинову и старшине, скомандовал: «Перевяжите ему *плечо* и *ногу!*» (*В. Богомолов*. В августе сорок четвертого...).

[14] См. данные *Э. А. Штейнфельдт*. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.

голеней человека' (Ож.-72) и т. п. (ср., например, *легкие* в БСЭ, 3 изд., т. 14: «Обычно Л. парные, но у безногих земноводных, безногих ящериц и у змей одно Л. (чаще левое) редуцировано»). Материал словарей подтверждает мысль В. В. Виноградова о том, что «в современном литературном языке категория парности представляет собой пережиток прошлого. Она невыразительна. Слова, обозначающие парные предметы, примыкают к группе слов, обозначающих сложные, составные предметы» [15].

Определяющим фактом является не парность как таковая, а соотношение общего и единичного, соответственно выражаемых формами мн. и ед. числа. Если общее, выражаемое в форме мн. числа, не получает общего понятийного истолкования через понятие суммы единиц, в него входящих, а истолкование единицы — одного представителя предмета — выводится из общего, то формы мн. числа выступают как семантически превалирующая категория. Напротив, если общее, выражаемое в форме мн. числа, получает свое истолкование как сумма единиц, то преобладающей семантической категорией должно считаться единственное число.

Это не означает, что формы мн. и ед. числа в том и другом случае не имеют собственно семантических отличий, ср., например, несомненные различия у форм *глаз* и *глаза*, и что эти различия следует нивелировать при лексикографическом описании соответствующих слов. Но этим принципом можно руководствоваться при выборе формы заглавного слова: в первом случае — это формы мн. числа, во втором — формы ед. Все же другие явления различий лексического значения, в том числе и связанные с различиями в значениях форм числа, вполне могут быть учтены и переданы лексикографическими средствами: выделением отдельных значений, специальными пометами и пр.

В тех случаях, когда типом словаря не предусмотрено толкование (определение значения) слова, например, в орфографических, орфоэпических и т. д. словарях, слова этого типа могут иметь и практически имеют отличающиеся от описанных способы подачи.

III. А. Существительные, называющие обобщенные понятия в области биологии, химии, медицины и т. д. (родовые и видовые названия животного и растительного

[15] *В. В. Виноградов.* Указ. соч., стр. 134.

мира, названия химикалий, препаратов и т. д.). В заглавной форме мн. числа выделены следующие обобщенно-родовые названия: *абразивы*, *амебы*, *амфибии*, *анаэробы*, *антибиотики*, *антилопы*, *антитела*, *антитоксины*, *аскариды*, *аэробы*, *бактерии*, *бархатцы*, *бастарды*, *биолиты*, *битумы*, *вампиры*, *вирусы*, *витамины*, *водоросли*, *воробейники*, *гельминтозы*, *гербициды*, *гидрофиты*, *гормоны*, *гребневики*, *гремучники*, *грызуны*, *двухвостки*, *долгоносики*, *злаки*, *инсектисиды*, *каперсы*, *каучуконосы*, *клубнеплоды*, *кокки*, *коловратки*, *кольчецы*, *концентры*, *копчености*, *корненожки*, *корнеплоды*, *кровепаразиты*, *кулики*, *лемуры*, *листовертки*, *листоеды*, *малолетники*, *медикаменты*, *мертвоеды*, *мигранты*, *микроэлементы*, *многолетники*, *моллюски*, *муцины*, *мшанки*, *нитриты*, *нитрокрасители*, *ноготки*, *обезьянолюди*, *оболочники*, *обрастатели*, *овощи*, *органогены*, *осы*, *ослы*, *пестрокрылки*, *пестряки*, *пестрянки*, *печеночники*, *пилильщики*, *пирозомы*, *плодоовощи*, *полимеры*, *полуобезьяны*, *полупроводники*, *провитамины*, *противотела*, *псаммиты*, *ранетки*, *саговники*, *сапропелиты*, *сапрофиты*, *сеголетки*, *сеноеды*, *силикаты*, *совы*, *сомы*, *термофилы*, *термофобы*, *трехперстки*, *трубковерты*, *трубкорылы*, *трутовики*, *тысяченожки*, *углеводороды*, *углеводы*, *уховертки*, *фораминиферы*, *химеры*, *химикаты*, *хищники*, *цикады*, *чернотелки*, *шерстокрылки*, *шпаты*, *шпроты*, *щитни*, *экзоты*, *эктопаразиты*, *эпифиты*, *ядохимикаты*, *ящеры*.

При выделении этих названий используются различные способы подачи:

1. Дается и толкуется форма мн. числа (с указанием на форму ед. числа), например: *Аскариды*, мн. (ед. *аскарида*). Зоол. Группа круглых червей. *Полимеры*, мн. (ед. *полимер*). Спец. Вещества, образующиеся соединением нескольких, очень многих, простых молекул при определенных условиях.

2. Указывается форма ед. и мн. числа, но толкуется только форма мн. числа: *Амеба*, -ы, ж. Зоол. *Амебы* или *амебовые*—название отряда микроскопических одноклеточных животных, принадлежащих к классу саркодовых и имеющих голое, лишенное оболочки тело. *Битум*. Минер., техн. *Битумы*, мн.— общее название смолистых веществ..., состоящих из углеводородов: асфальт, нефть, гудрон и др.

3. В качестве заглавной выступает форма ед. числа.

Обобщенно-родовое значение выделяется как специальное значение слова, например: *Водоросль.* Растение, живущее в воде. Бот. *Водоросли* — низшие споровые растения, содержащие хлорофилл и способные к самостоятельному питанию, обитающие в воде или на сырой почве.

При анализе выделенных названий становится очевидным, что различные словари избирают различную форму их подачи: в БАС и МАС выделяется некоторый список названий, данных в форме мн. числа; Уш., Ож.-60 и Ож.-72 предпочитают их подачу в форме ед. числа.

Попытаемся найти возможные объяснения этому явлению.

Соотношение чисел в этой группе названий определяется противопоставлением единичности—множественности, например: *заяц — зайцы, витамин — витамины* и т. п.; при таком противопоставлении чисел форма ед. числа может употребляться как общее, родовое обозначение предмета. Однако форма мн. числа также может иметь обобщенно-родовое значение при обозначении некоторой совокупности, рода, семейства, класса и т. п.; в таком случае противопоставление ед.—мн. числа строится не по единичности—множественности, а еще по одному признаку, а именно: форма мн. числа выражает совокупность, а форма ед. числа — отдельный элемент этой совокупности.

Такое соотношение чисел отражено, например, при подаче в БАС существительного *первоящер*: 1. *Только мн.* Название подкласса клювоголовых пресмыкающихся, преимущественно вымерших... 2. Представитель этого подкласса. Однако такое обобщенное значение формы мн. числа используется, как правило, в терминологических классификациях. «Названия же животных, растений, плодов, минералов, металлов, аппаратов, явлений природы и др., широко известные в литературном употреблении, получают определение на основе общего их употребления; таковы определения слов: *заяц, лисица, сирень, агат, звезда* и т.п.» (БАС, т. I, Введение, III).

Таким образом, можно констатировать, что при подаче описываемых существительных словари избирают форму подачи в зависимости от определения значения слова. Например: БАС: *антилопа* — ‘стройное животное, группы жвачных парнокопытных’, но: сл. Ож.-72: *антилопы*, ед.-*па* — ‘название разных видов парнокопытных жвачных млекопитающих сем. полорогих’ (серны, сайгаки,

джейраны и др.)'; *оса* — 'жалящее перепончатокрылое насекомое', но: БАС: *оса* — 'хищное перепончатокрылое жалящее насекомое...' □ *Осы*, мн. Спец. Общее название насекомых семейств жалоносных перепончатокрылых насекомых; Уш.: *долгоносик* — 'небольшой жук с длинным хоботком', но: МАС: *долгоносики*, ед.-*ик*. Название семейства жуков, имеющих длинный хоботок. Непоследовательность в словарной подаче возникает, во-первых, потому, что однотипные слова получают внутри словаря различные определения и, соответственно, различную форму подачи (например, существительное *антилопы* выделено в сл. Ож.-72 среди множества других подобных названий); во-вторых, потому, что оказываются противоречивыми форма подачи и определение слова (например, в сл. Ож.-72 *клубнеплод* — 'название растений, образующих на подземных стеблях богатые углеводами клубни, идущие в пищу, на корм или в техническую обработку'; *силикат* — 'название минералов, в состав которых входит кремнезем, а также изделия из них'; в сл. Уш. *шпат* — 'название различных минералов из породы силикатов' и др.).

Объем научных понятий, толкуемых в самостоятельных значениях, в частности, в БАС, требует особого рассмотрения. Однако вопрос о форме выделения таких значений может быть поставлен.

Б. Отдельного рассмотрения по характеру соотношения чисел требуют **обобщенно-родовые названия со второй частью** *-материалы*, *-продукты*, *-товары*: *лесоматериалы*, *пиломатериалы*, *стройматериалы*, *рыбопродукты*, *субпродукты*, *хлебопродукты*, *промтовары*. Как показывает материал, выделенные слова, как правило, даются в заглавной форме мн. числа; в форме ед. числа в сл. Уш. и БАС дается только слово *нефтепродукт* (в противоречии с подачей других слов).

Описываемые сложные слова являются общими названиями для разного рода материалов, продуктов, товаров, например: *лесоматериалы* — 'лесные материалы как строительный и поделочный материал' (МАС); *нефтепродукты* — 'продукты, получаемые путем переработки нефти (керосин, бензин, мазут и др.) '; это обобщенно-родовое значение находит свое выражение в форме мн. числа.

Разногласия внутри словарей и между словарями касаются не выбора заглавной формы, а наличия или отсут-

ствия при ней формы ед. числа, например, в сл. Уш. и БАС существительное *хлебопродукты* дается без формы ед. числа, а в МАС форма ед. числа указывается; существительное *промтовары* в МАС, Ож.-60, Ож.-72 не имеет ед. числа, а в Уш., БАС эта форма дана и т. д. и т. п.

Объясняется это тем, что описываемые слова обозначают некоторую неоднородную совокупность предметов; при выделении из этой совокупности одного предмета используется его самостоятельное название, а не форма ед. числа обобщенно-родового названия.

Указывая в некоторых случаях форму ед. числа, словари, однако, не приводят никаких примеров ее использования [16]; следует заметить, что в более поздних по времени словарях (Ож.-60, Ож.-72) форма ед. числа описываемых слов не дается.

Использование формы ед. числа, например, у существительных со второй частью *-материалы*, связано с обобщенно-собирательным значением этой формы. В таких случаях в словарной подаче указывается, что форма ед. числа имеет то же значение, что и форма мн. (см. *пиломатериал* в сл. Уш., МАС) Действительно, в современном языке можно встретить использование этой формы, например: А отсюда каждый месяц гоним некондиционный *пиломатериал*... Оказалось, что на каждом выпущенном кубометре *пиломатериала* из этой древесины теряется 13 руб. И выход *пиломатериалов* ниже на 6,7 процента (Лесн. пром-ть, 11 окт. 1973); И вот до чего же обидно бывает: идешь по территории, а какая-нибудь свинья сидит на *пиломатериале*, струнку в руках крутит и ногтем скребет! (Лит. газ., 3 июля 1974, № 24, стр. 16); Новый дом хочу построить, деньги скопил на это дело, а вот с *лесоматериалом* и кирпичом вышла осечка (Сел. жизнь, 24 авг. 1973); Всюду, где идет промышленное строитель-

---

[16] Разумеется, в некоторых жанрах речи можно встретить намеренное использование формы ед. числа. См., например: «Шуршит тяжелая капуста — вкусный и питательный *морепродукт* («Крокодил», 1965, 28; пример взят из словаря-справочника «Новые слова и значения». М., 1971); «*Морепродукты* — захохотал Клюев.— А вы ели когда-нибудь салат из папоротника?» (З. Журавлева. Островитяне); «Дольше получаса — не нужно, тогда пропадет исконный, йодистый привкус *морепродукта*, привычный для побережья, ценимый тут» (Там же, стр. 105).

ство, там и новый *стройматериал* (М. Шагинян. Гидроцентраль, X, 2; ЛК) [17].

Однако, чтобы не нарушать правильности картины, следует заметить, что форма ед. числа в собирательном значении встречается реже, чем форма мн. числа, например: на 70 примеров со словом *пиломатериалы* в газете «Лесная промышленность» (за 3 месяца 1973 г.) встретилось только 5 случаев употребления формы ед. числа *пиломатериал.*

Употребление формы ед. числа в собирательном значении связано с определенными жанрами речи. А. И. Сумкина отмечает: «Формы ед. числа образований типа *лесоматериал, боезапас* и под. имеют оттенок разговорно-просторечного или профессионального употребления. Формы типа *стройматериал, боезапас* и под. в большинстве случаев имеют оттенок собирательного значения, как и собственные формы мн. числа» [18].

В литературном языке подобные образования употребляются в форме мн. числа. Распространение форм ед. числа в обобщенно-собирательном значении протекает в настоящее время активно, но неравномерно в различных функциональных разновидностях современной речи.

«Нормативность (соответствие современной литературной норме) форм ед. ч. в случаях, когда наряду с ними может быть употреблена форма мн. ч., определяется их значением. Они являются общепринятыми в тех случаях, когда используются для передачи обобщенно-собирательного значения. Вполне допустимы такие формы и в названиях предприятий, магазинов и т. д.: завод «Стройдеталь», завод «Виброприбор», магазин «Авторучка» и др.» [19]

Таким образом, можно заключить, что разногласия в словарной подаче обобщенных названий со второй частью *-материалы, -продукты, -товары* определяются особенностями употребления чисел в этих словах: форма ед. числа описываемых названий либо вообще не употребляется, либо в обобщенно-собирательном значении использует-

---

[17] Примеры с пометой ЛК взяты из картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР (г. Ленинград).

[18] *А. И. Сумкина.* Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 232.

[19] «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 170.

ся в определенных жанрах речи. Для толковых словарей необходимы решения, направленные на унификацию приемов подачи этих слов. Видимо, при этом следует учитывать такие их признаки, как профессиональное употребление (терминологизацию) и общелитературное значение собирательности. Показ особенностей того и другого употребления должен быть выработан каждым словарем и осуществлен последовательно.

IV. Существительные, называющие конкретные предметы и обобщенные понятия (лиц, партий, сект, игр, отрезков времени, пространства и т. д.), представленные как совокупности. Оттенок совокупности присущ любому существительному, употребленному в форме мн. числа. Он входит в качестве компонента в грамматическое значение множественности. Но в ряде случаев, довольно многочисленных, значение совокупности для форм мн. числа становится их лексическим значением: формы мн. числа являются средством обозначения (номинации) самостоятельного понятия (часто это связано с развитием переносных значений). К этой группе с некоторой степенью условности могут быть отнесены следующие существительные: *банкноты*, *бирюльки*, *близнецы*, *боны*, *бубны*, *веды*, *вирши*, *двойники*, *двойняшки*, *дебри*, *доспехи*, *думки*, *забереги*, *издержки*, *капиталовложения*, *коральки*, *лесоразработки*, *мемуары*, *молодожены*, *онёры*, *пандекты*, *пени*, *перипетии*, *пики*, *прерии*, *принципии*, *прогоны*, *пураны*, *пожитки*, *пожиточки*, *родители*, *сельвасы*, *ссечки*, *торфоразработки*, *трефы*, *чаруса*, *черви* (*червы*).

Общим значением существительных, включенных в эту группу, является обозначение совокупности предметов. Однако само значение совокупности в различных словах представляется различным. «Исходным моментом образования сложного единства вещей и предметов, выражаемого формой мн. числа, могут быть разные факторы: единство целевого назначения этих предметов, системный характер их взаимоотношений и др.» [20] Совокупность воспринимается не как простое множество предметов, а как множество, составляющее сложное единство, в таком случае соотношение единичности и множественности заменяется иными соотношениями. Если совокупность представляется понятием, в котором единство отдельных предметов не поддается членению, то форма ед. числа либо ста-

[20] А. М. Иорданский. Указ. соч., стр. 101.

новится несоотносительной с формой мн. числа, либо вообще выходит из употребления.

Форма мн. числа названий однородных предметов, находящихся на какой-либо территории, может служить обозначением самого пространства, например: *прерии*, *сельвасы*, *чаруса*. Если форма мн. числа обозначает пространство, то разрушается прямое соотношение с формой ед. числа, о чем свидетельствует разнобой в словарях. Существительное *прерии* в знач. ‘обширная степь в Северной Америке’ дается в Уш., БАС, Ож.-60 в форме ед. числа, в МАС — в форме мн. числа с указанием *ед. в том же знач.*, в Ож.-72 — во мн. с формой ед. числа. Существительное *сельвасы* в БАС и МАС имеет при форме мн. числа форму ед. числа, а в сл. Уш. указано, что ед. нет. Существительное *чаруса* в БАС дано в форме ед. числа, в МАС — в форме мн., в Уш.— во мн. с пометой «ед. нет» [21].

Форма ед. числа, отмечаемая у этих слов, соотносится не с переносным значением ‘местность, территория’ в форме мн. числа, а со значением множественности предметов или начинает выступать в значении мн. числа как название местности, территории. А. А. Белецкий отмечает: «Такие региональные географические термины, как *пампа* (испан. *pampa* — название субтропических степей в Уругвае и Аргентине, из кечуа *bamba* — поле, равнина) и *сельва* (португ. *selva*, бразильское название влажных экваториальных лесов) теперь в научной литературе употребляется в ед. числе» [22]. Таким образом, соотношение чисел в научной литературе может рассматриваться как обычное противопоставление единичности — множествен-

---

[21] Помета «ед. нет» вряд ли соответствует истине. БАС приводит следующий пример: «Заманчивая *чаруса* — зеленая полянка, затянутая свежей чудесной травкой, заманит вас в непроходимую гибель топь» (Короленко. В пустын. местах, 8). Ср. также в книге А. П. Нечаева «В царстве воды и ветра» (СПб., 1919): «Но страшнее всего *чаруса*,— рассказывает Мельников.— Окно, вадью издали можно заметить и обойти — *чаруса* неприметна» (стр. 179). «У лесников слывет она местом нечистым, заколдованным. Они рассказывают, что на тех *чарусах* по ночам бесовы огни горят, ровно свечи теплются. А ину пору видают среди *чарусы* болотницу» (стр. 180). «Много, много чудес рассказывают лесники про эти *чарусы*» (стр. 180).

[22] *А. А. Белецкий.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, стр. 156. Ср. также: В дебрях *сельвы*. «Неделя», 1973, № 8, стр. 10.

ности, что еще, по-видимому, не стало достоянием общелитературного языка.

Форма мн. числа может обозначать совокупность двух лиц мужского и женского пола; форма ед. числа называет лицо или женского, или мужского пола, но не допускает непосредственного соотношения с указанной формой мн. числа, например: *родители — родитель, родительница*; *молодожены — молодожен*; *супруги — супруг, супруга*.

Рассмотрим соотношение *молодожены — молодожен*. Форма ед. числа *молодожен* встречается в произведениях, отражающих функционирование современного русского языка: Значит *молодожен*? Значит поздравить тебя? (Г. Николаева. Жатва); Повстречает он *молодожена* и пеняет: чего же ты мимо мастера свадьбу сыграл? Что *молодожену* делать? (В. Ильин. Целый век); На 5000 рублей застраховал свою жизнь *молодожен* Парис Пляцкин. Жизнь товарища Пляцкина находится теперь вне опасности (Лит. газ., № 3, 1969, стр. 12).

Представляется, что форма *молодожены* не является нейтральной, а имеет на себе отпечаток разговорного употребления (помета *разг.* приводится в Уш. и БАС). Отсутствие в ед. числе соотносительного существительного женского рода, по-видимому, позволило сопоставить форму мн. и ед. числа (так, существительное *молодожены* дано в БАС и МАС); но форма ед. числа не может быть употреблена по отношению к лицу женского пола, поэтому другие словари избирают иную форму подачи: в Уш. *молодожены* — ‘супруги’ выделено как самостоятельное значение слова в форме мн. числа, а в сл. Ож.-60 и Ож.-72 вначале толкуется форма *молодожен*, а затем указывается и толкуется форма *молодожены*. Значение ‘муж и жена’ слова *супруги* выделяется словарями в форме мн. числа как отдельное значение слова *супруг*. Очевидно, что одни и те же значения формы мн. числа и одинаковые соотношения чисел пока не нашли в словарях единой формы подачи.

В некоторых случаях форма ед. числа вообще может выйти из употребления, что подтверждается подачей слов *вирши, дебри, доспехи, издержки, мемуары, лесоразработки, пожитки, торфоразработки, трефы, черви*. Словари или не указывают форму ед. числа этих слов (последовательно форма ед. числа не указана в Ож.-60, Ож.-72), или снабжают ее пометами *устар., реже*.

Наблюдения над описанными группами приводят к вы-

воду, что существительные со значением совокупности, имеющие в качестве заглавной форму мн. числа, немногочисленны. В основном понятие совокупности выделяется как одно из значений слова. Это и понятно: всякая форма мн. числа выражает совокупность предметов: в некоторых случаях совокупность представляет собой не простое множество лиц или предметов, а новое единство; возникает новое значение слова, связанное с формами мн. числа, что получает не вполне последовательное отражение в словарной подаче.

Б. Существительные, называющие сложные, составные предметы. В форме мн. числа с указанием на форму ед. числа даются следующие названия, обозначающие сложные, составные предметы: *аксельбанты*, *антресоли*, *бимсы*, *блонды*, *бронхи*, *быки*, *вавилоны*, *валки*, *вальцы*, *вериги*, *вешала*, *выбленки*, *катакомбы*, *клавикорды*, *козелки*, *копи*, *кружева*, *кружевца*, *нарты*, *нары*, *накры*, *пельки*, *подмости*, *подмостки*, *тенета*, *сходни*, *ширмы*, *ширмочки*.

Понятие сложных, составных предметов может быть выражено и формой ед., и формой мн. числа; форма числа связывается с признаком выраженной расчлененности и невыраженной расчлененности. Если предмет воспринимается расчлененным, то эта «объективная» расчлененность выражается формой мн. числа; форма ед. числа не содержит никакого указания на выражение расчлененности или нерасчлененности. Так как языковая реакция на определенную неязыковую реальность сложилась исторически, то с точки зрения современного языка расчлененность—нерасчлененность может не иметь отчетливой внешней мотивировки.

Существительные с выраженной внутренней структурной расчлененностью предмета являются существительными pluralia tantum, например: *грабли*, *клещи*, *хоры*, *сани*, *очки*, *брюки*, *ножницы* и т. п. Словари же выделяют несколько названий сложных предметов в форме мн. числа с указанием на форму ед. числа, однако эти слова в основном тяготеют к утрате формы ед. числа, например: форма ед. числа, как правило, отмечается лишь в БАС; в сл. Уш. существительные *вавилоны*, *клавикорды*, *козелки*, *нары*, *подмостки* даются как существительные pluralia tantum; в МАС не указывается форма ед. числа для слов *вавилоны*, *вальцы*, *клавикорды*, *подмостки*, *тенета*; в сл. Ож.-60 и Ож.-72 некоторые из перечисленных названий отсутст-

вуют (*вавилоны*, *козелки*), а другие даны во мн. числе без указания формы ед. числа (*бронхи*, *вальцы*, *клавикорды*, *копи*, *нары*, *подмости*, *подмостки*, *тенета*). Отмечаемая словарями форма ед. числа в отдельных случаях снабжается ограничительными пометами, например: *копи* — ед. обл. (Уш.), реже ед. (БАС); *тенета* — ед. устар. обл. (Уш.), ед. устар. (БАС); *бронхи* — ед. редко (Уш.).

Таким образом, в словарях отразился процесс перехода некоторых существительных, обозначающих сложные, составные предметы, в категорию существительных pluralia tantum.

Но и у тех существительных, для которых словари, как правило, указывают форму ед. числа (например: *антресоли*, *кружева*, *вериги*, *нарты*), соотношение формы ед.— мн. числа не выражает противопоставления единичности — множественности. Например: *антресоли — антресоль*. Все анализируемые словари приводят это существительное в форме мн. числа с указанием на форму ед. числа. В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» (М., 1964) существительное *антресоли* приводится в одном списке со словами *двери*, *сходни*, *перила*, *кулуары* и т. п., ранее употреблявшимися только или преимущественно в форме ед. числа, а в XIX в. отмеченными ростом употребительности мн. числа. В современном языке форма ед. числа встречается крайне редко (см., например: «На большом дворе...стояли... три жилища. В одном из них обитала семья дяди Андрея; в другом, *с антресолью*, жил молодой дядя Павел...» — Л. Мартынов. Воздушные фрегаты); а форма мн. числа не выражает значения множественности и употребляется в значении ед. числа как форма называния предмета (например, *в нашей квартире есть антресоли*). Такое же соотношение чисел можно отметить у существительных *катакомбы*, ед. *-ба*; *сходни*, ед. *-ня*; *вериги*, ед. *-га*.

В некоторых случаях словари отмечают параллельное употребление чисел, например: *кружева — кружево*. МАС дает это существительное в форме ед. числа с указанием: *мн. в том же знач.*; остальные словари заглавной формой подачи избирают форму мн. числа и указывают, что форма ед. числа употребляется в одном значении с множественным.

Очевидно, существует разница между общелитературным и профессиональным употреблением этого слова. Для названия текстильного изделия определенного вида специалисты употребляют форму ед. числа; форма мн. числа обозначает совокупность различных видов кружев. См., например, в БСЭ: По технике исполнения *кружево* бывает ручное и машинное; В советском *кружеве*, развивающем богатые художественные традиции русского *кружева*, используются русские типы узоров...; Ранние шитые *кружева* представляли собой полоску с зубцами...

В сл. Уш. форма ед. числа имеет помету *устар.* и *спец.*

Для неспециалистов различие видов кружев, вероятно, оказывается несущественным. Важно, например, представление о множестве узоров на сетчатой ткани, некая расчлененность предмета; отсюда преимущественное употребление в форме мн. числа (например, *отделка из кружев*, *красивые кружева* и т. п.).

Однако намеченное различие в употреблении форм числа нельзя считать закрепившимся, четко разграниченным, ср., например: *кружево* появилось на рубеже 15—16 вв., по-видимому, в Италии (БСЭ); Да и сама я в них не верила, когда еще в Москве жила. Я ими поступала ветрено, как будто *кружево* плела (Б. Ахмадулина).

Следует отметить, что в переносном употреблении закрепилась форма ед. числа (например, *кружево листьев*).

Нарты — нарта. Сл. Уш. дает это существительное в форме ед. числа с пометой «чаще мн.»; БАС и Ож.-60 при заглавной форме мн. числа указывают форму ед. числа; БАС и Ож.-72 помещают *нарты* и *нарта*, подчеркивая таким образом возможность употребления обеих форм в одном и том же значении.

Д. И. Арбатский, анализируя соотношение слов *нарты*, *нарта*, считает, что словарное предпочтение слова *нарты* «уже не отражает действительного соотношения между *нарта — нарты* в современном русском языке, потому что формы множественного числа со значением сложного предмета в начале XX в. в значительной мере утратили продуктивность и сократили область применения» [23]. В последние годы, по мнению Д. И. Арбатского, форма ед. числа вытесняет соответствующую форму множествен-

---

[23] *Д. И. Арбатский.* Единственное — множественное *мозг — мозги*. «Русская речь», 1972, № 2, стр. 82.

ного (выводы сделаны на основании анализа повести Ю. Рытхеу «Волшебная рукавица», повести Г. Федосеева «Последний костер» и романа С. Курилова «Ханидо и Халерха»). Автор приходит к следующему выводу: «Было бы более правильным, на наш взгляд, давать в толковых словарях русского языка слово *нарта* в единственном числе, но отмечать возможность употребления *нарты* по отношению к одному предмету» [24].

Ширмы — ширма. Для существительного *ширмы — ширма* можно отметить увеличение употребительности ед. числа. Если Уш. указывает *ширмы, ед. в том же знач.*, то следующие словари в качестве заглавной используют форму ед. числа. БАС отмечает, что мн. число употребляется реже, чем ед.; МАС указывает, что форма мн. числа в значении единственного является устаревшей. В некоторых случаях описываемые существительные в одних словарях выделены в форме мн. числа, а в других с формами мн. числа связаны отдельные значения, например: *плечики* в знач. 'вешалка' выделено как одно из значений слова *плечико* в сл. Уш., БАС, МАС, но Ож.-72 дает *плечики* как самостоятельное слово; существительное *роспуски* в знач. 'повозка' в сл. Уш. дается как значение слова *роспуск* с пометой «только мн.», а во всех остальных словарях оно помещено как самостоятельное слово; существительное *ростры* в значении 'брусья в днище лодки' в сл. Уш. оценивается как значение слова *ростра*, а в других словарях считается омонимом к существительному *ростра — ростры*; так же *ходики, часы, счеты.*

Таким образом, в приемах словарной подачи существительных, обозначающих сложные, составные предметы, отразилась семантическая подвижность этой группы слов. Так как сложные, составные предметы могут быть названы существительными и в ед., и во мн. числе (т. е. расчлененность может быть выраженной и невыраженной), то словари объективно показали, что некоторые слова с течением времени утрачивают форму ед. числа, а другие, напротив, закрепляются в форме ед. числа и характеризуются обычным соотношением чисел. Словари фиксируют и переходные случаи, когда формы чисел употребляются в одном и том же значении, стремясь к предпочтительному употреблению того или иного числа. Изменения, связанные с со-

[24] *Д. И. Арбатский.* Указ. соч., стр. 83.

отношением чисел в этой группе могут быть объяснены и тем, что меняется сам предмет и его восприятие, и тем, что происходит более четкое размежевание форм числа.

V. А. Существительные, называющие процесс, действие, состояние, представленные как единое сложное явление. К этой группе слов могут быть отнесены существительные *аплодисменты*, *вакации*, *вокализы*, *вычуры*, *делишки*, *заморозки*, *гастроли*, *ковы*, *колики*, *конвульсии*, *корчи*, *контры*, *нападки*, *неполадки*, *пассы*, *перекоры*, *перетолки*, *попуски*, *потуги*, *пререкания*, *прикрасы*, *распри*, *расспросы*, *репрессалии*, *рукоплескания*, *козни*, *сполохи*, *ужимки*, *экзерциции*, *экивоки*, *чары*.

Грамматическая форма мн. числа становится здесь средством внутренней характеристики действия или состояния как складывающегося из целого ряда отдельных повторяющихся актов и движений. Форма ед. числа, как правило, приводится непоследовательно, например: существительное *аплодисменты* в БАС дается в форме ед. числа, в сл. Уш.— во мн. с указанием ед. числа, а в МАС, Ож.-60 и Ож.-72 — во мн. без формы ед. числа; существительное *делишки* в БАС, МАС имеет форму ед. числа при заглавной форме мн. числа, а в сл. Уш., Ож.-60, Ож.-72 — не имеет; *колики* — в сл. Уш., БАС, МАС указана форма ед. числа, а в сл. Ож.-60, Ож.-72 — нет; *перетолки* — в сл. Уш. и БАС дается форма ед. числа, а в МАС, Ож.-60, Ож.-72 эта форма не указана и т. д. и т. п.

Во многих случаях подача формы ед. числа снабжается пометами «ед. редко», «обычно мн.», «чаще мн.», например: *козни*, *ед.* (редко) *кознь* (Уш., БАС, МАС); *корча*, чаще мн. (Уш.) и т. п.

Так как очевидно, что значение многократного действия или результата такого действия выражается словарями и формой ед. числа с пометами о преимущественном употреблении мн. числа, то список описанных слов следует дополнить словами, в которых указанное значение не выделяется в форме мн. числа, но снабжается пометами «чаще мн»., «обычно мн.» Это существительные *вакханалия*, *верование*, *волнение*, *выборка*, *выкладка*, *затрата*, *изворот*, *изгиб*, *излияние*, *изменение*, *изыскание*, *истязание*, *кривотолк*, *мечтание*, *мнение*, *отклик*, *переживание*, *перелив*, *подкоп*, *подыскивание*, *показание*, *соображение*, *старание*, *стеснение*, *стремление*, *терзание*, *трата*, *треволнение*, *увеселение*, *учение*, *чтение*, *отклик*.

В этих существительных выделяемым значениям также может быть свойственна конкретизация значения, например: *волнения* — ‘массовое выражение недовольства, протеста против ч.-н.’ (перен.), однако в большинстве случаев выделяемая форма слова имеет значение многоактного действия или результата такого действия.

Таким образом, словари показывают, что значение многоактного действия или результата действия не имеет закономерной связи с формой мн. числа, хотя использование пометы «чаще мн.», «обычно мн.» свидетельствует о преимущественном употреблении формы мн. числа. По-видимому, в современном языке еще не сложилось четкого противопоставления значений и форм числа имен действия: объектом лексикографии становятся лишь те существительные, которые характеризуются преимущественным (и, в известном смысле, сложившимся) употреблением форм мн. числа.

Б. Существительные, называющие действие или процесс и образованные со второй частью *-заготовки, -закупки, -поставки, -гонки.* В словари включены следующие слова: *дровозаготовки, лесозаготовки, мясозаготовки, самозаготовки, сенозаготовки, скотозаготовки, хлебозаготовки, хлопкозаготовки, шерстезаготовки, яйцезаготовки; хлебозакупки, зернопоставки, льнопоставки, молокопоставки, мясопоставки, хлебопоставки.*

Материал словарей наглядно демонстрирует те изменения, которые претерпели эти слова: в сл. Уш. они оцениваются как нов. спец., даются в форме ед. числа с пометой «чаще мн.», «в знач. ед.», БАС и МАС предпочитают подачу во мн. числе с указанием формы ед. числа [25], а сл. Ож.-60 и Ож.-72 все приведенные в них слова — в форме мн. числа без указания формы ед. числа. Возникновение и становление значения этих слов связано с принятием и ведением планового хозяйства; в сл. Уш. эти слова определяются как синонимичные по значению словосочетаниям *заготовка дров, лесных материалов, мяса, скота* и т. п. «Однако смысл новообразований, появившихся в русском

[25] Наименее последователен БАС; например, существительное *заготовки* в значении ‘закупка государством сельскохозяйственных продуктов’ выделено в форме мн. числа, а сложные слова, где последовательно реализуется это значение, нередко приводятся в форме ед. числа (*самозаготовка, шерстезаготовка, яйцезаготовка*).

языке советской эпохи,— пишет А. М. Иорданский,— в данном случае не мог свестись просто к сокращенной передаче в виде одного слова параллельно существующего словосочетания: *хлебозаготовка — заготовка хлеба* и т. д.

Новые слова советской эпохи должны были выразить не абстрактное понятие заготовки хлеба, леса, мяса и т. д., а свойственные советскому строю государственные плановые заготовки хлеба, леса, мяса и др. продуктов и материалов. Эти новые слова создавались для обозначения крупных и сложных мероприятий, имеющих большое народнохозяйственное значение. Не случайным явилось при этом обращение к форме множественного числа и образование новых слов в виде pluralia tantum типа *лесозаготовки, хлебозаготовки*. Новое содержание нашло себе при этом наиболее адекватную грамматическую форму. ...Здесь оказалось вполне уместным и вносимое формой множественного числа в отличие от формы единственного числа значение сложного, многоактного действия, что несомненно характеризует такие важные и крупные мероприятия, как лесозаготовки, хлебозаготовки и другие заготовки.

Сходным путем, с теми же семантико-грамматическими особенностями образуются и новые сложные слова со словом *поставки* во второй части: *зернопоставки, мясопоставки, сенопоставки, хлебопоставки* и др.» [26]

Справедливость этого высказывания подтверждается теми толкованиями этих слов, которые мы находим в БАС, МАС, Ож.-60 и Ож.-72 (например: *лесозаготовки* трактуются как ‘государственная заготовка лесных материалов’; *сенозаготовки* как ‘плановая заготовка сена’; *хлебопоставки* как ‘плановая сдача хлеба государству’ и т. п.). Форма ед. числа не передает значения этих слов; кроме того, встречается она крайне редко. Например, в картотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР (г. Ленинград), в словарях и др. источниках удалось найти лишь следующие примеры: Она стала рассказывать все, что слышала о ходе *дровозаготовки* (Либединский. Сл. Уш.); Товарищ Огнев, ты член Областкома и забыл о том, что сейчас надо заняться не только устройством коммуны,

[26] *А. М. Иорданский.* Указ. соч., стр. 118—119.

а и, главным образом, *хлебозаготовкой*... (Ф. И. Панферов. Бруски); *Лесозаготовка* — колхозник иди, сплав — колхозник, пожар в лесном госфонде — тоже колхозник... Из *лесозаготовок* не вылезал (В. Белов. Сельские повести). Обязательства по *зернопоставке* застряли в канцеляриях (Известия ЦИК, 21 апр. 1933; ЛК); Вокруг реализации законов о *зернопоставке*, об оплате натурой работы в МТС и распределении доходов разгораются сейчас главные классовые бои в деревне (Известия, 4 августа 1933; ЛК).

Показательно, что на 100 слов *лесозаготовки*, употребленных в газете «Лесная промышленность» за 1973 г., не встретилось ни одного примера в форме ед. числа.

Возникновение и употребление этих слов связано с определенными жанрами речи — с официальными, специальными докладами, отчетами, планами и т. п. (Невозможно всерьез употребить в быту такую фразу: *Вся семья готовилась к зиме: не только взрослые, но и дети занимались яйцезаготовками, лесозаготовками и хлебозакупками.* Но: *занимались заготовкой яиц, мяса, ягод, грибов* и т. п.).

Список этих слов пополнился многими словами, в силу разных причин не вошедших в словари: *картофелезаготовки, кожезаготовки, коконозаготовки, кормозаготовки, льнозаготовки, смолозаготовки, семенозаготовки, торфозаготовки, сенозакупки*; *сенопоставки* и др.

Действия, обозначаемые этими словами, мыслятся как многоактные; единичный акт обозначается соответствующим словосочетанием. Употребление формы ед. числа в значении многоактного действия воспринимается как необычное, нелитературное.

Значение словосочетания с отглагольным существительным во мн. числе и значение сложного слова во мн. числе в некоторых случаях могут совпадать, например: Коллектив носит звание коммунистического, а И. М. Солдатов — «Почетный мастер *заготовок леса* и лесосплава» (Лесная про-сть, 17 мая 1973); Ударнику коммунистического труда Ю. Толстикову за отличную работу присвоено звание «Почетный мастер *лесозаготовок* и лесосплава» (Лесная про-сть, 25 окт. 1973).

Однако образование сложных слов связано с более или менее определенной группой слов, а список словосочетаний неограничен; возможны *заготовки сена и силоса, заготовки мясных и молочных продуктов, заготовки кормовых культур* и т. п. Значение сложных слов однозначно и бо-

лее конкретно, терминологично, чем значение словосочетаний.

Подача в словарях показывает, что сложные слова со второй частью *-заготовки*, *-закупки*, *-поставки* воспринимаются современными носителями языка как существительные, не имеющие формы ед. числа (кстати, именно так они оцениваются в «Орфографическом словаре» и в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение»).

Своеобразным соотношением чисел характеризуются сложные слова со второй частью *-гонки*: *велогонки*, *мотогонки*.

Существительное *велогонки* в сл. Ож.-72 дается во мн. числе с указанием формы ед., в сл. Ож.-60 во мн. числе без ед. числа; в БАС существительное *велогонки* приводится как пример на *вело-*, а в сл. Уш. и МАС таким же способом дается *велогонка*. Существительное *мотогонки* в МАС, Ож.-60, Ож.-72 дано как пример на первую часть сложного слова, а в БАС — во мн. числе с указанием ед. числа.

Существительное *гонка* в значении 'состязание в скорости езды на...' обычно употребляется во мн. числе; сложные слова создаются на базе этого значения с уточнением, какие именно гонки имеются в виду (*авто*, *вело*, *мото* и т. п.). Форма мн. числа существительных *велогонки*, *мотогонки* является общим названием действия. Однако в спортивных комментариях, сообщающих о различных соревнованиях, для обозначения конкретного действия (гонки, заезда, заплыва) может употребляться форма ед. и мн. числа: Так начинается путь в спорт. С веселой *велогонки* по улицам города, с цервого удара игрушечной клюшкой по теннисному мячу (Сов. спорт. 13 окт. 1973); Катастрофа на *автогонке* (загол.); Во время розыгрыша «Большого приза» Англии по *автогонкам* в Силвертоне произошла катастрофа (Сов. спорт, 22 июля 1973); Всесоюзная многодневная женская *велогонка* проводится в третий раз... Чемпионат СССР по многодневным *велосипедным гонкам* среди женщин... (Сов. спорт, 5 июля 1973).

Следовательно, форма мн. числа существительных со второй частью *-гонки* называет действие, а форма ед.— указывает на одно, единичное действие: но в речи спортивных комментаторов указанное соотношение чисел дополняется синонимичным употреблением ед. и мн. числа при назывании действия.

Таким образом, сложные слова со второй отглагольной частью создаются на базе мн. числа отглагольных существительных, обозначающих сложное, многоактное действие; употребление ед. числа или ограничено, как в словах со второй частью *-заготовки*, *-закупки*, *-поставки*, или связано с обозначением единичного акта, как в словах на *-гонки*.

Различия в словарной подаче связаны с тем, что значение описываемых сложных слов и форма их выражения складываются, формируются в течение последних десятилетий. Тем более важно отработать единую форму их лексикографического отражения.

VI. Следующая лексико-семантическая группа включает **существительные, называющие массу вещества или материала** (*брызги*, *власы*, *волосики*, *космы*, *кудерьки*, *кудлы*, *кудри*, *кудряшки*, *лохмы*, *миазмы*, *молоки*, *мохны*, *патлы*, *потроха*, *разносолы*, *фекалии*, *харчи*, *чернила*); **существительные, называющие остатки или отбросы вещества или материала** (*вышкварки*, *доскребки*, *жмыхи*, *обмолотки*, *обойки*, *оборки*, *оборыши*, *объедки*, *оскребки*, *обноски*, *отброски*, *отбросы*, *отжимки*, *очески*, *ошметки*, *погадки*, *подонки*, *поскребки*, *поскребыши*); **существительные, называющие продукты питания, блюда** (*беляши*, *битки*, *биточки*, *блинчики*, *вареники*, *галушки*, *голубцы*, *гренки*, *греночки*, *зразы*, *клецки*, *опресноки*, *пельмени*, *пельмешки*, *розанцы*, *ушки*, *шкварки*, *шпроты*).

Эти слова хотя и объединены в одну группу, но имеют очевидные различия. Одни из них выступают в форме мн. числа как обобщенные названия нескольких предметов, веществ: *корешки*, *сладости*, *сласти*, *закуски*, *копчения*, *лакомства*, *разносолы*. Как правило, такие обобщенные названия выделяются как отдельные значения слова; в некоторых случаях значение может быть выделено в самостоятельное слово (*разносолы* в МАС, *ушки* в сл. Ож.-60 и Ож.-72). Иногда такое значение выделяется в форме ед. числа с пометой о преимущественном употреблении формы мн. числа (например, в словах *маринад*, *пряность*, *снадобье*, *соление*, *специя*, *сушение*).

Иную группу слов составляют названия блюд (*битки*, *сосиски*, *кильки* и т.п.). Форма мн. числа таких существительных связана с названиями блюд, кушаний и т. п.; а форма ед. числа обозначает предмет, из некоторого количества которых и создается данное кушанье, блюдо

и т. п. Различия в словарной подаче объясняются тем, что словари избирают для подачи и толкования разные значения слов — или название блюда, или название одного предмета, например: БАС: *битки* — 'жаркое из отбивной говядины', но сл. Ож.-72: *биток* — 'круглая котлета из рубленого мяса' (ср. с подачей слов *котлета*, *пирог*, *пирожок*, *пончик*, *сарделька*, *фрикаделька*, *блин*, *галета* и т.п.). Характеризуя эти существительные, Р. С. Манучарян справедливо отмечает: «Что касается таких слов, как *конфеты*, *сардельки*, *оладьи*, *битки*, у которых ед. число сравнительно более употребительно, то они и не являются вещественными в собственном смысле слова — обозначаемое ими допускает не только измерение, но и поштучный счет, как у существительных конкретно-предметных» [27].

Итак, очевидно, что существительные, называющие массу вещества или материала, различны. Особенность этой группы названий заключается в том, что вещественно-собирательное значение в русском языке может передаваться и существительными singularia tantum (*молоко*, *горох*, *вино*, *золото* и т. п.) и существительными pluralia tantum. Различные формы числа передают различное представление о внутренней «структуре» вещества: форма ед. числа обозначает сплошное, цельное, неделимое, нерасчлененное множество, а форма мн. числа — расчлененное, «точечное» множество, не устраняющее представления о составных частях [28].

В тех ситуациях, когда существительные singularia tantum получают способность к образованию мн. числа, к значению вещества присоединяется оттенок совокупности, расчлененной массы, не находящей соответствия в форме ед. числа.

Материал словарей показывает, что если существительные, данные в форме мн. числа, имеют вещественно-собирательное значение, то они со временем утрачивают форму ед. числа (например, *космы*, *миазмы*, *чернила* и т. п.). Если же масса вещества допускает выделение одного предмета, то вещественно-собирательное значение стирается, бледнеет или вообще отсутствует и соотноше-

---

[27] *Р. С. Манучарян.* Указ. соч., стр. 76.

[28] См. об этом: *А. М. Иорданский.* Указ. соч.; *Р. С. Манучарян.* Указ. соч.

ние чисел приближается к обычному соотношению ед.—мн. числа.

VII. Некоторые другие существительные. В словарях в заглавной форме мн. числа помещены слова, которые затруднительно отнести к какой-либо из шести групп: *апокрифы*, *атланты*, *астероиды*, *астигматы*, *барханы*, *биметаллы*, *блески*, *бронхи*, *быки* (‘устои моста’), *важи*, *вакации*, *вакуоли*, *ванты*, *вокабулы*, *ворсинки*, *выжлята*, *высадки*, *гены*, *гидраты*, *гольцы*, *дюны*, *зализы*, *изомеры*, *изотопы*, *инициалы*, *инкунабулы*, *капилляры*, *каракули*, *кариатиды*, *картонажи*, *капсели*, *кнели*, *кнехты*, *комеражи*, *консоли*, *комбеды*, *контрмеры*, *ламентации*, *лары*, *лейкоциты*, *мегаспоры*, *мезоны*, *мезотроны*, *мелизмы*, *мехи*, *миндальности*, *минускулы*, *мириады*, *мурашки*, *моляры*, *моноциты*, *невзгоды*, *неметаллы*, *околичности*, *органеллы*, *органоиды*, *очертания*, *пали*, *палестины*, *парамагнетики*, *пампасы*, *пассаты*, *пачули*, *пилоны*, *плазмодесмы*, *подвои*, *почести*, *провитамины*, *протеиды*, *протеины*, *протуберанцы*, *рабселькоры*, *раздобары*, *разговорчики*, *ризоиды*, *репарации*, *родничи*, *реснички*, *сапонины*, *серопески*, *сизигии*, *сосцы*, *спиранты*, *стогны*, *сульфиды*, *супрядки*, *ужимки*, *фалрепы*, *хлориты*, *хлоропласты*, *хромосомы*, *хроматы*, *шпалы*, *энзимы*, *яства*, *эритроциты*, *цыпки*.

Эти существительные характеризуются обычным соотношением ед.—мн. числа. Приемы в подаче слов этой группы строятся на употребительности формы одного из чисел в сопоставлении с формами другого числа. Преимущественное употребление множественного числа отражает действительное, реальное существование предмета, его частое употребление в совокупности с другими такими же предметами (например: *гены*, *хромосомы*, *шпалы*, *цыпки* и др.). Но так как употребительность — не вполне четкий и надежный критерий, то в подаче этой группы слов можно отметить значительные различия как внутри словарей, так и между словарями. Например: сл. Ож.-72: *лейкоцит* (спец.) — ‘белое кровяное тельце, бесцветная шарообразная нитка крови’, но: *эритроциты*, ед. *-ит* (спец.) — ‘составная часть крови — красные кровяные тельца, содержащие гемоглобин’; БАС: *бархан* — ‘материковый песчаный нанос, образуемый действием ветра в пустынях и степях’; но: *дюны*, ед. *-а* — ‘песчаные холмы, образующиеся под влиянием сильных ветров на низких берегах морей, озер и рек’.

Расхождения касаются иногда не только выбора заглавной формы подачи, но и оценки соотношения чисел, например: *вокабулы*: сл. Уш.— мн., ед. нет; БАС — мн., МАС— ед.; *минускулы*: сл. Уш.— мн., ед. нет; БАС — мн., ед.; *мириады*: сл. Уш., БАС — мн., ед., МАС, Ож.-72 — мн.; *консоль* — сл. Уш. мн., ед. нет; остальные словари — в ед. числе.

К описываемым существительным примыкают те слова, которые даются в словарях в форме ед. числа, но имеют пометы «чаще мн.», «обычно мн.», «преим. мн.» (*благоглупость*, *выселок*, *гобелен*, *греза*, *драгоценность*, *замашка*, *иммортель*, *каверза*, *купа*, *пеленка*, *препона*, *радиоволна*, *распря*, *руина*, *тягота*, *упорка*).

Помета «обычно мн.», «чаще мн.», хотя и представляется правомерной и содержательной, но ее применение не опирается на какие-либо четкие представления о том, какие слова требуют этой пометы и какие могут обойтись без нее. Сопоставление существительных, данных в заглавной форме мн. числа, с существительными, имеющими в качестве заглавной форму ед. числа с пометами о преимущественном употреблении мн. числа, не дает возможности выяснить те основания, по которым одни слова (например, *гены*, *дюны*, *сосцы*, *миндальности*) хотя бы в одном из словарей выделены в заглавной форме мн. числа, а для других слов (например, *греза*, *каверза*, *замашка*, *благоглупость*) предпочитается форма ед. числа в качестве заглавной. Различные формы подачи оказываются не противопоставленными друг другу.

Такое разнообразие в подаче, вероятно, объясняется тем, что описываемые существительные не составляют единой лексико-семантической группы; их выделение основывается на критерии употребительности слова, критерии, который, безусловно, отвечает реальному использованию слова в языке, но не является настолько четким и определенным, чтобы воспрепятствовать субъективности оценок.

По-видимому, для слов этой группы можно предложить следующий способ унификации: отказаться от использования формы мн. числа в качестве заглавной; употребительность формы мн. числа отмечать пометами «чаще мн.», «обычно мн.».

Описанный материал показал, что формы мн. числа существительных становятся самостоятельным лексикографическим объектом в силу присущих им собственно

номинативных свойств. Несовпадение лексических значений форм ед. и мн. числа с преобладанием «семантической полноты» у форм мн. числа по сравнению с ед. числом свойственно не единичным и разрозненным лексемам, а охватывает целые группы однородных в семантическом отношении существительных, что неизбежно должно повлечь за собой единообразие словарной подачи всех слов каждой группы.

Описание отдельных лексико-семантических групп и сопоставление их между собой позволило уточнить особенности соотношения чисел в каждой группе слов, выявить последовательность (или непоследовательность) их словарной подачи, установить причины выбора той или иной формы их лексикографического описания и предложить рекомендации, основанные не на критерии употребительности форм числа, а на основе лексико-грамматического соотношения чисел, «семантической полноты» форм того или иного числа.

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ: ВЕС ПЕРЕМЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ГРАММАТИКЕ

(формы существительных)

Л. К. Граудина

Открытость, несбалансированность языковой системы создает условия для появления вариантных форм. Коренные проблемы вариантности, главная тема, ядро исследования, вокруг которых кристаллизуется решение других и более частных вопросов, не могут быть освещены достаточно глубоко, если не будет сделано полного и конкретного описания всех языковых вариантов: орфоэпических, орфографических, грамматических, лексических, фразеологических. «Панорамное» обозрение категории вариантности, соблюдение перспективы в соотношении целого и частей требует определения веса каждого из этих типов вариантов в том языковом ярусе, к которому они принадлежат.

В рамках статьи может быть поставлена и лишь в некоторой степени раскрыта одна из упомянутых задач в применении к определенному типу вариантов.

Самую значимую часть категории вариантных языковых средств составляют прежде всего грамматические варианты. Круг этих вариантов поддается определению благодаря достаточно четким формальным и семантическим приметам[1]. Характер употребительности грамматических вариантов в спонтанной речи изучен далеко не в полной мере, однако некоторые конкретные данные получены. Так, в газетном тексте в среднем на 1000 слов приходится от 50 до 60 вариантов [2].

Все три грамматических яруса — словообразование, словоизменение, синтаксис — характеризуются своим набором вариантных средств, каждый из которых заслуживает отдельного изучения. Фактическое описание всех основных типов вариантов проведено в словаре [3]. По словам Соссюра, «обилие накопленных деталей само по себе ценности не имеет: ценен только синтез». Атомарная регистрация вариантов должна быть дополнена проблемным осмыслением собранного материала.

Выборка из 100 тысяч грамматических вариантов, составившая обследованную стилистическую совокупность словаря, в газетном тексте содержала 56 232 словоизменительных варианта. Синтаксические и словообразовательные варианты поделили между собой оставшуюся меньшую часть: 31 821 форму составили синтаксические варианты и 11 947 — словообразовательные. По этим данным эмпирическая частота вариантных словоизменительных форм, на первый взгляд, достаточно высока: $p^* \approx \approx 0{,}562$, т. е. в каждой сотне колеблющихся словоформ именно словоизменительные варианты составляют ее большую часть. В спонтанной речи частота этих вариантов снижена, при пересчете на словоформы она составляет $p^* \approx \approx 0{,}562 \cdot 0{,}057 \approx 0{,}032$.

[1] Понятие грамматического варианта рассмотрено в статье: *Л. К. Граудина.* О грамматических вариантах.— РЯНШ, 1970, № 3; см. также в проспекте: *Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская.* Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. М., 1971, стр. 18—37.

[2] См. цитируемый проспект, стр. 52.

[3] *Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Грамматическая система ограничена в своих отклонениях в том смысле, что ей несвойственны беспредельные вариации. Отклонения допускаются лишь до некоторого порога — сообщение должно быть понято собеседником или читателем. Устойчивость грамматической системы зависит от многих факторов, в частности, от степени воздействия и взаимодействия ее динамических элементов. Определение непосредственных «обратных» влияний (динамических элементов на устойчивые) и меры возможных последствий этих влияний составляют одну из сторон освещения затронутой проблемы. Одна из отличительных черт словоизменительных вариантов, возникающих непосредственно в недрах грамматической системы языка, заключается в их категориальной природе: различаются варианты падежных форм, форм числа, рода, степеней сравнения, вида и т. д. Поскольку каждый лексико-грамматический разряд слов обладает особыми, только ему свойственными грамматическими категориями, представления о предельности и весе вариантов в грамматике удобнее дать в наглядной, обозримой форме по отдельным частям речи. Как показывает собранный материал, грамматические категории и классы слов подвержены явлениям варьирования в неравной степени. Очень резко различаются по употреблению вариантов имя и глагол. Антитеза имени и глагола решается здесь в пользу имени: существительные и прилагательные охвачены широким поясом вариантных форм, глагол же относительно стабилен (см. табл. 1).

Таблица 1

Употребление вариантов по частям речи

Части речи	Число вариантных форм	% *
Существительное	27 710	49,2
Прилагательное	22 014	39,1
Глагол	3 309	5,8
Местоимение	2 171	3,8
Числительное	1 002	1,7

* При вычислении процентных соотношений за 100 принималась совокупность всех словоизменительных вариантов (56 232).

За числовыми соотношениями в таблице скрываются самые разнообразные качества вариантов, их пестрые грамматические и лексико-семантические черты. Полное развернутое описание этого материала в рамках одной статьи дать невозможно. Кажется целесообразным поэтому раскрыть и детализировать приведенную схему по частям речи, снабдив ее комментариями, отвечающими теме и задаче статьи.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Эта часть речи в самой крайней степени обнаруживает результаты влияния действующих факторов, которые определяют сдвиги современной литературной нормы.

Все зарегистрированные варианты форм существительных (27 710) упорядочены по грамматическим категориям и грамматическим типам вариантов. Ниже приводится таблица этих вариантов. Данные в таблице расположены по степени употребительности вариантов — от самых частых к более редким. Этот принцип расположения материала, хотя и определялся результатами исследования только одной выборки (других работ пока нет), тем не менее может быть предпочтен, так как существенно ограничивает момент субъективной оценки материала. С этой точки зрения небезынтересным может быть опыт составления таблицы вариантов (еще до получения статистических характеристик), которая была нужна для машинной обработки будущих материалов частотного словаря. Порядок расположения вариантов в этой предварительной таблице был традиционным. Как и в Академической грамматике, варианты размещались по грамматическим категориям в следующем порядке: род, число, падеж. Несклоняемость в разряде имен существительных, как известно, в грамматике рассматривается лишь в одном из параграфов. Поэтому варианты склоняемых и несклоняемых форм существительных были занесены в последнюю рубрику таблицы, которая вначале казалась самой незначительной. По мере обработки материала именно последняя рубрика разрослась, а первая (варианты форм рода) осталась весьма скромной по размерам. В итоге проведенного обследования порядок расположения вариантов изменился коренным образом. На первое место вышли варианты склоняемых и несклоняемых форм существи-

тельных, на второе — варианты форм числа, на третье — падежные варианты. Варианты форм рода оказались самыми редкими (см. табл. 2). Комментирование таблицы удобнее вести по ее отдельным рубрикам.

Склоняемость—несклоняемость

Данные первой рубрики таблицы дают материал для следующих наблюдений. Неустойчивостью в способе согласования форм падежа и числа — синтетическом и аналитическом — охвачены лишь специфические разряды существительных, которые в общей массе существительных всего словарного фонда языка составляют относительно малую долю. Уместно напомнить, что из списка в 34 тысячи нарицательных существительных только около 350 (т. е. примерно в 100 раз меньше) представляют собой заимствованные неизменяемые существительные [4]. Эти 350 существительных лишь в самой незначительной степени подвержены колебаниям грамматической формы, причем случаи отклонений от установившейся литературной нормы находятся за пределами нейтральных стилей литературного языка (ср. просторечные варианты *по́льта*, *в метре́*, *у мадамы*, *из дена́* и под.). Не впадая в преувеличение общего веса аналитических форм существительных, нельзя, однако, не заметить, что именно варианты склоняемых — несклоняемых форм занимают почти половинную долю всех зарегистрированных вариантных форм существительных. Обнаруживается сильное воздействие следующих факторов, поддерживающих появление и функционирование отмеченных вариантов.

1) По глубине и широте влияния на первом месте должен быть поставлен фактор культурно-лингвистического характера — кодифицированность и некодифицированность отдельных лексических и грамматических групп существительных. И в школьных грамматиках, и в Академической грамматике внимание уделяется в первую очередь склоняемости нарицательных имен. Имена собственные, будь то топонимы или антропонимы, кодифицируются с меньшей тщательностью. В тех случаях, когда даются четкие формулировки правил о склоняемости определен-

[4] Все эти имена перечислены в кн.: *И. П. Мучник.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, стр. 251—252.

Таблица 2 **Варианты форм имен существительных**

I. СКЛОНЯЕМОСТЬ—НЕСКЛОНЯЕМОСТЬ Общее число вариантов: 12 665			II. ЧИСЛО Общее число вариантов: 9118		
типы вариантов	общее число	соотношение вариантов	типы вариантов	общее число	соотношение вариантов
Географические названия					
в городе Веллингтон — в городе Веллингтоне	1716	1413/303	ускорить темпы развития — ускорить темп развития	3399	2678/721
в городе Суздаль — в городе Суздале	981	514/467			
в Перове — в Перово	460	370/90			
выставка в Осаке — в Осака	225	120/105	читатель ждет книг — читатели ждут книг	2588	1570/1018
по Москва-реке — по Москве-реке	116	72/44			
во Франкфурт-на-Майне — во Франкфурте-на-Майне	73	52/21	усилить творческие поиски—усилить творческий поиск	1510	893/617
в Камне-Каширском — в Камень-Каширском	67	47/20			
Собственные имена					
у Шмидта, Зайца — у Шмидт, Заяц	2246	2100/146	сорта масел, пшениц — сорта масла, пшеницы	910	683/227
у Гамаля Абдель Насера — у Гамаль Абдель Насера	609	340/269			
у Василенко — у Василенки	507	480/27	ценить роль коллективов — ценить роль коллектива	542	387/155
у Икэды — у Икэда	163	83/80			
у Нередки — у Нередка	137	124/13			
у Седых — у Седыха	30	26/4	мастера урожая — мастера урожаев	176	88/88
Наименования учреждений, машин					
в газете «Правда» — в газете «Правде»	1463	1425/38			
Нарицательные имена					
работа в ТАСС, МИД — в ТАССе, МИДе	2962	2575/387			
несколько диван-кроватей — несколько диванов-кроватей	903	531/372			
перед третьим апреля — перед третьим апрелем	7	7/0			

Таблица 2 (продолжение)

III. ПАДЕЖ Общее число вариантов: 4971			IV. РОД, СОГЛАСОВАНИЕ В РОДЕ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ Общее число вариантов: 3165		
типы вариантов	общее число	соотношение вариантов	типы вариантов	общее число	соотношение вариантов
слесари — слесаря	1977	1758/219	она вице-чемпионка — она вице-чемпион	1758	1212/546
сто граммов — сто грамм	1138	907/231	рельс — рельса	347	321/26
			наша ЖЭК — наш ЖЭК	322	297/25
мало снега — мало снегу	1018	762/256	директор сказала — директор сказал	241	230/11
			наша школа-интернат — наш школа-интернат	144	122/22
в цехе — в цеху	655	443/212	Ростовский СКА — Ростовская СКА — Ростовское СКА	97	57/39/1
простынь, теть — простыней — тетей	112	67/45			
			заведующая Иванова — заведующий Иванова	61	48/13
ущелий — ущельев	42	35/7	уважаемый товарищ Иванова —уважаемая товарищ Иванова	42	29/13
гроздья — грозди	26	22/4			
полотенец — полотенцев	6	5/1	шасси убрано — шасси убраны	31	19/12
			кофе остыло — кофе остыл	26	17/9
			горфо закрыто — гарфо закрыт	26	16/10
			эта табель — этот табель	22	16/6
			он такой пройдоха — он такая пройдоха	16	13/3
			вы одиноки — вы одинока	12	10/2
			этот домишко — эта домишка	11	10/1
			этот чудило — эта чудила — это чудило	9	7/2/0

ных групп собственных имен (ср. фамилии на *-ко* и *-енко*, на *-ых* (*-их*), иноязычные женские имена, оканчивающиеся на согласный,— см. «Грамматику русского языка», т. I. М., 1953, стр. 181—182 в главе «Несклоняемые имена существительные»), наблюдается небольшое число вариантов, отклоняющихся от принятой нормы. В тех же случаях, когда правила сформулированы нечетко или вообще не сформулированы, колебания резко возрастают. Так, в нормативных грамматиках, в том числе и в Академической, отсутствуют правила относительно употребления топонимов. В Академической грамматике 1953 г. введен лишь один параграф о несклоняемых названиях: рекомендуется не склонять «иноязычные географические названия, оканчивающиеся на гласные (кроме неударяемого *-а*), напр. *Алма-Ата*, *Йошкар-Ола* (несмотря на предписание, именно эти названия в современном употреблении широко и устойчиво склоняются.— *Л. Г.*); *Баку*, *Пе́ру* (теперь утвердился вариант с наконечным ударением *Перу́*.— *Л. Г.*), *Сухуми*, *Тбилиси*, *Чили*, *Бордо*, *Осло*, *Токио*, *Кале*». В новой академической грамматике («Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970) снято и это правило. В § 905 помещено замечание: «В современном языке обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения слова-топонимы с финалями *—ов* (*о*), *-ёв* (*о*), *-ын* (*о*), например: *Иваново*, *Бирюлёво*, *Князево*, *Болдино*, *Люблино*, *Голицыно* и др.» (см. стр. 377). Между тем географические наименования в газетной речи достаточно употребительны. Как ясно из таблицы, наибольшие колебания испытывают иноязычные географические названия на *-а* (*Сунагава*, *Ниидзима*, *Осака*, *Санта-Клара*, *Санта-Марта* и под. [5]). Неустойчива норма в группе сложносоставных названий: *в Каменъ-Каширском* и *в Камне-Каширском*, *из Белгород-Днестровского* — *из Белгорода-Днестровского*, *к городу Каменъ-на-Оби* — *к городу Камню-на-Оби* и т. д. В группе собственных имен некодифицированы восточные имена (арабские, вьетнамские, корейские). Колеблются в употреблении японские фамилии на *-а* (*Икэда*, *Танака*, *Иосида*). Даже славянские фамилии на *-а* вызывают сомнения, в особенности, если они совпадают с нарицательными существи-

[5] См. *Л. П. Калакуцкая*. О склонении имен собственных (морфологический тип на *-а* неударное). «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

тельными. (В частности, приходится отвечать и на такие вопросы: как склонять фамилию Дубина, если он — мужчина?).

Среди нарицательных имен нуждаются в укреплении норм употребления аббревиатуры — самый продуктивный и употребительный пласт наименований, так же как и группа сложносоставных существительных.

2) Синтаксическая позиция формы в словосочетании. В функции приложения несклоняемость резко возрастает: *в Республике Чад, из местечка Ховур, к городу Вита, о делах Республики Куба, президент Республики Коста-Рика*; то же и среди русских, славянских или освоенных названий — *в селе Андреевка, под Мариуполем, в пойме реки Прут, в городе Катовицы* и т. д. В функции приложения не склоняются и собственные неличные названия: *из газеты «Северная Правда», спортсмены команды «Енисей», с фотообъединением «Орбита», стыковка корабля «Союз-17»*. Те же названия обязательно склоняются, если они не употреблены в функции приложения (ср. *фотоконкурс «Правды», спортсмены «Енисея», космонавты на борту «Салюта-4»*).

3) Заметно воздействие психологического фактора — освоенности или неосвоенности наименований. Все новые заимствованные или вновь образованные наименования втягиваются в систему склоняемости менее активно, чем давние заимствования. Так, малоизвестные наименования типа *Сиргала, Иотуса, Ялкала, Исла-Негра* обнаруживают тенденцию к неизменяемости, тогда как заимствованные топонимы аналогичного морфологического типа, называющие города и населенные пункты на территории СССР, широко склоняются: *из Алма-Аты, под Йошкар-Олой, в Махачкале, к Елгаве, из Клайпеды в Ниду* и т. д.

Яркой иллюстрацией может служить судьба аббревиатуры *БАМ* (Байкало-Амурская магистраль). Появившаяся на страницах газет в 1974 г., она первое время употреблялась в двойственной форме, склоняемой и несклоняемой, чаще в несклоняемой: Сибирские ученые... сейчас подготовили обширный комплексный материал, обобщающий проблемы хозяйственного освоения *БАМ* (Труд, 28 февраля 1975). Несклоняемую форму поддерживают все аббревиатуры, оканчивающиеся на твердый согласный с ведущим, стержневым словом женского рода, которые употребляются в неизменяемой форме (*ПОРП*,

ВОЗ, НОТ ООН, ВАСХНИЛ, ТЭЦ, ГЭС, ГРЭС, АЭС и мн. др.). Вместе с тем широкая употребительность этой аббревиатуры и склоняемость в устной речи, по радио и телевидению способствовали упрочению склоняемого варианта. Центральные газеты («Правда», «Известия») в начале 1975 г. употребляли эту аббревиатуру только в склоняемой форме. В течение одного года у аббревиатуры *БАМ* таким образом утвердился род и тип склонения, не отвечающий установленным правилам [6].

4) Действие фонетико-морфологического фактора. Степень вариантности находится в прямой зависимости от того, с каким окончанием употребляется существительное в исходной форме.

По способности к склоняемости резко различаются существительные, оканчивающиеся на гласный и согласный.

Выступая в качестве яркой морфологической приметы разных типов склонения существительных, само окончание разделяет все существительные на группы с разным потенциальным запасом несклоняемых форм.

В литературном языке уже не подвергаются колебаниям заимствования на *о*, *-е*, *-у*, *-и* (аналогичные существительным среднего рода): географические названия типа *Палермо*, *Сорренто*, *Осло*, *Токио*, *Кале*, *Баку*, *Перу*, *Чили*, *Сухуми*, *Хельсинки*. Даже восточнославянские наименования типа *Молодечно*, *Дубно*, *Ровно*, *Гродно*, *Вильно*, *Ковно*, которые в украинском и белорусском языках и по сей день регулярно склоняются, в русском языке входят в ряды неизменяемых имен [7]. Однако в разговорной речи случаи склонения не исключены: *невеста Мехики*, *приехал из Гродны*. Чаще, чем прежде, можно встретить случаи несклоняемости топонимов с финалями *-ово*, *-ево*, *-ёво*, *-ино*, *-ыно*. В функции приложения неизменяемая форма у них уже окончательно утвердилась.

То же самое явление наблюдается и в группе собственных имен. Не колеблются в употреблении фамилии типа *Дурново*, *Вериго*, *Шанько*. В устной речи еще встречаются

---

[6] *Г. И. Миськевич.* БАМ. «Русская речь», 1975, № 6.

[7] В начале XX в. нередки были случаи склоняемости этих названий. Так, в журнале «Русский турист» за 1902—1903 гг. встречаются только склоняемые формы жен. рода — *из Ковны*, *в Ковне*, *от Вильны*; так же, как названия кавказских городов, употреблялись только в склоняемой форме с исходной формой муж. р.: *Батум*, *Боржом*, *Сухум*, *Кутаис*.

случаи склонения фамилий на *-енко* (*у Василенки, к Даниленке*), но в письменной речи процент склоняемых форм очень незначителен.

Устойчива норма несклоняемости у аббревиатур, оканчивающихся на гласный: *РОНО, РОЭ, ТЭА, АСТА, КМА, АТТУ* и мн. др. В наибольшей степени норма расшатана у топонимов и антропонимов, склоняющихся по типу существительных женского рода на *-а*. Все большее число географических названий и собственных имен обнаруживают тенденцию к неизменяемости. Так, не склоняются многосложные географические названия, заимствованные из испанского и итальянского языка (*Сантьяго-де-Куба, Пола-де-Лена, Вила-Нова-ди-Гая, Пальма-де-Мальорка*), не склоняются французские по происхождению топонимы с наконечным ударением (*Гра, Спа, Ле-Дора*). Колеблются в употреблении японские, финские, эстонские, грузинские названия (*Джгерда, Анухва, Ниидзыма, Камакура* и т. д.).

Окончание *-ы* является ярким показателем формы множественного числа. Этим объясняется тот факт, что топонимы на *-ы*, как правило, склоняются в отличие от названий на *-и* (ср. *Фивы, Татры, Канны, Чебоксары* и *Чили, Тбилиси, Нагасаки, Сухуми*) [8].

В многочисленной группе существительных, оканчивающихся на согласный, процент неизменяемых форм очень незначителен. В основном эта группа пополняется за счет аббревиатур, образующихся в профессиональной речи и лишь в небольшой своей части выходящих за пределы узкого профессионального употребления (*МЕН, ЦЕРН, ГЦОЛИФК, МОСХ, МАПРЯЛ* и т. д.). Среди географических наименований лишь немногие сравнительно новые иноязычные топонимы не склоняются. Таковы названия *Пуэрто-Кабесас, Пуэрто-Монт, Вилар-де-Лан, Холи-Лох, Плайя-Хирон, Бангладеш* и некоторые другие. Пока число этих названий еще очень незначительно.

В итоге обзора может быть уточнен состав существительных, принадлежащих к нулевому склонению. Помимо 350 несклоняемых существительных иноязычного происхождения, самую значительную группу составляют инициальные и слоговые аббревиатуры (в «Словаре сокраще-

[8] См. *О. И. Лабунько.* Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименования населенных пунктов). Канд. дисс. М., 1963.

ний русского языка» (М., 1963) насчитывается 12 500 сокращений, из них очень многие аббревиатуры в письменной и деловой речи не склоняются) [9].

Большой и пополняющийся пласт существительных, тяготеющих к нулевому склонению, составляют иноязычные географические названия различного морфологического типа и происхождения. Разные группы иноязычных собственных имен и фамилий также представляют собой значительный, хотя и обособленный резерв несклоняемых существительных. (Более подробно разряды этих слов отражены в таблице.)

Число

При обзоре сдвигов в сфере грамматической категории числа представляется необходимым различать следующие две группы фактов: 1) факты, связанные с морфолого-синтаксическим проявлением числа, когда выражаются чистые числовые соотношения единичности и множественности, при этом немаркированной и общеупотребительной является форма единственного числа, тогда как форма множественного числа является производной: *стул — стулья*, *волк — волки* и под. В этих случаях форма мн. числа не содержит никаких семантических отличий, кроме значения множественности (в противопоставление к формам единственного числа со значением единичности). В терминологии исследователей формам этого рода свойственны релятивно-коррелирующие противопоставления. 2) К другой группе относятся факты, когда в основе соотношений форм единственного и множественного числа лежат различия иного рода. У целого ряда существительных не соблюдается стандартное грамматическое соотношение форм числа. Это «формы деривационно-коррелирующие, для которых характерны иные семантические отношения, например, действие — результат (*высевка — высевки*); вещество — виды вещества (*масло — масла*); качество — предметы, обладающие этим качеством (*емкость — емкости*) [10]. Традиционная грамматика закреп-

[9] Нормативные квалификации применительно к каждой аббревиатуре см.: *Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская.* Грамматическая правильность русской речи...

[10] *А. И. Сумкина.* Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 222.

ляет за этими группами существительных, как правило, лишь одну форму числа (например, только единственную или только множественную у вещественных существительных, ср. *молоко* или *полимеры*). Коррелятивная форма числа не признается регулярной, и ее появление семантически или стилистически мотивируется. В этих случаях и форма множественного, и форма единственного числа выступают в качестве грамматически маркированных самостоятельных форм.

Микроизменение в формах числа и формирование новых языковых норм происходит именно в группах существительных второй группы, т. е. тех, которые традиционная грамматика всегда зачисляла в разряд исключений с нарушенным соотношением форм числа [11]. Взаимодействие лексико-семантического и грамматического начала в категории числа идет под знаком усиления грамматической регулярности форм: заметна тенденция к вовлечению существительных с нестандартным соотношением числа (II разряд) в группу существительных с обычной грамматической оппозицией (I разряд). Ограничение лексико-семантической функции форм числа у разных групп существительных происходит неодинаково и с разной степенью интенсивности.

По данным словаря, наиболее интенсивно происходит процесс опредмечивания, конкретизации в разряде отвлеченных существительных. Основным источником новообразований является газетно-журнальная и профессиональная научная речь.

Расширение сферы употребления мн. числа у большинства из этих отвлеченных существительных связано с их частым употреблением в разнообразных контекстах, придающих формам конкретно-предметное значение: «поле с интенсивностями — это поле, которое состоит из полос, каждая из которых имеет свою интенсивность» (из профессиональной речи).

Яркой отличительной особенностью вариантов этого типа является коннотативность, контекстная обусловленность их грамматического значения.

Формы, вырванные из контекста (ср. *темп — темпы*, *мощность — мощности*, *возможность — возможности*,

[11] Подробное описание происходящих процессов см. в кн.: «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968.

скорость — скорости и т. д.) производят впечатление соотносительных по числу, а не варьирующихся единиц. В контекстах, подобных вышеприведенному, где имеется специальное указание на множественность или единичность, формы коррелируют, а возможность взаимозамены исключается. В контекстах с нейтрализованным значением единичности или множественности, вероятность взаимозамены резко возрастает, ср.: Детали из базальтовой ваты выдерживают *более высокие температуры* (= более высокую температуру) (Правда, 1 июня 1975). Стало более частым употребление форм типа *режимы*, *инициативы*, *энергии*, *нажимы*, *мелиорации*, *ремонты*, *валюты* и т. д. Ср.: Американская экономика... испытывает *сильнейшие нажимы*, сказал президент, и у народа усиливается страх перед безработицей (Правда, 5 дек. 1974); Финансовая ориентация на европейские банки автоматически заставляет развивающиеся страны нести немалые дополнительные расходы из-за безудержной инфляции *западных валют* (Правда, 23 ноября 1973).

Грамматических ограничений для образования форм множественного числа от всех этих существительных не существует, хотя в каждом из приведенных примеров в том же значении может быть использована и форма ед. ч. Иногда возникают ситуации, в которых употребление формы ед. ч. по указанному в контексте значению неуместно, в то же время форма мн. ч. воспринимается как непривычная. Так, возникают трудности в письменном объявлении в магазинах: «Появились костюмы всех размеров и ростов (или роста)»?

Форма им. мн. *ростá* широко используется в современной профессиональной и устной речи. В данном примере конкретное указание раздельного множества требует формы мн. числа (*все размеры* и *все роста*). Однако форма *ростá* не стала еще нейтральной, она пока сохраняет стилистический оттенок разговорной и профессиональной речи.

Аналогичный процесс происходит в разряде отвлеченных существительных, называющих действие: *стрельба — стрельбы*, *срыв — срывы*, *полив — поливы*, *продажа — продажи* и т. д. Ср. Ныне комбинат залихорадило: внеплановые *простои*, *срывы* заданий... (Правда, 11 дек. 1974); сколько потом было выходов в поле, *стрельб*, тактических летучек, напряженных тренировок! (Правда,

1 марта 1974). Опредмечивание действий вызвано частым употреблением этих слов, особенно в специальной профессиональной речи, откуда формы мн. ч. широко распространились и в языке газет.

Заметные сдвиги происходят в формах числа у вещественных существительных. В традиционных грамматиках оговаривается употребление названий вещества только в формах ед. числа. Форма же мн. числа используется, когда необходимо ввести обозначение разновидности, сорта вещества (*нефти*, *масла*, *мраморы*, *соли* и т. д.). Например: Государственная межведомственная комиссия по испытанию *топлив*, *масел* и *жидкостей* при Госстандарте СССР приняла решение о допуске к применению на тепловозах смазки СТП для тяговых передач локомотивов (Правда, 1 авг. 1974); Большое богатство представляют одни из лучших в стране *черноземы* (Турист, 1972, № 7); Химически чистой воды в организме нет. В ней растворены многие вещества: *белки*, *сахара* ... и минеральные *соли* (Здоровье, 1974, № 10). Таким образом, грамматическая система допускает возможность таких образований. Более того, есть целый ряд существительных, по значению приближающихся к вещественным, у которых немаркированной оказывается форма мн. числа (ср. *ядохимикаты*, *хлебопродукты*, *нефтепродукты*, *стройматериалы*, *фосфаты*, *полимеры*, *мономеры* и под.). Именно за счет подобных слов процент употребления форм мн. числа в нашей выборке был очень высоким. Немаркированная форма ед. числа у этих существительных употребляется редко и со специальным значением определенного сорта, разновидности вещества: *новый полимер*, *этот ядохимикат*.

Грамматическая допустимость обеих форм числа и повышение частоты употребления вещественных существительных в самых разнообразных контекстах создали возможность взаимозамены форм при обозначении вещества. Так, первоначально был написан автором следующий текст. «Имеется много различных случаев распада нестабильных частиц с *близкими массами и временами жизни*»; редактор исправил текст — «... частиц с *близкой массой и временем жизни*».

Аналогичный процесс усиления регулярности форм числа происходит и в небольшой группе существительных с семантическим значением собирательности; *коллектив — коллективы*, *толпа — толпы*, *войско — войска* и т. д.

В частности, за последние годы заметно участилось употребление формы мн. числа у слова *коллектив*: За звание *коллективов* коммунистического труда борются десятки цехов и отделов, сотни участников и бригад (Труд, 6 дек. 1968).

Одним из самых ярких стилистических явлений в категории числа представляется грамматическая синекдоха — использование нулевой формы ед. числа для передачи значения собирательности.

В языке газет и журналов в собирательном значении употребляется прежде всего форма ед. числа как стилистическое средство: *наш современник* прекрасен богатством своего духовного мира; *книга* издана в расчете на самого широкого *читателя*; игра на массового *зрителя*; Как же бороться с *комаром*? Ученые идут избирательными методами его уничтожения (Турист, 1972, № 7).

Эта форма широко используется и во фразеологизированных словосочетаниях типа *Дом актера*, *Дом рыбака*, *Дом колхозника* (но ср.: *Дом ученых*, *Дворец бракосочетаний*, *Дом для престарелых*, *Дом для сотрудников АН СССР*), *День геолога*, *День пограничника* и под. В городской номенклатуре для названий магазинов, отделов, торговых учреждений форма ед. числа укрепилась и употребляется как стилистически нейтральная: «мягкая игрушка», «готовое платье», «вино», «мехпухперо и конволос» и под.[12]

Как показывают данные таблицы, собирательные формы находятся в зоне высокочастотных вариантов (на втором месте после отвлеченных существительных).

Среди факторов, поддерживающих усиление вариантности в указанных лексико-грамматических разрядах существительных, наиболее существенным, на наш взгляд, является отсутствие четкой, пословной регламентации употребления этих форм в нормативных грамматиках и словарях. Так, в Академической грамматике 1953 г. (см. т. I, стр. 115—118) сообщается: «Только в формах единственного числа употребляются имена существительные собирательные, отвлеченные и вещественные, а также

---

[12] Вопросы словообразовательного выражения категории собирательности в языке детально см.: *Г. И. Миськевич.* Словообразовательная категория собирательных имен существительных в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

большинство существительных собственных». Далее, при более детальной характеристике отвлеченных существительных в примечаниях читаем: «При конкретизации значения некоторые отвлеченные имена существительные (боль, высота, глубина, радость, шум) могут употребляться в формах множественного числа, напр.: боли и шумы в сердце (медиц.), командные высоты (воен.), на больших глубинах (морск.), изящные искусства (худож.), радости жизни (об отдельных событиях)». «При обозначении видов или сортов того или иного вещества имена существительные вещественные получают формы мн. числа, напр., дорогие вина, красные и белые глины, смазочные масла, льняные и бумажные полотна, благовонные смолы, двойные соли, высококачественные стали, крепкие табаки, душистые чаи».

В Академической грамматике 1970 г. в главе о существительных с невыраженным противопоставлением ед. и мн. числа (см. стр. 323—324) повторяются эти же правила с некоторой модификацией формулировок.

Происходящие смещения в области маркированности и немаркированности форм ед. и мн. числа, на которые наслаиваются факторы семантического и стилистического отождествления и размежевания форм, создали условия их напряженной вариантности. Влияние фонетико-морфологического фактора проявляется в том отношении, что вещественные существительные с непроизводной основой и морфологической приметой среднего рода на *-о* и *-ье* (типа *золото*, *серебро*, *молоко*, *железо*, *сено*, *печенье*, *варенье* и под.) параллельных форм мн. числа, как правило, не образуют (но ср. укрепившиеся *масло — масла*, *топливо — топлива*, *полотно — полотна*).

Нельзя не отметить, что производные существительные с суффиксальными приметами отвлеченности или вещественности с меньшей легкостью образуют формы мн. числа, чем существительные с непроизводной основой. Таковы отвлеченные существительные с суффиксами *-изна* (*белизна*, *крутизна*, *новизна*), *-ация* (*коллективизация*, *комплектация*), *-овство* (*мотовство*, *хвастовство*); вещественные с суффиксами *-ик-а* (*земляника*, *черника*), *-ин-а* (*буженина*, *говядина*) и некот. др.

Однако несмотря на существующие словообразовательные барьеры, даже эти суффиксальные существительные обладают потенциальными формами мн. числа, ср.:

Мы только женщины — и, так сказать, «увы»!
А почему «увы»? Пора задеть причины.
«Вино и женщины» — так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».
Мы отличаем вас от булки, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди — не *ветчины*.
Хотя, послушать вас, лишь тем и отличимы,
Что сроду на плечах не носим головы.

(Новелла Матвеева. Мы только женщины).

Падеж

Тенденция к несклоняемости отдельных разрядов существительных, так же как и усиление вариантности форм числа у определенных семантических групп существительных, представляет собой относительно новое явление в литературном языке. Эти сдвиги замечены грамматистами в XX в. и приурочены к послереволюционным изменениям. На фоне этих сравнительно новых, но интенсивно протекающих процессов, вариантность падежных форм была издревле свойственна русской падежной системе и зарегистрирована на протяжении всей истории литературного языка.

Медленные эволюционные смещения происходили и происходят под воздействием многочисленных сил и факторов, определяющих употребление форм. Отсутствие полной, строгой, пословной кодификации каждой из формлексем, особенно не в исходных, а в косвенных формоупотреблениях, способствовало более свободному проявлению возникающих влияний. Проведенное статистическое обследование показало, что в основных существующих схемах русского склонения всех существительных колебанию подвержены лишь немногие сотни существительных. В первую очередь, это существительные муж. рода на твердый согласный в следующих формах:

1) им. мн. (тип *тракторы — трактора, слесари — слесаря*) — в материалах словаря «Грамматическая правильность русской речи» отмечено свыше 300 существительных [13], колеблющихся в этой форме.

[13] В исследовании А. С. Фидровской «К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именительном падеже мн. числа существительных муж. рода» («Уч. зап. Казанского ун-та», т. 112, кн. 6, 1952) отмечено свыше 500 слов, принимающих вариантные формы.

2) На втором месте по частоте употребления вариантных форм, по материалам словаря, стоит форма род. мн. (тип *микронов — микрон, алеутов — алеут*) — зарегистрировано немногим более 300 существительных определенных семантических разрядов.
3) Третье место по частоте употребления форм вариантов в газетной речи занимает форма род. ед. (тип *снега — снегу, народа — народу*) — зарегистрировано до 400 существительных узко замкнутых семантических групп.
4) На четвертом месте оказывается форма предл. ед. (*в цехе — в цеху, в отпуске — в отпуску*) — отмечено около 150 существительных, принимающих вариантную форму.

Таким образом, более одной тысячи существительных муж. рода на твердый согласный колеблются в той или иной падежной форме.

Остальные неустойчивые падежные формы и по составу колеблющихся лексем, и по частоте употребления в спонтанной речи занимают весьма скромную долю (см. таблицу). Это: род. мн. у существительных жен. р., ср. р. с основой на мягкий согласный, *ж* или шипящий (*доль — долей, ясель — яслей, теть — тетей, простынь — простыней*) — немногим более 100 слов; форма род. мн. у существительных ср. рода на *-ье* (*ущельев — ущелий, угодьев — угодий, разводьев — разводий*) — около 80 существительных; форма род. мн. у существительных ср. рода на *-це* (*полотенец — полотенцев, блюдец — блюдцев*) — колеблются не более десятка существительных; «собирательная» и «несобирательная» форма им. мн. у существительных муж. р. на твердый согласный (*крюки — крючья, дяди — дядья, клины — клинья*) — форма вариантна лишь у отдельных существительных. В выборочной совокупности для словаря не регистрировалась очень частотная падежная форма твор. ед. у существительных жен. р. на *-а, -я* (типа *весною — весной, порою — порой*). По данным пробного экспериментального словаря, двусложное окончание *-ою, -ею* встречается очень редко и не составляет и одного процента вариантных форм по отношению к употреблению данной падежной формы. Форма фразеологизировалась в «параметрических» и временных конструкциях типа *высотою 10 000 м, глубиною 100 м, шириною..., длиною..., порою, весною, зимою.* В качестве версификационного средства двусложная форма исполь-

зуется в современной стихотворной речи достаточно широко [14].

В выборке объемом в 2 млн. слов ни разу не встретились такие вариантные формы с беглым гласным, как форма род. мн. *русел — русл*, *сопел — сопл* (от существительного *сопло*), *ароб — арб* (*арба*); форма род. ед. *моха — мха*, *брелока — брелка*; форма им. мн. от сущ. ср. р. на *-це* (*щупальцы — щупальца*); формы косвенных падежных форм от существительных на *-мя* (типа *сколько время — времени*, *из пламя — из пламени*). Все эти варианты, по нашим данным, следует считать очень редкими для письменной газетной речи.

Статистические характеристики обнаруживают некоторые существенные черты конкурентных отношений форм. Отмеченные выше первые три формы (им. мн., род. мн., род. ед.) относятся к вариантам I частотной зоны и квалифицируются как «самые употребительные» (свыше 1000); форма предлож. ед. по полученным данным относится к вариантам II частотной зоны с условной квалификацией «достаточно употребительные» (частота формы находится в диапазоне $999 < 655 < 100$).

Самый процесс вариантности протекает у всех этих форм по-разному. Характер количественной оппозиции внутри вариантных пар контрастен в формах им. мн. и род. мн. (см. процентные отношения в таблице с явным и очень убедительным предпочтением традиционной формы). В род. ед и в предл. ед. заметно предпочтение форм, отступающих от традиций, но и процент традиционных форм достаточно высок. По приведенным данным, таким образом, наиболее интенсивно и напряженно протекающими оказываются процессы, обусловленные тенденцией к перестройке падежной системы из восьмипадежной в семипадежную. Сейчас уже нельзя безоговорочно утверждать, что существует особая падежная форма для родительного партитивного.

Сильнейшее влияние акцентологического фактора поддерживает конкуренцию форм в им. мн. и предл. ед. Под

---

[14] См. *Л. П. Катлинская.* Варианты флексий твор. пад. им. жен. р. в современном русском литературном языке. Канд. дис. М., 1969; см. также: *Она же.* Двусложные флексии творительного в условиях поэтической речи (К постановке вопроса.) — «Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка», т. XXVII, вып. 5. М., 1968.

воздействием фонетического фактора формы на *-а* (*-я*) в им. мн., несущие ударение на окончании (*трактора́*, *цеха́*, *бега́*), используются для противопоставления формам единственного числа с накоренным ударением: *це́х*, *це́ха* (см. также побеждающий вариант *в це́хе*) и *це́хи*, *цехо́в*; *тра́ктор*, *тра́ктора* (и *в тра́кторе*), но во мн. *трактора́*, *тракторо́в*. Хотя усилившаяся тенденция к накоренному ударению распространяется даже и на формы мн. ч.

Другой силой, определяющей борьбу падежных форм, является действие семантического фактора. Так, именно под влиянием семантического фактора формы на *-а* (*-я*) оказываются предпочтительнее у слов с предметным значением. В частности, многие названия предметов из профессиональной речи в литературный язык приходят с флексией *-а* (*-я*): *баллера́*, *каупера́*, *стапеля́*, *скрепера́*, *шивера́*, *штихеля́*, *слешера́*. За названиями лиц по профессиям в письменной речи литературная норма требует флексии *-ы* (*-и*): *пе́кари*, *то́кари*, *сле́сари*, *бухга́лтеры* и т. д.

Семантическое начало определяет обособленность нулевой флексии род. мн. у некоторых разрядов существительных, которые употребляются при назывании количества предметов или лиц. Они обозначают или измеряемые (или измеряющие) предметы, или парные предметы, или массовидные предметы и обобщенные понятия, для обозначения которых используется только форма мн. числа.

Во всех грамматических типах падежных вариантов можно заметить следы взаимодействия разных стилистических сфер речи. В форме им. мн. очагом распространения флексии *-а* (*-я*) являются сферы профессионального языка и просторечия. В род. мн. новый пласт единиц измерения с нулевой флексией пришел также из профессиональной физико-технической речи. В род. и предл. ед. перекрестное влияние разговорных и книжно-письменных стилей речи определяет исход борьбы в пользу книжно-письменных вариантов.

Церковно-славянские напластования, широко распространявшиеся и укреплявшиеся в книжных стилях литературного языка, оказывали большое влияние на параллельные исконно-народные формы. Так, большинство существительных среднего рода, оканчивающихся в им. ед. на *-ье* (*взгорье*, *зимовье*, *зданье*), сейчас уже принимают флексию *-ий*, хотя до XIX в. более распростра-

менной была форма *-ьев*, *-иев*: «*зданьев* рушатся громады» (Державин), «Каких *весельев* ждет» (Фонвизин), «Новым словам не надобно старых *окончаниев* давать» (Ломоносов). Лишь отдельные слова сохранили прежнюю флексию: *платьев*, *устьев*, *подмастерьев*, *лохмотьев*, *отребьев*. Форма на *-ий*, став универсальной и повсеместной, продолжает оказывать влияние на те отдельные слова, которые еще колеблются в употреблении: *ущельев* и *ущелий*, *верховьев* и *верховий*, *низовьев* и *низовий*, *угодьев* и *угодий*, *кочевьев* и *кочевий*.

Разговорная фонетическая тенденция к редукции и экономии произносительных усилий обусловила победу односложной флексии в твор. мн. (*весной*, *зимой*, *порой* и под.).

Так во взаимодействии разнонаправленных сил складывается эволюция переменных элементов в падежной системе современного литературного языка.

Род, согласование в роде и смежные явления

В сфере грамматической категории рода наиболее весомыми оказываются варианты, не относящиеся к разграничению «собственных» морфолого-синтаксических форм рода. Происходят заметные смещения не столько в самих формах существительных, переходящих из одного родового класса в другой (типа *рельс — рельса*), сколько в формах согласования с глаголами, прилагательными, причастиями, местоимениями и числительными-прилагательными.

Меняется прежде всего норма согласования в роде в словосочетаниях, где приметой родовой принадлежности существительного становится не флексия существительных, а родоразличительные формы глаголов в прош. вр., прилагательных, причастий и т. д. Основным источником интенсивной вариантности являются существительные — названия женщин по профессии, занятиям, служебному положению и т. д. Больше половины всех зарегистрированных вариантов четвертой рубрики таблицы составляют женские соответствия к мужским в наименованиях лиц: *она вице-чемпионка — она вице-чемпион*; *она была переводчиком — она была переводчицей*; *стала соратником — стала соратницей* и мн. др. Суффиксальные образования с приметой женского рода с достаточной долей предпочтитель-

ности преобладают над параллельной формой (70%/30%). Однако в строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и в разговорной речи заметна тенденция к более широкому использованию существительных муж. р. для названия женщин: Поездка в Советский Союз была полезной и очень приятной, *заявила общественный деятель* Филиппин супруга президента Филиппин Имельда Маркос (Известия, 28 марта 1972); *женщина-постановщик* художественного фильма вообще не столь частое явление в кинематографии (Лит. газета, 15 марта 1972).

Формы этого типа входят в I частотную зону самых употребительных вариантов [15], в состав этой грамматической модели входит не менее 500 вариантных пар.

С отмеченным явлением тесно связана тенденция к формированию новой группы существительных, которые в терминологии польских ученых называют двуродовыми [16]. Это растущий разряд наименований лиц в мужском роде, к которым нет параллельных соответствий женского рода. Перечень таких существительных составляет не менее 200 слов. Это и официальные, административные, должностные названия типа *премьер-министр*, *президент*, *министр*, *дипломат*, *посол*, и обозначения ученых степеней и званий типа *доктор наук*, *кандидат наук*, *профессор*, *доцент*, и названия лиц по военным специальностям (*боец*, *воин*, *офицер*, *пилот*, *сержант*, *майор*, *капитан* и под.), и социально-оценочные характеристики или наименования типа *товарищ*, *член* (партии, профсоюза, правительства), *лауреат*, *вождь* и мн. др. Эта группа названий постоянно пополняется за счет новообразований, ср.: *космонавт*, *космофизик*, *космопроходец*, *телекомментатор*, *телерепортер*, *бионик*, *кибернетик* и т. д.

В связи с активизацией этих имен сейчас уже стали твердой нормой употребления сочетания с «самостоятельным женским родом глагола» (по терминологии

[15] Подробно описание фактического материала, новые лексико-словообразовательные процессы в категории названий лиц освещаются в кн.: *И. Ф. Протченко.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975.— Там же приводится исчерпывающая библиография.

[16] Описание параллельных процессов в польском литературном языке см. в кн.: *Danuta Buttler, Halina Kurkowska, Halina Satkiewicz.* Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. Warszawa, 1973.

А. М. Пешковского) типа *кладовщик написала, врач посоветовала, филолог выиграла* и под. В таких сочетаниях пол называемого лица указывается синтаксически — способ, конкурирующий со словообразовательным выражением того же значения. Как показывают материалы словаря, конструкции существительное + глагол с синтаксическим выражением рода стали нормативными и в устных, и в письменных стилях речи (см. данные таблицы).

Иная форма употребления в конструкциях с определением, выраженным прилагательным, причастием, порядковым числительным, относительным или притяжательным местоимением. В письменной, строго официальной или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по внешней форме определяемого существительного: *выдающийся математик Софья Ковалевская, прославленный космонавт Валентина Терешкова.* Однако в разговорной речи преобладает согласование по смыслу: *подходит наша экскурсовод*; *вторая врач сказала*; *какая вы молодец*!; *эта товарищ уже выступила* и т. д. Подобное согласование отмечено только в форме им. падежа. Согласование по смыслу со словами, называющими женщин, но имеющими форму муж. рода, не может быть проведено по всей системе падежных флексий. В косвенных падежах в этих случаях возможно только согласование в форме муж. рода: *к нашему экскурсоводу Ивановой, в гостях у известного композитора Пахмутовой.* В отличие от существительных, субстантивированные прилагательные и причастия, обозначающие лиц женского пола, весьма слабо задеты вариантностью форм. Субстантивированные прилагательные и причастия, составляющие класс личных имен существительных, насчитывают до 100 пар соотносительных мужских и женских наименований, характеризующих лицо не по должности, а по другим каким-то признакам (*бедная, подсудимая, милая, молодая, малолетняя* и т. д.), формы жен. и муж. рода не варьируют. Лишь те немногие наименования, которые обозначают официальную должность, звание или общественные обязанности женщины, в строгом деловом стиле иногда употребляются и в форме муж. р.: *уполномоченным из района является т. Миронова*; *Ольга Олейник — выдающийся ученый*; *управляющим делами назначена тов. Широкова*; *заведующему сектором тов. Ивановой выдана премия* и т. д.

Как и в XIX в., норма согласования колеблется в словосочетаниях с существительными общего рода (*бедняга*, *выскочка*, *тупица* и под.). В современном литературном языке насчитывается свыше 200 таких существительных. Упомянутые выше современные грамматические тенденции привели к тому, что укрепилась норма преимущественного согласования по смыслу. Применительно к лицам мужского пола согласующееся слово употребляется в муж. роде (*этот пролаза*, *экий здоровила*), применительно к женщинам — в жен. роде (*она такая молодчина*, *Иванова — замечательная умница*).

Тенденция синтетического согласования в роде оказывается ведущей в продуктивной группе несклоняемых существительных. К этому разряду относятся не только заимствованные несклоняемые существительные (типа *кофе*, *кепи*, *шасси*) — таких слов насчитывается до 400. Более частотными в языке газет оказываются несклоняемые аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный (*РОЭ*, *АСТА*, *ТЭА*, *РОНО* и т. д.) и многие аббревиатуры, оканчивающиеся на твердый согласный (*ООН*, *ПОРП*, *ОАР*, *ТЭЦ*, *АЭС*, *ЛЭП* и под.).

Традиционное морфологическое колебание в роде, когда в качестве родоразличительной приметы выступает флексия существительного, в целом занимает сравнительно небольшой удельный вес. Родовое варьирование представляет собой непродуктивное явление, и, по сравнению с XIX в., к нашему времени число варьирующихся пар заметно сократилось. Общий удельный вес таких колеблющихся слов в составе всех существительных очень мал: не более 100 пар имен существительных, колеблющихся между мужским на твердый согласный и женским на *-а* и не более 50 существительных с основой на мягкий согласный, *ж* и *ш*, у которых род колеблется между мужским и женским. Если в первом типе колебаний выпадение одного из вариантов шло, как правило, в пользу слов мужского рода (см. общие количественные данные таблицы), то во втором типе колебаний данные обнаруживают преобладание женской параллели. В целом же схема различений рода в основной массе существительных достаточно устойчива.

Проведенный обзор всех данных таблицы убеждает в том, что вариантность опоясывает грамматическую систему полем окраинных переменных элементов.

Анализ характера вариаций помогает провести демаркационную черту между тем, что отвечает потенциальным сдвигам в системе грамматических оппозиций и тем, что не затрагивает существа этой системы.

А) Денотативные или системные варианты. Они отличаются, во-первых, тождеством грамматического значения, во-вторых, высокой степенью независимости по отношению к контексту. Основную группу денотативных вариаций в классе существительных составляют варианты падежной системы.

Это перечисленные варианты падежных флексий: формы им. мн. у существительных муж. рода *-и* (*-ы*), *-а* (*-я*); варианты различаются еще и просодически (*тра́кторы — трактора́*, *сле́сари — слесаря́*); род. ед. *-а/-у* (*песка́ — песку́*); род. мн. *—/-ов* и др.; твор. ед. *-ой/-ою* (*рукой — рукою*); предл. ед. у существительных муж. рода. В местном значении с предлогами *в* и *на -е/-у* (типа *в це́хе — в цеху́*, *на мы́се — на мысу́*) и некот. др. Среди вариантов рода к денотативным могут быть отнесены только формы имен существительных, колеблющихся между мужским на твердый согласный и женским на *-а* (*рельс — рельса*, *георгин — георгина*, *плацкарт — плацкарта* и под.).

Б) Комбинаторные (позиционные или коннотативные) варианты. Это варианты форм, отождествляемые в речи вследствие происходящей нейтрализации грамматических оппозиций. Комбинаторные варианты характеризуются, во-первых, определяющей ролью синтаксической позиции, во-вторых, редукцией грамматических различий у чередующихся форм.

Так, выше было отмечено явление нейтрализации грамматических оппозиций в некоторых разрядах существительных в формах ед. и мн. числа.

К типу комбинаторных вариаций должны быть отнесены все отмеченные выше формы синтаксического родоразличения (*директор сказала — директор сказал* в применении к женщине и под.), так же как и факты синтаксического согласования падежных форм у несклоняемых вариантов.

В случае денотативных вариаций каждый член вариантного ряда всегда выступает в качестве смыслоразличительной формы, тогда как в случае комбинаторных вариаций одна и та же форма обнаруживает себя лишь в зависимости от синтаксической позиции в разных ка-

чествах; то она выступает в роли варианта с тождественным грамматическим значением, то в роли омоформы с иным грамматическим значением. Это положение можно проиллюстрировать следующей трехэлементной схемой:

	омоформы	
варианты	жить *в Тушино* жить *в Тушине*	ехать *в Тушино*

	омоформы	
варианты	*директор сказал* (применительно к женщине) *директор сказала*	*директор сказал* (применительно к мужчине)

	омоформы	
варианты	она *вице-чемпион* она *вице-чемпионка*	он *вице-чемпион*

	омоформы	
варианты	промышленность производит разные сорта *масла* промышленность производит разные сорта *масел*	промышленность производит единственный сорт *масла*

Направление кодификации в случае денотативных вариаций должно происходить в сторону унификации колеблющихся форм. Поскольку эти типы вариантов факультативны, локально ограничены и охватывают сравнительно небольшой круг лексики, уместно проводить политику осторожного ограничения частных употреблений вариантных форм, отклоняющихся от общей нормы. Комбинаторные вариации, в отличие от денотативных, затрагивают семантико-синтаксические соотношения форм и, в частности, связаны с аналитическими тенденциями в русской грамматике. Поскольку новые черты протекающих грамматических процессов отмечены лишь в XX в., типы позиционных вариантов изучены менее обстоятельно. Поэтому и направление кодификации в некоторых из этих случаев не столь уж очевидно: нужны специальные исследования.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И НОРМА

Б. С. Шварцкопф

I. Современное теоретическое понимание природы языковой нормы органически связано с тезисом о норме как ограничении (или системе ограничений) реализации возможностей языковой системы. Наиболее отчетливо проявляется фактор ограничения во фразеологии — не только в общепризнанном фиксированном характере компонентного состава фразеологической единицы (ФЕ) и ее организации, но и в факте усиления действия ограничения: норма ФЕ накладывает на парадигматику ФЕ — в сравнении с соотносительными (тождественными в генетическом плане [1]) «свободными» словосочетаниями — дополнительные, специфические для ФЕ ограничения; тем самым норма ФЕ выступает как двойное ограничение (ограничение ограничений) [2].

Цель этой статьи — постановка проблемы описания грамматической (морфологической) нормы во фразеологии современного русского литературного языка как раскрытия механизма действия ограничений в морфологической парадигматике фразеологических единиц.

II. Уже в 1950-е годы установился тип работ, посвященных грамматическому плану фразеологизмов (в связи с их соотносительностью со словом и «свободным» словосочетанием). При этом исходили из тезиса: «лексико-семантическая «дефектность» (ФЕ.— *Б. Ш.*) сопровождается качественным изменением морфологической парадигмы компонентов» [3]. Отсюда внимание к «дефектам» в употреблении глагольного компонента ФЕ, к «застывшим» глагольным компонентам и т. д. В последнее десятилетие сложилась группа исследователей, последовательно изучающих морфологические и синтаксические свойства рус-

---

[1] *А. И. Молотков.* Основы фразеологии русского языка. Автореф. докт. дисс. Л., 1971, стр. 8.

[2] Подробнее см.: *Б. С. Шварцкопф.* Единица фразеологического состава языка и норма. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 158—159.

[3] *В. Н. Телия.* Что такое фразеология. М., 1966, стр. 47.

ской фразеологии в их зависимости от семантических факторов [4].

Принципиально важным представляется выдвижение понятия парадигмы применительно к ФЕ. Еще А. И. Смирницкий отмечал, что отдельные части ФЕ «могут грамматически изменяться, но это изменение лежит не в плане введения в речь каждой из них в отдельности, а в плане введения всей единицы в целом» [5]. Морфологическая парадигматика ФЕ — это совокупность всех возможных морфологических видоизменений данной ФЕ, всех форм словоизменения, присущих ее компонентам. Понятие морфологической парадигмы ФЕ фактически покрывает предложенное А. И. Молотковым понятие «парадигматические формы фразеологизма»: последние закреплены за тем формальным изменением (одного) компонента, которое выявляет связь ФЕ с контекстом; их наличие / отсутствие обусловлено синтаксической функцией ФЕ и грамматическими категориями слова-компонента, является свойством конкретной ФЕ [6].

Параллель между словоизменительной парадигмой, ставящей «в соответствие друг другу грамматические значения и словоформы» [7], и «изменением» ФЕ, реализующимся противопоставлением по определенным, присущим ее компоненту/компонентам грамматическим категориям, представляется закономерной. Ср. в связи с этим выдвинутое Н. Ю. Шведовой понятие парадигмы предложения как «системы его форм», как «совокупности всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени» [8].

[4] См. издания Челябинского педагогического института: «Вопросы современного русского литературного языка», вып. 1—8. Челябинск, 1966—1974; «Фразеология. 1». Челябинск, 1973; «Вопросы фразеологии современного русского языка». Челябинск, 1975.

[5] *А. И. Смирницкий.* Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 208.

[6] *А. И. Молотков.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикологического описания. «Фразеологический словарь русского языка». М., 1967, стр. 12—13; *Он же.* Основы фразеологии русского языка, стр. 17—22.

[7] *А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967. стр. 3, 30.

[8] *Н. Ю. Шведова.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). «Русский язык. Грамматические иследования». М., 1967, стр. 10.

Понятие «морфологическая парадигматика ФЕ» позволяет уточнить задачу исследования и описания морфологической нормы ФЕ: методика работы в этом плане состоит в сопоставлении морфологической парадигматики единиц фразеологического состава современного русского литературного языка с парадигматикой соответствующих (соотносительных ФЕ) «свободных» словосочетаний — с целью выявления во фразеологии полной, «ущербной» и нулевой морфологической парадигматики. Собственно признак «дефект парадигмы», отражающий наличие в парадигме пустых клеток, отмечается на различных языковых уровнях (ср., например, список из 17 значений признака «дефект парадигмы» для словоизменения имен в современном русском языке [9]); тем отчетливее выступает на этом фоне функция морфологической нормы ФЕ как «ограничения ограничений».

III. Реализация морфологической парадигмы ФЕ осуществляется главным образом за счет словоизменения парадигматически подвижного компонента ФЕ; отсюда принципиальное значение вопроса о грамматических категориях, свойственных парадигматически подвижному компоненту ФЕ (по каким словоизменительным категориям идет противопоставление словоформ парадигматически подвижного компонента) [10].

Так, для глагольных ФЕ релевантны грамматические категории наклонения, времени, лица, числа, залога (рода — для форм прошедшего времени) [11]. Сложнее обстоит дело с категорией вида. А. И. Молотков, например, считает разновидности ФЕ, различающиеся по этой категории, «видовыми вариантами» (во «Фразеологическом словаре русского языка» вторая видовая форма ФЕ передается в квадратных скобках — как лексический вариант), хотя оговаривает, что в таких случаях имеет место «совершенно четкое формальное выражение семантико-грамматической категории вида у глагольного фразеологизма» [12]. Мы склонны рассматривать категорию вида в гла-

[9] *А. А. Зализняк.* Указ. соч., стр. 99—100.

[10] Ср.: *А. М. Чепасова.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах. Статья I. «Вопросы фразеологии современного русского языка».

[11] Подробнее об этом см.: *М. Ф. Палевская.* Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в., гл. I. Кишинев, 1972.

[12] *А. И. Молотков.* Основы фразеологии русского языка, стр. 16.

гольных ФЕ в рамках парадигматики ФЕ. Основания для этого: 1) значение категории вида в глагольной парадигматике как фактора, определяющего наличие двух или трех временны́х форм в изъявительном наклонении; 2) значение категории вида как фактора, определяющего образование причастий (возможность образования причастной формы глагольной ФЕ входит в общее понятие «парадигматика ФЕ» [13]).

IV. Проиллюстрируем сказанное на материале глагольно-именных ФЕ, соотносительных со «свободными» словосочетаниями типа «переходный глагол + существительное в винительном падеже (V + S_{Acc})» [14].

Мы оставляем здесь в стороне различие форм компонента-существительного. В рассматриваемых ФЕ он, как правило, фиксирован в винительном падеже, и лишь в единичных случаях во «Фразеологическом словаре...» показана формальная вариантность «винительный — родительный» (например: *дать сдачи* (*сдачу*) [15]. Что же касается категории числа компонента-существительного, то в большинстве рассматриваемых ФЕ он фиксирован в единственном (*нести крест*, *задавать тон...*) или множественном числе (*навострить лыжи*, *ломать копья...*); в сравнительно небольшом числе ФЕ этого типа компонент-существительное образует формальную вариантность «единственное — множественное»: *стирать грани* (*грань*); *закидывать удочку* (*удочки*); *греть руки* (*руку*)... В единичных ФЕ варьирование числа компонента-существительного связано со смешанными вариантами: *прятать глаза* (*взгляд* [*взор*]), *трепать юбки* [*хвосты* (*хвост*)], *закладывать основы* [*фундамент*] и т. п. Таким образом, различие форм компонента-существительного в ФЕ типа V + S_{Acc} относится к вариантности, а не к парадигматике ФЕ.

---

[13] См. об этом: *Л. И. Ройзензон.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973, стр. 193—208.

[14] Иллюстрации взяты из курсовой работы Н. А. Дараган «Парадигматический анализ фразеологических единиц типа «глагол + существительное в винительном падеже» (на материале «Фразеологического словаря русского языка»)», выполненной под руководством автора.

[15] Возможность родительного падежа компонента-существительного на месте винительного в рассматриваемом типе ФЕ при отрицании (не отмечаемая «Фразеологическим словарем...») является особой темой исследования.

Характеристика морфологической парадигматики глагольно-именных ФЕ типа V + S_{Acc} включает в себя результат проверки рассматриваемых ФЕ (на цитатном материале и/или с помощью мысленного эксперимента) на наличие/отсутствие следующих грамматических (глагольных) категорий: 1) вида (совершенный, несовершенный или одновременно оба); 2) наклонения (изъявительное, сослагательное, повелительное); 3) времени (прошедшее, настоящее, будущее — в изъявительном наклонении).

Подавляющее большинство ФЕ рассматриваемого типа составляют ФЕ с полной морфологической парадигмой. Этот пласт состоит из двух — различающихся по составу грамматических категорий — групп ФЕ: 1) с глаголом-компонентом, имеющим формы обоих видов: *приносить* (*принести*) *жертву*, *жечь* (*сжигать*) *корабли*, *наставлять* (*наставить*) *рога* и мн. др.[16]; 2) с глаголом-компонентом несовершенного вида: *брать слово*, *сгущать краски*, *заговаривать зубы* и мн. др.

На противоположном полюсе располагаются ФЕ типа V + S_{Acc} с нулевой морфологической парадигмой, с единственной, «застывшей» формой глагола-компонента. Таких ФЕ — единицы: *зубы съел* (*проел*), *землю роет* (в функции сказуемого); *пальчики* [*пальцы*] *оближешь* (в функции сказуемого или несогласованного определения). Любопытно, что во «Фразеологическом словаре...» отмечено еще несколько внешне схожих ФЕ, представляющих собой предложения: *держи карман*!; *заткни фонтан*!; *разуй глаза* [*бельма*] и некоторые другие. Ср. также: *не шубу шить* (из чего) — показано во «Фразеологическом словаре...» узкими прописными буквами как особая форма употребления ФЕ *шубы не сошьешь* (из чего).

Между этими двумя полюсами лежит довольно большая группа ФЕ с глаголом-компонентом только совершенного вида. ФЕ, относящиеся к этой группе, имеют общий «дефект парадигмы», обусловленный категорией вида,— отсутствие форм настоящего времени для компонента-глагола: *заронить искру*, *спустить шкуру*, *увидеть свет* и др.

Между последней группой и ФЕ с «застывшим» компонентом-глаголом отмечена ФЕ, употребляющаяся только

[16] Сюда же относятся единичные случаи, где наличие обоих видов у глагола-компонента может быть отнесено за счет смешанного варианта: *лить* [*проливать*(*пролить*)] *слезы*.

в прошедшем и настоящем времени: *делает честь*, *сделало честь*, а также ФЕ *видеть* (*видывать*) *виды*, употребляющаяся только в прошедшем времени. Следовательно, можно констатировать, что в рассматриваемой группе ФЕ нетиповых, «индивидуальных» ФЕ (в плане морфологической парадигматики) очень мало.

Однако до сих пор мы не учитывали другой тип ограничений в парадигматике ФЕ — связанных не с системными отношениями, а с узусом (стихийно сложившимся привычным употреблением). Этот аспект ограничения понимается как «реальная употребительность/неупотребительность языкового явления» [17]. В рассматриваемой группе ФЕ действие узуса проявляется в дополнительном ограничении на употребление форм повелительного наклонения (хотя системных противопоказаний этому, казалось бы, нет). Так, исследователи отмечают отсутствие форм повелительного наклонения без отрицания для таких ФЕ, как *шутить с огнем* [18], *валять // ломать дурака*, *наводить тень*, *втирать // втереть очки* [19], связывая это с действием семантических факторов. По той же причине неупотребительно повелительное наклонение от ФЕ *смежить очи*, *протянуть ноги*, *испустить дух* и под.; к буквальному пониманию может привести повелительное наклонение от ФЕ *съесть собаку*, *показывать* (*показать*) *пятки* и под.

Учет особенностей возможности/невозможности форм повелительного наклонения в ФЕ типа $V + S_{Acc}$ — особенно в сочетании с данными о возможностях употребления отрицания при ФЕ этой группы — позволит получить более «многоступенчатую» картину ограничений в рассматриваемом типе ФЕ (ср. хотя бы невозможность отрицания в повелительном наклонении от ФЕ *заморить червячка* и *продирать зенки* и утвердительных форм повелительного наклонения от ФЕ *распускать нюни* и *опускать* (*опустить*) *руки*).

V. Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Первый из них касается морфологической парадигматики

---

[17] *В. А. Ицкович.* Норма и ее кодификация. «Актуальные проблемы культуры речи», стр. 25.

[18] *Л. И. Ройзензон.* Лекции по общей и русской фразеологии, стр. 208.

[19] *Г. И. Лебедева.* Процессуальные фразеологизмы с полной парадигмой наклонения. «Вопросы фразеологии современного русского языка», стр. 53—54.

ФЕ. Распределение ФЕ типа V + S_{Acc} показывает, что системные отношения, регулирующие парадигматику соотносительных с ФЕ «свободных» словосочетаний, сохраняют свою силу и для подавляющего большинства ФЕ. Отступления от системных отношений, с одной стороны, не так многочисленны, как обычно думают, а с другой стороны, представляют собой — для значительного большинства ФЕ — определенные ступени регулярности. Можно полагать, что ФЕ, выпадая из общеязыковых системных отношений, «впадает» в иную регулярность, связанную с внутренней организацией ограничений в морфологической парадигматике ФЕ; изолированных же («застывших») ФЕ мало. Все это позволяет думать, что применительно к фразеологии точнее говорить не столько об «индивидуальных грамматиках» (для каждой ФЕ), сколько о «групповых грамматиках» (морфологических парадигматиках групп ФЕ, соотносительных с определенным типом «свободного» словосочетания).

По-видимому, можно также говорить о «разноэтажности» морфологической нормы ФЕ, об ее различных уровнях. Так, в ФЕ типа V + S_{Acc} грамматическая норма регулирует морфологическую парадигматику ФЕ, и системные отношения определяют наличие ступени ограничения — «дефектной» парадигмы с отсутствием форм настоящего времени. В то же время на морфологическую парадигматику ФЕ оказывает давление узус, который углубляет степени ограничения (за счет реальной неупотребительности форм повелительного наклонения от ряда ФЕ), обусловленные семантически и коммуникативно. Следовательно, налицо два уровня нормы, воздействующей на ФЕ: 1) норма первого порядка — грамматическая норма, ограничивающая реализацию возможностей системы, и 2) норма второго порядка — собственно фразеологическая норма, накладывающая на норму первого порядка дополнительные, узуальные ограничения [20].

Таким образом, описание морфологической нормы ФЕ представляется в общем виде как лестница, каждая ступенька которой отражает определенную степень ограничения (с последовательным возрастанием «дефектности» парадигмы по принципу n + 1). Степени ограничения,

[20] Ср. замечания В. А. Ицковича об ограничении (точнее — обусловленности) языковой нормы как системой, так и узусом (*В. А. Ицкович.* Норма и ее кодификация, стр. 22—25).

отсутствующие в парадигматике соотносительных ФЕ «свободных» словосочетаний, и составляют специфику фразеологической нормы на уровне морфологии.

В то время же степени ограничения в морфологической парадигматике ФЕ тесно связаны с внутренней организацией самой парадигмы. Взаимосвязь грамматических категорий, входящих в морфологическую парадигму ФЕ, может определять порядок степеней ограничения.

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА

А. Б. Копелиович

I. Рекомендации, определяющие употребление имен существительных общего рода, основаны на широко бытующем в лингвистической литературе [1] представлении о свойстве этих имен приобретать грамматическое значение рода лишь ситуативно в строгом соответствии с полом обозначаемого лица. Однако языковая действительность, зафиксированная в письменных источниках XIX и XX вв., не дает для этого достаточных оснований.

В. В. Виноградов, наблюдая факты формального согласования типа *он — такая пьяница*, отказывается от традиционных формулировок, которые сводятся к тому, что слова общего рода бывают «иногда мужского, иногда женского рода» [2] и вносит существенное изменение: «и мужского и женского» [3]. Такой подход делает возможным понимание общего рода как категории, синтезирующей в себе особенности мужского и женского родов, являя при этом

[1] См., например: *А. И. Соболевский*. Розыскания по вопросу о грамматическом роде Эд. Вольтера,— ЖМНП. ч. CCXXIV. СПб., 1882, стр. 145; *Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский*. Современный русский язык. М., 1964, стр. 36; *А. Н. Гвоздев*. Современный русский литературный язык, ч. 1, изд. 3. М., 1967, стр. 149; «Грамматика современного русского литературного языка». Под редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 1970, стр. 318 и др.

[2] *А. И. Соболевский*. Указ. соч., стр. 145.

[3] *В. В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 71—72.

новое качество. Наличие немаркированного варианта согласовательных связей (асимметрия) и связанное с этим употребление неоднородной согласовательной модели типа *Заботливая глава семейства сильно хлопотал* (Квитко-Основьяненко. Ярмарка) не позволяет рассматривать общий род как простую сумму форм, соответственно омонимичных мужскому и женскому роду.

Высказанная в свое время Ф. Буслаевым мысль о том, что «понятие о роде общем принадлежит собственно к синтаксису» [4], не оказала должного влияния на последующее языкознание, и, как правило, общий род рассматривался только в рамках морфологии и стилистики. Это привело к тому, что многие специфические черты категории оказались за пределами внимания исследователей.

В этом смысле наша главная и наиболее распространенная нормативная литература — словари [5] гораздо ближе к речевой практике, чем учебники. Некоторые словари дают рекомендации с учетом синтаксических свойств имен общего рода. Так, в У мы читаем: «Эта помета (*м.* и *ж.*— *А. К.*) показывает, что слово может быть и муж. и женск. рода, т. е. прил. при нем может стоять или в форме муж. рода или в форме женск. рода (хотя бы говорилось о мужчине): напр., *зева*, *м.* и *ж.*— значит, что и о мужчине можно сказать не только «этакий зева», но и «этакая зева» (о женщине, конечно, только последнее)».

Но подобные рекомендации учитывают особенности употребления лишь одной части имен существительных общего рода типа *сирота*, вступая в противоречие с нормой употребления имен типа *глава*, *слуга* [6]. Это тот случай,

---

[4] *Ф. Буслаев.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 441.

[5] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940 (далее — У); Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 2. М., 1952 (О); Словарь русского языка, в 4 т. М., 1967 (М); Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.— Л., 1948—1965 (Б); Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973 (Т); Обратный словарь русского языка. М., 1974 (Обр.); Орфографический словарь. Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро, изд. 12. М., 1973 (Орф.).

[6] То же в Т: статьи *коллега*, *слуга*, *староста* снабжены ссылкой на § 5 «Приложения», в котором в качестве нормативного допускается согласование в женском роде с существительным общего рода, обозначающим лицо мужского пола.

когда кодификация явно отстала от развития речевой нормы. Очевидно, в XIX в. женский род еще ощущался в качестве немаркированного при согласовании прилагательных со словами *глава*, *слуга*. Например: Все признавали победу совершенною, и некоторые уже говорили о пленении самого Наполеона и избрании *новой главы* для Франции (Л. Толстой. Война и мир); А нет того, чтобы отставному севастопольцу пожертвовать на настроение... Сами кушаете водочку, а свою *верную слугу* забываете (Куприн. На покое).

Функционирование данных существительных в сфере деловой речи (*слуга народа*, *глава правительства*) изменило характер их маркированности. Они, очевидно, могут быть отнесены к развивающемуся синтаксическому типу имен на *-а*, тяготеющих к мужскому роду в качестве немаркированного. Подобный характер маркированности обнаруживают следующие, например, имена: *бродяга*, *бумагомарака*, *возница*, *дока*, *доставала*, *зазывала*, *запевала*, *книгоноша*, *коллега*, *куряка*, *обдирала*, *обжигала*, *одиночка*, *писака*, *предтеча*, *работяга*, *самоучка*, *староста*, *трудяга*, *убийца* (*братоубийца*, *детоубийца* и под.), *чаепийца*, *чинуша* и др.

Например: Эти и многие другие вопросы волнуют не только молодого классного руководителя-комсомолку Л. И. Тафлинскую, но и ее *опытного коллегу* коммуниста М. И. Картавцеву (Учит. газета, 6 апр. 1974); ...А уж Мария Петровна по части конспирации считалась *великим докой* (Л. Овалов. Январские ночи); Эх вы! А еще *комсомольский глава* [она] (Сов. женщина, 1969, № 7); В умной от природы женщине выявились способности крупного хозяйственника, государственного работника, *истинного слуги* народа (Правда, 18 апр. 1968).

Следует выделить и третий синтаксический тип имен общего рода, отличительная особенность которого заключается в отсутствии немаркированного варианта: *второклашка*, *гостюшка*, *гостьюшка*, *первоклашка*, *приготовишка*, *соседушка*, *тезка*, *трусишка* и др.

Совершенно очевидно, что выражения «он — моя соседушка», «она — мой соседушка» одинаково невозможны.

По своим синтаксическим свойствам к этой группе примыкают неизменяемые заимствования: *протеже*, *визави*; названия национальностей: *манси*, *мари*, *саами*, *ханты*, *чукча*.

II. Однако выбор родовой формы согласовательной модели отдельно взятого существительного общего рода определяется не только характером маркированности, но и конкретными семантико-синтаксическими условиями его употребления, или способами употребления.

Размеры статьи не позволяют подробно останавливаться на характеристике способов употребления существительных в речи. Коснемся лишь необходимых моментов, в наибольшей мере связанных с родовым оформлением согласовательной модели. Следует иметь в виду, что общий род вовлечен в сферу родо-половой корреляции и может рассматриваться как частный случай этой системы, закономерности которой, в частности различный в зависимости от способа употребления характер использования средств корреляции, в равной мере обнаруживаются на морфологическом и синтаксическом уровне.

Применительно к личным существительным следует различать три способа употребления, иначе говоря — три варианта значения, каждый из которых соотносится с определенной синтаксической функцией.

1. Наименование лица (НЛ). Личное существительное (ЛС) служит названием конкретного лица и без большого ущерба для смысла предложения может быть заменено именем собственным названного лица. Данному значению соответствует синтаксическая функция подлежащего, дополнения, определения: *Староста позвала* Алексея Ивановича к нарам... (А. Васильев. В час дня, ваше превосходительство); *Бедняжка почувствовал* себя одиноким (А. П. Чехов. Живой товар); А вот *коллега* ее — второй главный специалист артели — совсем *молода* (Правда, 8 марта 1968); У *твоего соседушки* всякой всячины толсто (Ф. Абрамов. Пути-перепутья).

При данном способе употребления выбор формы согласовательной модели непосредственно мотивирован полом называемого лица.

2. Наименование-характеристика лица (ХЛ). Личное существительное характеризует действующее лицо, о котором идет речь, по роду занятий, особенностям характера и поведения; является в предложении именной частью сказуемого, приложением: Николай Алексеевич — *порядочная скотина* (Правда, 21 дек. 1966); «Умница, *какая умница*»,— думал Алексей о старике (Е. Пермитин. Поэма о лесах); *Бывшая староста* пятого «Б» класса Нина

Лебедева как-то видела учительницу пения в музее... (Известия, 27 июня 1968).

Средства родо-половой корреляции используются при ХЛ для согласования с существительным, обозначающим характеризуемое лицо, и их выбор соответствует синтаксическому типу имен общего рода. Вероятность выбора немаркированного варианта согласования значительно выше, чем при НЛ.

3. Наименование неопределенно-собирательного лица (НСЛ). Личное существительное называет класс либо группу лиц данного класса и выполняет в предложении те же синтаксические функции, что и НЛ: *Самая маленькая кроха* одинаково не прощает и сюсюканья, и невнимания, и пренебрежения к ее детскому миру (Неделя, 14 марта 1968); Кое-кто считал его тугодумом, но в нем не было медлительности *тупицы*, с трудом *ковыляющего от мысли к мысли*... (Н. Дубов. Жесткая проба).

В отличие от НЛ, в котором отчетливо выражена тенденция к выбору маркированного варианта, что и делает НЛ генератором коррелятивных отношений, в НСЛ преобладает тенденция к выбору немаркированных форм.

Так, в сфере имен типа *сирота*, *шельма*, вопреки общепринятому мнению, даже предикативные слова могут выступать в форме женского исконно немаркированного рода. Например: «Он или не он»,— а пальцы продолжают перебирать лады гармошки... Какая же все-таки *скотина*, замотавши морду бабьим платком, трусливо *напала* сзади? (Р. Григорьев. Крестьянский сын); Какая-то *шельма резала и недорезала*. Резал бы уж на целых сто строк, подлец (А. П. Чехов. Два газетчика); Ха, повезло насчет лыж. Какая-то *растяпа оставила*, а нам праздник (А. Ярушенков. Поездка в Крым); Куда спрятать? В землю его обратно, чтобы никакая *шельма не обнаружила* (А. Алдан-Семенов. Барельеф на скале); Потом, летом сорок второго, с Марией Козухиной чуть комендатуру в местечке не подорвали, уж и заряд положили, да какая-то *подлюга заметила*, *донесла* (В. Быков. Обелиск. Перевод Г. Куреновой)

Впрочем, это возможно и при НЛ. Ср.: Да, он прав! Эта *каналья права*! (А. П. Чехов. Два газетчика); Я хотел ему выдать письменное обязательство, но эта *скотина* только *молчала* (А. Грин).

Стилистический эффект, достигаемый формальным согласованием атрибутивных и предикативных слов, кото-

рое подчеркивает понятийное содержание ЛС, достаточно очевиден.

Однако в современном русском языке в качестве немаркированного более распространен мужской род, который расширяет свое влияние в названном качестве и среди имен на *-а*, где исконно господствовал женский род [7]. Возникла весьма любопытная ситуация: при употреблении значения НСЛ (и только НСЛ) имен синтаксического типа *сирота*, *умница* немаркированными оказались и женский, и мужской род.

Учитывая тенденцию развития, кодификатор имеет основание отдавать предпочтение мужским согласовательным моделям, особенно в стиле деловом и нейтральном: *Суетливый невежда*, который берется судить обо всем на свете, не обладая разумным знанием предмета, может только мешать и раздражать (Известия, 28 мая 1967); [Мария] Нет, когда человека несли в гробу под красным знаменем, *каждый зевака понимал*, что человек этот что-то доброе в своей жизни сделал, что не зря гремят винтовочные салюты! (А. Салынский. Мария).

Но это вопрос стиля, так как со стороны семантики и грамматики против использования женских форм согласования в демонстрируемых выше случаях никаких возражений быть не может. И едва ли возможно запретить использование женской согласовательной модели там, где это уместно и диктуется условиями стиля.

Небезынтересно и то, что мужской и женский род в качестве немаркированных могут находить применение в пределах одного текста. В качестве примера приведем заметку «Невидимая рука» (Учит. газета, 20 июля 1974). Автор заметки, рассказывая об игре польских пионеров, участники которой именуют себя «невидимками», в одном случае пишет: «Помогая кому-то, «*невидимка*» *должен* оставить под дверьми билетик»,— в другом: «Но один случай заставил раскрыть имя *одной из невидимок*. Номер 13128 *Тадеуш Кошик* накануне каникул позвонил, не назвавшись, от имени «невидимок» директору Государственного детского дома в Загожанах и сказал, что жители родной деревни его матери, где он часто проводит лето, могут взять на каникулы детей-сирот».

---

[7] См. об этом: *В. М. Марков.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, стр. 12.

Что же касается тех случаев, когда речь идет об определенной группе лиц мужского и женского пола, то нормативным (для типа *сирота*) следует, возможно, считать согласование в женском роде: Дочери чувствовали себя сиротами и были убеждены, что теперь отец должен «жить для них», но и отец чувствовал себя сиротой и в глубине души надеялся, что теперь, напротив, дочки станут «жить для него»— ведь Елена Алексеевна жила для них, для всех троих, и они к этому привыкли, и вот *каждая сирота ждала*, что *другая* начнет жить для нее (Лит. газета, 24 июня 1974).

Немаркированность форм женского рода ощущается и тогда, когда значение НСЛ имен типа *сирота* ассоциируется с конкретным лицом, что объясняется отношениями предикации, сопровождающими всякое сопоставление и сравнение, а средства корреляции указывают на степень обобщенности высказывания:— Не прожить ему долго на свете... — Уж какая жизнь у *круглой сироты* (А. Свирский. Рыжик.) Форма женского рода согласовательной модели указывает на обобщенный безотносительно к полу лица образ сироты. Ср.: То папа тихонько предложит билет в театр, то мама спросит: «Что-то ты давно не был в кино?» и по голове меня поглаживают. Как *какого-нибудь сироту* (А. Алексин. Звоните и приезжайте!..). Форма мужского рода как бы сужает наше представление до образа мальчика-сироты, в данном случае достаточного для сравнения.

Но если пол неопределенно-собирательного типа-лица мотивирован полом конкретного лица, то согласовательная связь определяется внутри словосочетания, то есть полом собирательного образа. Следовательно, пол действующего лица лишь опосредованно отражен в выборе родовой формы согласования при НСЛ.

В сфере употребления имен синтаксического типа *слуга*, *глава*, *староста* при значении НСЛ в качестве немаркированных прочно утвердились формы мужского согласования: *Бездушный деляга*, *равнодушный чинуша* [8], как и «блестящий» карьерист, заклеймлены нашей литературой (Вопросы литературы, 1971, № 1).

[8] Существительное *чинуша* может быть отнесено к общему роду. Ср.: И Надя Ченцова — живая, веселая, как песни поет, как в клубе управляется — ну, *какая* она *чинуша*? (Комс. правда, 17 янв. 1973).

Регулярность реализации в речи значений НЛ, ХЛ, НСЛ позволяет рассматривать их как явление, принадлежащее языковому уровню и имеющее статус парадигмы. А что касается наличия вариантности употребления маркированных и немаркированных форм применительно к лицу одного пола, то нельзя не отметить отчетливо выраженных в ней синонимических отношений, чем собственно и поддерживается эта вариантность как живое явление русского языка.

Заслуживает внимания использование личных существительных и в качестве характеристики не-лица. Особый интерес представляют те случаи, когда отсутствует семантика пола, поскольку при этом характер маркированности (немаркированный вариант) имен общего рода обнаруживается с наибольшей очевидностью. При метафорическом употреблении для имен синтаксического типа *сирота* предпочтительна женская форма согласовательной модели: *Настоящей малюткой* выглядит этот настольный копировальный аппарат (Правда, 14 дек. 1967); Где-то мост Выгибает спину, Мост — *чугунная сатана* (В. Гончаров. Стихи). В применении к словам среднего рода согласование по женскому роду является единственно возможным. Ср.: Дынное дерево — *большая неженка* (Неделя, 1967, № 51).

Выбор мужской формы согласования, которая лишь условно по аналогии с личностным употреблением может быть названа маркированной, мотивируется либо исконной формой рода самого существительного, либо значением грамматического рода характеризуемого. Видимо, допустим вариант: *Настоящим «малюткой»* выглядит этот настольный копировальный аппарат. Однако вопрос о нормативности такой родовой интерпретации в условиях метафорического употребления является достаточно спорным, скорее следует признать нормативность обоих вариантов [9]. Но если грамматическое значение рода слова, обозначающего характеризуемый объект, совпадает с немаркированной формой согласовательной модели мета-

[9] Сошлемся на следующее высказывание Л. В. Щербы: «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора...» (*Л. В. Щерба.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 277).

форически употребленного личного существительного, то выбор вариантов невозможен: ...Увидел свою *тальянку* на сусеке. Вся в пыли, в муке, как, скажи, *сирота неприкаянная* (Ф. Абрамов. Пути-перепутья).

Сфере употребления синтаксического типа *запевала* при метафорическом употреблении предпочтителен мужской род: Примеривишись, чтобы орудие было по руке, а лучше сказать «по клюву», *пернатый работяга* начинает ковырять им в корне... (Вокруг света, 1968, № 1).

Неразличение способов употребления имен существительных общего рода достаточно частое явление в учебной и справочной лингвистической литературе. В Т в один ряд с иллюстрациями типа: Ловит в кроватке проснувшийся крошка Ручками солнечный луч (Жаров. Доброе утро), где слово *крошка* представлено в значении НЛ, ставится: Что касается меня, то я боялся оказаться в роли старого брюзги (Эренбург. Люди, годы, жизнь), где слово *брюзга* выступает в значении НСЛ и является наименованием лица-типа. НСЛ как способ употребления личных существительных вообще не оговаривается [10].

В данном параграфе мы сталкиваемся и с неразличением значений НЛ и ХЛ. Так, для демонстрации согласования сказуемого с именем на *-а* используется следующая иллюстрация: Придира Мотя возразил: — А месяц тому назад ты этого не знала? (Стонов. В городе наших отцов), где слово *придира* выступает в значении ХЛ, а наименование лица — функция имени собственного. У существительного *придира* в данном случае нет согласуемого слова.

Учет характера маркированности имен существительных общего рода (синтаксический тип) и особенностей их употребления в речи создают условия для выработки рекомендаций, наиболее адекватно отражающих действительную речевую норму.

---

[10] Один из случаев употребления НСЛ применительно к именам типа *врач* отмечен в «Грамматике современного русского литературного языка»: «В том случае, если принадлежность обозначаемого лица к женскому полу специально не акцентируется, существительные типа *врач*, *герой*, *доктор*, *студент* выступают только как слова мужского рода: Каждый врач должен помнить клятву Гиппократа; Студент всегда отличался самым живым интересом к тому, что делалось за университетскими стенами (Из газет). («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 320).

III. Специфичность задач, которые ставит перед лексикографией общий род, определяется тем простым обстоятельством, что принадлежность к нему не всегда является вполне очевидной и должна поэтому доказываться. В связи с этим позволим себе высказать некоторые соображения.

1. Известно, что значение рода имен существительных находит гораздо более последовательное выражение в форме согласуемых слов, чем в их собственной форме. Это обязывает к тому, чтобы помета рода была выводом из дистрибутивного анализа иллюстративного материала. Но, например, в М слово *зверина* снабжено пометой *ж.* при наличии в статье единственной модели *матерый зверина*. Об этом можно было бы не говорить, если бы не многие другие подобные факты. Например, статья «Иван-да-Марья», в которой иллюстративный материал дает лишь основание для квалификации данного слова как принадлежащего мужскому роду, тем не менее снабжено пометой *ж.* Еще более разительный пример со сложными словами типа *полчаса*, *пол-яблока*, *полгруши* и т. д. Род этих слов, которые практически представляют собой слившиеся словосочетания счетного слова с формой родительного падежа существительного — результат сохранившейся связи управления,— определяется не по форме согласуемых слов, а по роду заменяемого второго компонента этой словообразовательной модели.

2. Понятие «согласование» должно использоваться в его строгом терминологическом смысле, предполагающем подчинительную связь между родоизменяемым словом и существительным [11]. Однако термин «согласование» за неимением иного распространяется на отношения грамматически не связанных в предложении слов, например в У:— Ловко, *каналья*, *надул* меня! (Гоголь). Конструкции такого типа не могут быть признаны диагностическими при определении родовой принадлежности существительных.

3.0. Кроме того, чтобы словарная статья была доказательной, следует, на наш взгляд, подчинить ее иллюстративный аппарат определенным условиям:

---

[11] *А. М Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 191—193.— Такая же точка зрения с ссылкой на многих авторов высказана Е. С. Скобликовой, см.: *Е. С. Скобликова*. Согласование и управление в русском языке. М., 1971, стр. 174—178, 208—210.

3.1. Иллюстрации должны представить демонстрируемое слово в активной дистрибуции. А между тем для многих словарных статей типичны иллюстрации, которые не содержат родоизменяемых согласуемых слов, например в Б к *дока*:— Ну это, батюшка, что-то тонко. Вы с сестрой об этом поговорите: она насчет этих тонкостей дока. «Анну Каренину» ли по косточкам разобрать, или с Достоевским поговорить, все может (Гаршин. Трус); в У к *стервоза*:— Рассвет в розы — бормочут стервозы (В. Маяковский).

3.2. В целях полноты, точнее — определенности грамматической характеристики, иллюстративный материал следует подбирать таким образом, чтобы он содержал набор (парадигму) согласовательных моделей имен общего рода. Ср.: в У к *пустельга* — Такое ничтожество, такая пустельга (Боборыкин); в Б к *плутина* — Хозяин лучше всех с лица — хват малый; только, должно быть, страшная плутина! (Писемский, С. П. Хозар и М. Ступицына); в Т к *ультра* — Штраус может себе позволить послать полицейских в редакцию журнала, с которым этот баварский ультра не в ладах (Неделя, 20 мая 1967).

Не будь пометы *м.* и *ж.*, даже знающий русский язык человек мог бы отнести демонстрируемые слова соответственно либо к женскому, либо к мужскому роду.

В этом смысле позиция М, в котором, например, слово *бродяга* отнесено к мужскому роду, более последовательна, чем позиция Б, где при столь же одностороннем подборе иллюстраций ставится помета *м.* и *ж.* И уже совершенно нелогичным представляется тот факт, что в отношении *бедняга* данные словари поменялись ролями.

Подобные примеры можно было бы множить без конца, так как неполная характеристика парадигмы согласовательных моделей как тип представления имен общего рода в словарях является широко распространенной. Это оправдано может быть лишь тогда, когда в одностороннем порядке представлены маркированные формы. Так в Б *гулена* представлена лишь одной согласовательной моделью — *Такой гулена.* Принадлежность имени к общему роду вполне доказывается, поскольку потенциальная возможность сказать о женщине *такая гулена* для нашего современника совершенно очевидна, именно это чутье языка, языковое сознание поколения компенсирует в данном случае неполноту информации.

Но надо согласиться с тем, что, несмотря на относительную доказательность, словарная статья этого типа во многом проигрывает как документ истории языка.

Необходимость демонстрации полной парадигмы согласовательных моделей может быть мотивирована еще и тем соображением, что различные согласовательные варианты справедливо считать выраженными средствами синтаксиса аналогами словообразовательных, морфологических, произносительных, акцентологических вариантов, которые по сложившейся в лексикографии традиции принято тщательно представлять в словарях.

4. Поскольку, как об этом говорилось выше, выбор родовой формы согласовательной модели зависит от способа употребления, то, видимо, эта зависимость должна найти отражение и в словарной статье и получить соответствующую оценку кодификатора.

Поиски формы словарной статьи, которая бы отражала специфику употребления личных имен — вполне назревшая проблема, побуждаемая самим языковым материалом, его внутренней организацией. Например, в статье *плакса* в Б иллюстрации распределены по трем рубрикам: «Обычно употребляется в качестве сказуемого»; ◇ «Не предикативно»; □ «В качестве приложения».

В основе рубрикации такого типа (иных фактически нет) — термины синтаксической функции, которые в чистом виде могут сделать лишь удобным расположение иллюстративного материала. Так, в роли сказуемого и в роли приложения выступает один и тот же вариант значения — ХЛ. В интересах дела более целесообразным было бы такое построение словарной статьи, при котором последовательно демонстрировалось бы употребление значений НЛ, НСЛ, ХЛ и метафорическое употребление имен общего рода. Не укладывающиеся в предлагаемую схему случаи личностного употребления, например в качестве обращения, если это характерно для данного слова, могут быть расположены перед рубрикой: «Метафорическое употребление». Структурный стереотип делает типичные отступления от него более доступными для изучения, в то же время ставит перед исследователем совершенно определенные поисковые задачи и создает возможность достаточно широкой семантико-стилистической характеристики лексического инвентаря категории личных имен существительных. Мы отнюдь не настаиваем на данной схе-

ме, а лишь на самой очевидной потребности в правильно организованной словарной статье, поскольку именно в упорядоченной и регламентированной словарной статье шутливая по форме и поучительная по существу рекомендация Л. В. Щербы: «...Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров»,— может найти оптимальную реализацию.

5. И, наконец, вопрос о грамматической помете. Для родовой квалификации имен существительных общего рода обычно используется составная помета *м.* и *ж.* (в Обр. сл. *м. ж.*), что, по всей вероятности, отражает отношение к лексическим единицам этой категории, как к сумме двух родовых значений. Однако неудобство употребляемой пометы не только в этом; в конце концов, можно ей придать, в зависимости от позиции составителя словаря, любой смысл.

Но если проследить за тем, как помета *м.* и *ж.* используется в словарях, то ее неудобство станет довольно очевидным. Само применение рассматриваемой пометы оговаривается следующим образом: В У —«Слова т. наз. общего рода помечаются *м.* и *ж.*»; в Б —«Имена существительные на *-а* (*-я*), имеющие значение мужского и женского рода, получают соответствующую двойную помету. Образец: *сирота*, *-ы*, *м.* и *ж.*».

Ни иное употребление, ни иные варианты пометы не декларируются. Тем не менее помету *м.* и *ж.* получает, например, в У слово *петрушка* с дополнительными пометами либо *м.* (в 1 знач.— кукла), либо *ж.* (во 2 знач.— театр и в 3 знач.— что-нибудь смешное), стоящими после нумерации значений.

Такое употребление ставит ее в ряд с неоговоренными пометами *ср.* и *м.*, например, к слову *городище*, где имеются в виду не общий род, а дифференцированное значение рода каждой из двух омонимичных форм: *городище* — увелич. к *город* — *м. р.*, а в значении древнего поселения — *ср. р.* Очевидно, такого рода использование продиктовано описательностью, заложенной в самой структуре пометы, что в принципе можно считать ее отрицательным свойством [12]. Как следствие, вызывает сомнение грамматичность пометы *м.* и *ж.* применительно к именам морфологических типов *протеже*, *трепло*, поскольку данный случай

[12] Обр. для подобных случаев модернизировал помету: *м*; *ж.*

тоже заранее не оговорен. В Т, например, при существительном *протеже* имеется помета *м.* и *ж.*, но нет ссылки на параграф «Приложения», в котором кодифицируется употребление имен общего рода. Именно в силу своей описательности помета *м.* и *ж.* получила различные вариации, например: в У — к *братоубийца*, *м.* и (редко) *ж.*, в М — к *слуга*, *м.* и (уст.) *ж.*, в Т — к *гну*, *м.* и допустимо *ж.* при обозначении самки, в Б — к *малышка*, *ж.* и *м.* Последний вариант, состоящий в перестановке «слагаемых», чаще всего совпадает с имеющимся в статье указанием на преимущественность либо предпочтительность применения имени, квалифицируемого по значению рода, к лицу женского пола. Избирательные возможности пометы конкурируют с описательной частью статьи либо дублируют ее. Тут кстати вспомнить о том, что В. Даль употреблял помету *об.* Во всяком случае остро ощущается необходимость такой грамматической пометы, которая позволяла бы не смешивать имена общего рода с фактами, не имеющими к ним никакого отношения.

Как мы видим, общий род в своем лексикографическом отображении обнаруживает недостаточность теоретических посылок, равно как нестрогость их применения и отрыв кодификации от реально существующей нормы. Достаточно сказать, что до сих пор практически не установлены лексические границы рассматриваемой категории имен. В перечисленных выше словарях зафиксировано более 500 существительных общего рода. Их значительно больше. Но и в пределах зафиксированного объема имен границы категории довольно зыбки: более чем в ста случаях словари оспаривают принадлежность того или иного существительного к общему роду, отражая различные точки зрения и критерии оценки родовой принадлежности.

Справедливости ради следует отметить, что составители словарей, как правило, не придерживаются строго никаких традиционных критериев и выходят за рамки 1) морфологического типа *-а* (*-я*); так, например, пометой *м.* и *ж.* снабжены имена типа *саами*, *ханты*, *протеже*, *завкадрами* (Орф. во всех изданиях) [13], *трепло* (Орф., У), *надувало* (Б); 2) принадлежности к категории субъективной оценки: *коллега*, *глава*, *староста* и др.; (3) принадлежности к лич-

[13] Ссылка на словарь в данном и подобных случаях означает, что слово либо зафиксировано только указанным словарем, либо только им отнесено к общему роду.

ным существительным: *домороценка*, *зверюга*, *каурка* (Б), *кенгуру* (Орф., Т), *коняга*, *медвежатка* (Б) и др.; 4) принадлежности к семантике пола и категории одушевленности вообще: *колибри*, *портфелька* (Б), *притворяшка* (Б, насекомое), *хлебина* (У); наконец, 5) принадлежности к определенной словообразовательной модели, свойством которой принято считать сохранение значения рода производящего слова, типа *лгунишка*, *трусишка*.

Ни одно из перечисленных ограничений не нашло последовательного применения даже в пределах одного словаря. Приведем в качестве примера лишь применение последнего ограничения. Так, в Б *болтунишка*, *лгунишка*, *хвастунишка* — *м.* и *ж.*; *врунишка*, *плутишка*, *трусишка*, *шалунишка* — *м.* Приблизительно то же в М, но *трусишка* отнесено к общему роду. Та же непоследовательность в отношении слов с суффиксом *-ак(а)*, *-аг(а)*, *-уга*, *-ушк(а)*, *-ин(а)*. В У, где все имена типа *хвастунишка* отнесены к мужск. роду, слово *дурачина* имеет помету *м.* и *ж.*, в М и Б последнее отнесено к мужск. и т. д.

Надо ли говорить, что подобные ограничения не могут проводиться последовательно, поскольку они не отражают сущности общего рода как явления синтагматики и не выдерживают столкновения с языковой действительностью, создавая тем самым прецедент априорности в определениях.

Общий род как предмет кодификации заключает в себе немало сложных вопросов, которые могли бы получить наиболее полное освещение в рамках отдельного словаря. Целесообразность создания такого словаря определяется, во-первых, значительным удельным весом существительных общего рода в системе личных имен, особенно в разговорном стиле современного русского литературного языка, во-вторых, стремительным развитием рода как семантико-грамматической категории в сфере употребления существительных типа *врач*, *секретарь*, смысловое согласование с которыми предикативных слов стало нормой.

Теоретически обоснованная инвентаризация лексики имен существительных общего рода дала бы богатейший материал для истории развития в русском языке категории рода — одной из ненаписанных страниц истории русского языка.

О ПРОИЗНОШЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА *-КИЙ*, *-ГИЙ*, *-ХИЙ* В СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Л. Н. Кузнецова

Продолжая исследование изменений, происшедших за последние 50—60 лет в русской орфоэпии и проникших в более консервативную сценическую речь [1], рассмотрим в настоящей работе произношение безударных окончаний имен прилагательных м.р.ед.ч. им. и вин. падежей на *-кий*, *-гий*, *-хий* (то есть с заднеязычным согласным основы слова перед окончанием *-ий*) и фамилий на *-ский*.

В настоящей работе (так же, как и в статье об эволюции возвратных частиц *-ся* и *-сь*) произношение артистов фиксировалось в театральных и телевизионных спектаклях, в кино- и телефильмах, а также в выступлениях артистов с какими-либо воспоминаниями, докладами и в бытовой речи, т. е. в стилизованной и нестилизованной речи. В каждом театре сценическое произношение записывалось не менее, чем в двух спектаклях.

По старомосковской норме литературного русского языка окончания прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий*, а также фамилий на *-ский* произносились без смягчения заднеязычного согласного, а на месте гласного *и* звучал [ъ], то есть *громкий*, *долгий*, *тихий* звучали как гро́м[къ]й, до́л[гъ]й, ти́[хъ]й. Такое произношение считалось единственно правильным в первой половине нашего века. Это отмечается в работе В. И. Чернышева (в 1906 г.) [2] и в транскрипциях И. Люнделля (в 1911 г.)[3], в трудах Д. Н. Ушакова (1928 и 1935 гг.) [4] и Г. О. Винокура (1948 г.) [5].

Однако уже Р. Кошутич в 1919 г. наряду с традиционным приводит и новое произношение прилагательных с основой на *г*, *к*, *х* в речи московской интеллигенции: упру́-

[1] Первая статья: «О норме произношения актеров на сцене и в жизни. (Орфоэпические варианты возвратных частиц). «Языковая норма и статистика». М., 1977.

[2] *В. И. Чернышев.* Законы и правила русского произношения. Варшава, 1906, стр. 29.

[3] *J. A. Lundell.* Lärobok i ryska språket. Stockholm, 1911.

[4] *Д. Н. Ушаков.* Русская орфоэпия и ее задачи.— Русская речь. Нов. сер. Вып. III. Л., 1928, стр. 26; Толковый словарь русского языка. Т. I. М., 1935, стр. XXXIV.

[5] *Г. О. Винокур.* Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 73.

[г'и]й, ти́[х'и]й, то́н[к'и]й [6]. Но только в 50-х годах нынешнего столетия мягкое произношение -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й стало признаваться литературным. «Сейчас норма меняется, и уже широко распространено произношение **крепкий, строгий, тихий**, которое следует признать равноправным литературным вариантом»,— пишет в 1953 г. М. И. Матусевич [7]. В работе И. Г. Голанова 1960 г. о заднеязычных согласных перед окончанием *-ий* в прилагательных м. р. говорится: «Новая норма произношения допускает произношение этих звуков как мягких» [8]. Подобные высказывания можно найти и в работах других авторов [9].

Интересно сопоставить взгляды на произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий*, изложенные Р. И. Аванесовым в первом и последнем, пятом, издании книги «Русское литературное произношение». В работе 1950 г. читаем: «Окончание *-ий* после задненебных *к, г, х* в им. п. ед. ч. прилагательных произносится так, как если бы

[6] *Р. Кошутић.* Граматика руског језика. I. Гласови. 2 изд. Пг., 1919, стр. 83—84.

Мягкое произношение заднеязычных согласных перед окончанием *-ий* в прилагательных м. р. встречалось в литературном языке еще в XIX в., о чем говорят рифмы в стихах некоторых поэтов:

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жестк*ий*;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостк*и*,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет...

(А. Н. Майков. Болото)

И мерный шум цветочного дождя
Покрыли оглушительные крик*и*:
«Живи вовеки, кесарь наш велик*ий*!»

(Л. А. Мей. Цветы)

[7] *М. И. Матусевич.* Русское литературное произношение. Л., 1953, стр. 24.

[8] *И. Г. Голанов.* Основные положения русской орфоэпии.— «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», 1960, № 148. Рус. яз., вып. 10, стр. 19.

[9] *Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева.* Современный русский литературный язык. 2 изд. Ростов-на-Дону, 1968, стр. 224; *К. С. Горбачевич.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1970, стр. 98; *В. Ф. Косович.* К вопросу о произношении отдельных грамматических форм. «Материалы VIII научно-методической конференции преподавателей (7—9 апреля 1970). Тезисы докладов». Кустанай, 1970.

вместо *-ий* было бы написано *-ой*. Так же произносятся фамилии на *-ский*. Под влиянием правописания в настоящее время широко развито произношение [к'ий], [г'ий], [х'ий] с мягкими [к], [г], [х]... Однако такое произношение, в особенности в словах разговорного, обиходно-бытового языка, еще нельзя считать соответствующим орфоэпической норме» [10]. И спустя немногим более 20 лет: «Под влиянием правописания в нашей обиходно-бытовой, производственной и общественной практике господствующим стало произношение [к'иі], [г'иі], [х'иі] с мягкими [к], [г], [х]: высо́[к'иі], у́з[к'иі], то́н[к'иі]... Именно это произношение, свойственное в настоящее время нейтральному стилю в его свободной разновидности, и следует считать орфоэпическим. Произношение звон[къі], стро[гъі], ти[хъі] приобрело ту или иную стилистическую окраску, сниженную, просторечную (например, в речи старшего поколения коренного московского простого люда) или архаизированную (например, в речи представителей старшего поколения московской интеллигенции)» [11].

Так оценивается современная норма в общелитературном языке.

Обратимся теперь к работам исследователей сценической речи. И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, наблюдавшие за речью актеров ряда московских театров, о произношении *г*, *к*, *х* перед безударным окончанием прилагательных *-ий* пишут: «В основном в театре держится относительно устойчиво старое произношение с твердыми, несмягченными задненебными. Примеры можно было бы привести из любой пьесы в любом театре, в котором мы были. Эту норму в общем одинаково выдерживают и старые и молодые актеры... Наряду с этим имеются и отступления» [12].

Е. П. Танская (анализируя сценическую речь актеров Красноярского драматического театра им. Пушкина) отмечает, что в театре преобладает мягкое произношение заднеязычных согласных [г], [к], [х] в формах им. и вин. падежей прилагательных муж. р., а также в фамилиях на

---

[10] *Р. И. Аванесов.* Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 103—104.

[11] *Р. И. Аванесов.* Русское литературное произношение. 5 изд. М., 1972, стр. 155.

[12] *И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров.* О сценическом произношении в московских театрах. «Вопросы культуры речи». М., 1955, вып. 1, стр. 149.

-ский, «т. е. произношение, соответствующее написанию и широко распространенное в обычной несценической речи. Наряду с этим в речи некоторых актеров (старшего поколения и молодых) эти формы звучат в соответствии со старыми московскими нормами с твердыми согласными [г], [к], [х], за которыми следует гласный среднего ряда среднего подъема [ъ] (иногда более склонный к [ы], а иногда к [а]). Такое произношение не строго выдержано даже в речи одного и того же актера» [13].

В. Е. Гольдин, записавший сценическое произношение в Саратовском ТЮЗе, говорит о том, что в речи актеров варианты произношения прилагательных с основой на заднеязычный находятся «в случайном распределении» (-[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й — в речи одних, -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й — в произношении других)» [14].

Среди преподавателей сценической речи театральных вузов нет единого мнения о произношении прилагательных м.р.им. и вин. падежей ед. ч. с основой, оканчивающейся на заднеязычный согласный. Е. Ф. Саричева в 1955 гг. писала: «Имена прилагательные, имеющие окончание -гий, -кий, -хий, произносятся с мягкими г, к, х: *краткий*, *громкий*, *ветхий*. В литературном языке встречается еще произношение этих окончаний по старой московской норме: -гый, -кый, -хый, то есть с твердым г, к, х» [15]. И. П. Козлянинова придерживается другого взгляда. В ее работах 1967 г. читаем: «Прилагательные мужского рода единственного числа, оканчивающиеся на безударные окончания *-гий*, *-кий*, *-хий*, произносятся так, как если бы было написано *-гой*, *-кой*, *-хой*» [16]. В ответе на анкету по современному сценическому произношению И. П. Козлянинова пишет: «Нормой мы считаем твердое произношение прилагательных на -к и й, -г и й, -х и й (мелкъй, тихъй, долгъй) и фамилий на -с к и й (Чайков-

---

[13] *Е. П. Танская.* О сценическом произношении в Красноярском драматическом театре им. А. С. Пушкина. «Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории». Красноярск, 1967, стр. 5—6.

[14] *В. Е. Гольдин.* Из наблюдений над вариантностью сценического произношения. «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 193—194.

[15] *Е. Ф. Саричева.* Сценическая речь. М., 1955, стр. 91.

[16] *И. П. Козлянинова.* Орфоэпия в театральной школе. М., 1967, стр. 38.

скъй, Белинскъй). Твердое произношение, кроме того, что красивее, способствует лучшему «посылу» звука» [17].

Здесь же уместно будет привести мнение одного из артистов по этому вопросу. Замечательный советский актер, мастер художественного слова и педагог, воспитавший не один десяток талантливых чтецов, В. Н. Аксенов в 1954 г. писал: «Окончание прилагательных *ий*, стоящее после *г* и *к* (последняя буква основы слова), должно произноситься твердо, как *ый* (*хорошенькый*, *горькый*, *московскый*, *убогый*, *длинноногый*)» [18].

Таковы основные соображения специалистов по сценическому произношению. Обратимся теперь к фактическому материалу.

По нашим наблюдениям, прилагательные м. р. с основой на заднеязычный согласный в ед. ч. в им. и совпадающем с ним вин. падеже произносятся почти одинаково часто как с твердым заднеязычным согласным (то есть сохраняют старомосковское звучание -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й), так и со смягченным (то есть современный вариант -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й) с некоторым преобладанием старомосковского произносительного варианта: 59% (или 477 прилагательных) с твердым заднеязычным и 41% (335 прилагательных) с мягким.

Собранный нами материал показывает, что старомосковский вариант произношения окончаний прилагательных более последовательно сохраняется в Москве (64% слов с твердым заднеязычным и 36% с мягким), а из московских театров на первом месте стоит Малый (90% прилагательных на -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й и лишь 10% на -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й), затем МХАТ (72% с твердостью и 28% с мягкостью *г*, *к*, *х*) (см. таблицу 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что в московских театрах процент слов, произнесенных по традиционной норме, выше, чем в ленинградских и в театрах других городов. Это можно показать следующей таблицей (см. табл. 2).

Употребляется ли на сцене традиционный произносительный вариант в качестве средства стилизации? Чтобы проверить это предположение, сравнивалось произношение, записанное в спектаклях из современной жизни (то

[17] «Русская речь», 1967, № 1, стр. 44.

[18] *В. Н. Аксенов*, Искусство художественного слова. М., 1954, стр. 72.

Таблица 1

Произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* по театрам

	твердый заднеязычный	мягкий заднеязычный
Малый театр	90%	10%
МХАТ	72%	28%
Театр им. Маяковского	58%	42%
Театр им. Моссовета	52%	48%
Центральный театр Советской Армии	50%	50%
Театр им. Вахтангова	45%	55%
Театр сатиры	43%	57%
Центральный детский театр	43%	57%
Ленинградский Большой драматический театр им. Горького	35%	65%
Ленинградский театр драмы им. Пушкина	30%	70%
Куйбышевский драматический театр	30%	70%
Горьковский театр драмы	25%	75%

Таблица 2

Произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* в московских и немосковских театрах

	твердый заднеязычный	мягкий заднеязычный
Московские театры	64%	36%
Театры других городов	35%	65%

есть периода после 1917 г.) и в спектаклях из жизни XVIII, XIX вв. и дореволюционного периода нашего века. Эти сопоставления показали, что в ряде театров старомосковское произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* наиболее последовательно используется в русских классических спектаклях и в спектаклях из жизни прошлых веков. Например, в Малом театре старомосковское произношение наблюдалось в 97% прилагательных, в МХАТе — в 85%, в Центральном детском театре — в 83%, в Ленинградском Большом драм. театре — в 80%, в Театре им. Вахтангова — в 70%. В большинстве же обследованных театров произношение прилагательных с твердым заднеязычным звучит так же часто, как и с мягким или же последнее преобладает.

В спектаклях современного репертуара лишь в двух театрах чаще встречается твердое произношение: в Малом

(81% — [къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й и 19% -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й) и в МХАТе (76% твердости и 24% мягкости). В остальных же театрах чаще наблюдается мягкость заднеязычного. Например, в Театре сатиры в 43% окончаний прилагательных отмечено традиционное произношение и в 57% — современное, в Театре им. Вахтангова и в ЦТСА в 41% случаев традиционное и в 59% — современное произношение, в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола в 33% прилагательных традиционное и в 67% — современное, в Ленинградском театре драмы им. Пушкина 31% твердости заднеязычного согласного и 69% — мягкости, в Куйбышевском драм. театре 30% твердости и 70% мягкости, в Центральном детском театре 27% прилагательных с окончанием -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й и 73% — с окончанием -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й.

В переводных спектаклях наблюдается довольно пестрая картина, однако в среднем частота употребления традиционной нормы в произношении окончаний прилагательных после заднеязычных согласных основы почти не отличается от частоты употребления современного их произношения (49% с -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й и 51% с -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й).

В этом же плане можно рассмотреть и сценическую речь отдельных актеров.

Некоторые артисты используют старомосковское произношение окончаний прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* в качестве средства для стилизации речи в спектаклях из жизни прошлых веков. Например, артистка ЦТСА Л. И. Касаткина в современном спектакле А. Салынского «Барабанщица» и кинофильме «Укротительница тигров» произносит: ма́лень[к'и]й, комсомо́льс[к'и]й билет, на кронста́дтс[к'и]й лед, т. е. использует современный вариант. В спектакле же У. Шекспира «Укрощение строптивой»— дворя́нс[къ]й герб. У артиста Горьковского драм. театра, работавшего прежде в Воронеже, С. П. Ожигина в спектакле В. Кораблинова «Алексей Кольцов» мы слышим: Бели́нс[къ]й. В современном спектакле И. Шведова «Третий новый год» он произносит: го́рь[к'и]й хлеб.

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих театрах есть артисты, у которых отмечено только произношение -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й, например: одино́[къ]й человек, вели́[къ]й Омар (Хайям), век практи́чес[къ]й у Е. П. Велихова (Малый театр), московс[къ]й стол, ве-

ли́[къ]й хирург, ру́сс[къ]й, жесто́[къ]й, готи́чес[къ]й у Б. Н. Ливанова (МХАТ), чу́т[къ]й народ, э́да[къ]й садик, гига́нтс[къ]й у Г. П. Менглета (Театр сатиры), же́нс[къ]й день, режиссёрс[къ]й сюрприз, лёг[къ]й отжим у Ю. М. Авшарова (Театр сатиры), цыга́нс[къ]й табор, сла́д[къ]й виноград, вели́[къ]й поэт у В. П. Полицеймако (Ленинградский Большой драм. театр им. Горького), дру́жес[къ]й совет, америка́нс[къ]й миллионер, на челове́чес[къ]й голос, вся́[къ]й дурак у Н. Кузьмина (Куйбышевский драм. театр).

В детских радиопередачах наибольшей последовательностью в употреблении образцового произношения окончаний прилагательных отличается артист Н. В. Литвинов. Нами не отмечено ни одного случая современного произношения: звóн[къ]й звук, звóн[къ]й характер (радиоволшебник в передаче «Радионяня»), бе́лень[къ]й хвостик, ма́ленъ[къ]й старичок, хоро́шень[къ]й, шестино́[гъ]й конь, высо́[къ]й лес (в сказках В. Бианки и рассказах В. Осеевой), ма́йс[къ]й жук (в сказке Г.-Х. Андерсена «Дюймовочка»), длинноно́[гъ]й страус, африка́нс[къ]й лес (в сказке Л. Васильевой «Страусенок Роки»), мой ма́ленъ[къ]й друг (сказочник в передаче «Сказка за сказкой»).

Такого же произношения придерживаются и многие другие артисты, занятые в детских передачах: ма́ленъ[къ]й страусенок, африка́нс[къ]й лес (З. Бокарева в сказке Л. Васильевой «Страусенок Роки»), длинноно́[гъ]й страус (Ю. Юльская в той же сказке), вся́[къ]й знает, жа́л[къ]й вид (И. Потоцкая в передаче «Проделки Братца Кролика» по Дж. Харрису), мой мальчик ти́[хъ]й (Н. Нурм в сказке Д. Самойлова «Слоненок пошел учиться») и т. д.

В произношении многих артистов как старшего поколения, так и молодых, наблюдаются оба варианта произношения [19]: Ча́ц[къ]й, вся́[къ]й день, англи́йс[къ]й, неме́ц[къ]й посланник и французс[к'и]й посланник у И. В. Ильинского (Малый театр), моско́вс[къ]й дом, до́л[гъ]й разговор, э́да[къ]й, вся́[къ]й дурак и э́та[к'и]й мираж, полице́йс[к'и]й у А. Н. Грибова (МХАТ); бра́тс[къ]й привет, Рже́вс[къ]й и Моско́вс[к'и]й Художественный театр, тво́рчес[к'и]й разговор, ма́ленъ[к'и]й у Ю. В. Яковлева (Театр

[19] То же явление отмечали и исследователи сценической речи городов Красноярска и Саратова Е. П. Танская и В. Е. Гольдин. См. их работы, указанные выше.

им. Вахтангова), ти́[хъ]й чуланчик, ми́лень[къ]й, моло́день[къ]й и цыга́нс[к'и]й барон у В. В. Ванина (Театр им. Моссовета], Ленингра́дс[къ]й университет и в партиза́нс[к'и]й край, на моско́вс[к'и]й почтамт у Л. Н. Свердлина (Театр им. Маяковского), ма́лень[къ]й и тропи́чес[к'и]й, субтропи́чес[к'и]й климат у М. Г. Куприяновой (Центральный детский театр), далё[къ]й вечер и то́н[к'и]й человек, пло́с[к'и]й, стамбу́льс[к'и]й табак, Достое́вс[к'и]й у Е. З. Копеляна (Ленинградский Большой драм.театр), Тро́ц[къ]й и англи́йс[к'и]й, францу́зс[к'и]й, италья́нс[к'и]й, пролета́рс[к'и]й привет у Г. С. Демурова (Горьковский драм. театр). Немало артистов, у которых наблюдается только современное звучание окончаний анализируемых прилагательных: лёг[к'и]й, дальнозо́р[к'и]й, ма́лень[к'и]й Стэнли у Р. Я. Плятта (Театр им. Моссовета), амурс[к'и]й берег, ле́нинс[к'и]й союз, вели́[к'и]й реалист, Достое́вс[к'и]й, Станисла́вс[к'и]й у М. А. Ульянова (Театр им. Вахтангова), широ́[к'и]й читатель, францу́зс[к'и]й, англи́йс[к'и]й, неме́ц[к'и]й посланник, сове́тс[к'и]й человек у И. О. Горбачева (Ленинградский театр драмы им. Пушкина), первома́йс[к'и]й, Кова́льс[к'и]й, Зна́менс[к'и]й у Г. Я. Мартынюка (Московский драм. театр на Малой Бронной), Серёгинс[к'и]й экскава́тор, как ма́лень[к'и]й, ре́д[к'и]й день, ру́сс[к'и]й романс у Т. В. Дорониной (Ленинградский Большой драм. театр), бли́з[к'и]й человек, ма́лень[к'и]й, ры́жень[к'и]й мальченка у А. Б. Фрейндлих (Театр им. Ленсовета).

Зависят ли сдвиги в произносительных нормах от возрастного фактора? С этой целью было проанализировано произношение артистов трех поколений: старшего (от 70 до 85 лет), среднего (от 35 до 50 лет) и младшего (выпускники театральных вузов и студий и артисты, проработавшие в театре не более пяти лет). Артисты выбирались произвольно по одному, по два, иногда по три человека от каждого театра или школы-студии, всего по 12 человек в каждой возрастной группе.

У артистов старшего поколения в прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* на твердое произношение заднеязычных согласных приходится 81% и лишь 19% на мягкое. В этой группе исследовалось произношение следующих артистов: Н. А. Белевцевой и М. И. Жарова (Малый театр), А. Н. Грибова и М. М. Яншина (МХАТ), Р. Н. Симонова и А. А. Орочко (Театр им. Вахтангова), О. Н. Абдулова

(Театр им. Моссовета), М. И. Бабановой (Театр им. Маяковского), С. В. Гиацинтовой (Московский театр им. Ленинского комсомола), Б. П. Чиркова (Театр им. Гоголя), М. С. Неймана (Центральный детский театр) и Н. К. Симонова (Ленинградский театр драмы им. Пушкина).

У артистов среднего поколения мягкое произношение заднеязычных согласных в прилагательных такого рода очень велико: на твердость приходится лишь 21% всех отмеченных случаев, на мягкость — 78%. В этой группе артисты Н. В. Подгорный (Малый театр), Л. Ф. Золотухин (МХАТ), М. А. Ульянов (Театр им. Вахтангова), Е. Н. Козырева (Театр им. Маяковского), Л. И. Касаткина (Центральный театр Советской Армии), И. В. Кваша (Театр «Современник»), В. А. Андреев (Театр им. Ермоловой), А. А. Миронов (Театр сатиры), Г. М. Печников (Центральный детский театр), О. В. Басилашвили (Ленинградский Большой драм. театр), И. О. Горбачев (Ленинградский театр драмы им. Пушкина) и А. Б. Фрейндлих (Театр им. Ленсовета).

В произношении самых молодых артистов твердость заднеязычных лишь незначительно преобладает: 53% твердости и 47% мягкости. По-видимому, это объясняется тем, что на студентов и на молодых актеров еще оказывают влияние орфоэпические навыки, полученные на занятиях в театральной школе. Артистическая молодежь представлена артистами Центрального детского театра Н. И. Олеиевой, Г. И. Михальцевой и М. В. Жигаловым, студентами старших курсов Школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТе, Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, Горьковской школы-студии и Школы-студии при Центральном детском театре.

Если сопоставить произношение выпускников Школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко и Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, то увидим, что в дипломном спектакле москвичей в прилагательных мужского рода звучит только твердый заднеязычный (высо́[къ]й, неме́ц[къ]й, чу́т[къ]й слух), а у ленинградских выпускников только мягкий (вся́[к'и]й раз, ва́рварс[к'и]й обычай). Сравним эти факты с данными, приведенными выше: в московских театрах процент твердости намного выше, чем в ленинградских. Это еще раз подтверждает, что на московской сцене крепче держатся традиционные произносительные нормы.

Для наглядности описанное выше можно представить в виде таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3

Произношение прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* по возрастным группам

	твердый заднеязычный	мягкий заднеязычный
Старшее поколение	81%	19%
Среднее поколение	21%	79%
Младшее поколение	53%	47%

Интересные результаты дало сравнение анализируемого материала по годам. Полученные результаты были сведены в таблицу (см. табл. 4).

Таблица 4

Произношение прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* по годам

Годы	твердый заднеязычный	мягкий заднеязычный
1930-е	71%	29%
1940-е	72%	28%
1950-е	73%	27%
1960-е	56%	44%
1970-е	40%	60%

Как видим, процент твердого произношения заднеязычных согласных в 30—50-х годах оставался довольно высоким, а начиная с 60-х годов постепенно понижается. Если обратиться к трудам лингвистов по орфоэпии, то заметим, что именно с 50—60-х годов твердое произношение начинает сдавать свои позиции, мягкий вариант стал также признаваться литературным.

Сценическое произношение актеров сравнивалось с несценическим, то есть с произношением, лишенным какой бы то ни было стилизации. Такое сопоставление показало, что в несценической речи актеров также преобладает старомосковский вариант произношения прилагательных м.р. с конечным заднеязычным согласным основы в формах им. и вин. падежей ед. ч. (66% твердости и 34% мягкости). Однако даже у артистов, использующих на сцене только традиционный вариант, в нестилизованной речи встре-

чается современный, т. е. вариант с мягкими заднеязычными согласными.

Е. Д. Турчанинова говорила, что «очень режет ухо, когда говорят книжно, как написано: ...маленький, беленький — вместо маленькый (среднее между А и Ы)...» [20]. И действительно, в ее сценической речи отмечалось только старомосковское произношение: бе́днень[къ]й, ми́лень[къ]й, жанда́рмс[къ]й ротмистр. Однако в нестилизованной речи встретился и современный вариант: Осту́жевс[к'и]й.

Мягкое произношение заднеязычного согласного изредка встречается в нестилизованном произношении и у других артистов. Одна из старейших актрис Малого театра Е. М. Шатрова в частной беседе высказалась за сохранение на сцене твердости заднеязычного в прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий*. В сценическом произношении у нее наблюдается твердость: Горе́ц[къ]й, ни́з[къ]й человек и т. д. В нестилизованном же произношении этой актрисы наблюдались оба варианта, старомосковский и современный: Го́рь[къ]й, не вся́[къ]й наблюдал, Петро́вс[къ]й и ру́сс[к'и]й драматург, Станисла́вс[к'и]й, а фамилия драматурга *Островский* прозвучала в двух вариантах: Остро́вс[къ]й и Остро́вс[к'и]й.

У другого артиста Малого театра В. И. Хохрякова, в стилизованном и нестилизованном произношении которого обычны варианты на -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й, в нестилизованном встретился случай с вариантом -[к'и]й: акаде́мичес[к'и]й хор.

В других театрах также есть артисты, у которых в сценической речи наблюдается лишь старомосковское произношение, а в нестилизованном изредка звучит и современное: в МХАТе у В. И. Качалова (Вро́нс[к'и]й наряду с произношением Вро́нс[къ]й, коро́т[къ]й хвост), в Театре им. Вахтангова у Р. Н. Симонова (Станисла́вс[к'и]й, в сценической речи — Ле́нс[къ]й, Ве́тринс[къ]й, вели́[къ]й дар), в Ленинградском театре драмы им. Пушкина у В. В. Меркурьева (Станисла́вс[к'и]й, в сценической речи — вся́[къ]й день, сове́тс[къ]й ангел, рожде́ственс[къ]й пирог, чу́т[къ]й). У актрисы Театра им. Маяковского Е. Н. Козыревой в спектакле Еврипида «Медея» отмеча-

[20] «Евдокия Дмитриевна Турчанинова. Сборник статей». Под общей редакцией Ю. С. Калашникова. М., 1959, стр. 65.

лось традиционное произношение (ни́з[къ]й), в нестилизованной речи — современное (де́рз[к'и]й художник, ру́сс[к'и]й народ и т. д.). В нестилизованном произношении артиста Центрального детского театра М. С. Неймана встретился вариант с мягкостью заднеязычного согласного (вся́[к'и]й авторитет), в сценическом — только с твердостью (вели́[къ]й психиатр, за вся́[къ]й год).

Думается, что старомосковское произношение неплохо сохраняется на сцене благодаря тому, что различия в звучании -[к'и]й, -[г'и]й, -[х'и]й и -[къ]й, -[гъ]й, -[хъ]й отчетливо слышны и обычно хорошо воспринимаются даже не натренированным ухом.

М. В. Панов писал: «Нам кажется верной рекомендация сохранять произношение *креп*[*къй*], *стро*[*гъй*], *вет*[*хъй*] (им. муж.) в театре, телевидении, на радио. Оно встречается в живой речи (пусть значительно реже, чем произношение *креп*[*к'ий*], *стро*[*г'ий*], *вет*[*х'ий*]). Оно, еще бытующее в обыденной речи, не может вызвать недоумения и на сцене. Слушатель оценивает его как стилистическую примету публичной, сценической речи» [21].

К. С. Горбачевич, признавая, что «твердое произношение заднеязычных [к], [г], [х] (т. е. произношение ти[хъй], дол[гъй], широ[къй]) сохраняется сейчас только в речи старшего поколения и на сцене» и что «в театре это произношение не только сохраняют, но и культивируют», утверждает: «Однако есть все основания считать, что именно мягкому произношению (*кре́пкий*, *стро́гий*, *ти́хий*), а не твердому (кре́п[къй], стро́[гъй], ти́[хъй]) — принадлежит будущее» [22].

Проведенное исследование показывает, что мягкое произношение заднеязычных перед окончанием *-ий* в прилагательных все больше проникает в сценическую речь, очевидно, со временем оно укрепится в ней. Однако традиционное произношение по-прежнему будет необходимо на сцене для постановки классических пьес и для соблюдения точной рифмы в стихах русских классиков.

---

[21] *М. В. Панов.* О русской орфоэпии.— РЯНШ, № 3, 1971, стр. 13.

[22] *К. С. Горбачевич.* Указ. соч., стр. 98.

ОБ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ *РА́ЗВИТЫЙ — РАЗВИ́ТЫЙ — РАЗВИТО́Й*

С. Н. Борунова

Словарями современного русского литературного языка в некоторых случаях страдательные причастия прошедшего времени на *-т-* (образованные от приставочных глаголов с подвижным ударением, имеющих исконно односложную основу) противопоставляются в акцентологическом плане адъективированным отглагольным образованиям: *нали́тый — налито́й*, *испи́тый — испито́й*, *сня́тый — снято́й*, *за́нятый — занято́й*, *зави́тый — завито́й*, *ра́зви́тый — развито́й*, *о́бжи́тый — обжито́й*. Флективное ударение, рекомендуемое современными словарями для прилагательных, в поэзии XIX в. было и для причастий таким же обычным, как корневое или префиксальное:

...С кружкой, пивом *налито́ю*,
И с цигаркою в зубах
(А. С. Пушкин. Послание к Наталье. 1814);

Хлеб слаще *на́житый* трудом
(И. А. Крылов. Цветы. 1816)[1];

Он бежит себе в волнах
На *подня́тых* парусах
(А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане...)

В «Словаре Академии Российской»[2] (1806—1822) флективное ударение дается для трех из рассматриваемых слов:

1. «налиты́й... Наполненный чем жидким или каким соком».

2. «испито́й... *простонародн.* Употребляемое к означению крайне изнуренного человека».

3. «занятый: 1) Взятый в дом. 2) Говоря о пространстве каком или о сосудах: наполненный чем. 3) Упражненный или озабоченный».

Слово *испито́й* полностью совпадает по значению с прилагательным в современном языке, слова *налитый* и

[1] Эти два примера цитируются по: *Л. А. Булаховский.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 238, 239.

[2] Словарь Академии Российской. СПб., 1806—1822.

занятый́ — в одном из своих значений (*налитый́* — «наполненный... каким соком», то есть «полный, сочный» — по Ожегову [3]; *занятый́* — «упражненный или озабоченный», то есть «лишенный досуга, свободного времени вследствие множества дел, работы» — по Ушакову [4]). В других значениях слова *налитый́* и *занятый́* соответствуют современным причастиям.

Для глаголов *обжить* и *завить* в этом словаре склоняемые формы не приводятся, а слова *сня́тый* и *разви́тый*, снабженные корневым ударением, сопровождаются толкованиями, характеризующими их как причастные формы в современном понимании: «*развитый*... Раскрученный, расплетенный, рассученный» и «*снятый*... с высоты взятый, спущенный» и т. д.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847—1867) по сравнению с предшествующим Академическим словарем новым для рассматриваемых слов является включение склоняемых форм от глаголов *обжи́ть* и *зави́ть*. Причастие *обжитый́* дается с флективным ударением в полной форме, а *зави́тый* — с корневым. Форма *завитый́* с ударением на окончании представлена как прилагательное, имеющее то же значение, что и причастие *зави́тый*.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1939) отмечается варьирование ударения в причастиях *обжито́й — обжи́тый*, *завито́й — зави́тый*. При этом разговорным в одном случае считается флективный вариант — *завито́й*, а в другом корневой — *обжи́тый*. Грамматикализованы эти акцентологические варианты (на наш взгляд, необоснованно) позднее — в словаре «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959). Варианты ударения, как нам кажется, можно только тогда связывать в нормативном плане с различными грамматическими разрядами слов, в данном случае с причастиями или прилагательными, когда на лексическом уровне возможно установить различия в их значениях. Ни в одном современном толковом словаре эти различия для пар *обжито́й — обжи́тый*, *завито́й — зави́тый* не сформулированы.

---

[3] *С. И. Ожегов.* Словарь русского языка. М., 1973.
[4] *Д. Н. Ушаков.* Толковый словарь русского языка, т. I. М., 1935.

Впервые прилагательные *снятóй* и *развитóй* с флективным ударением и соответствующими толкованиями, отличающими их от причастий, появляются в словаре Д. Н. Ушакова. *Снятой* предлагается использовать только как термин в словосочетании *снятóе молоко*. Прилагательное *развитóй*, имеющее несколько значений, отличается от причастия формально не только ударением в полной форме, но и в краткой: *развитóй*, *-áя*, *-óе*; *рáзвит*, *-итá*, *рáзвитó* (прилагательное) и *развúтый*, *-ая*, *-ое*; *-вúт*, *-витá*, *-вúто* (причастие). В краткой форме мужского рода прилагательное имеет префиксальное ударение, а причастие — корневое.

Во втором издании словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» впервые рекомендуется в краткой форме причастия ударение на приставке — *рáзвит* как вариант литературной нормы наряду с корневым — *развúт*.

Словарями, вышедшими в последнее время («Словарем для работников радио и телевидения» под редакцией Д. Э. Розенталя. М., 1970 и словарем-справочником «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича. Л., 1973), префиксальное ударение как нормативное распространяется и на полную форму причастия в некоторых его значениях.

Появление префиксального ударения *рáзвитый* в прилагательном и причастии поддается объяснению. «В системе ударения современного русского языка... существенное влияние на изменение нормы оказывает фактор аналогии. С его воздействием связано постоянное появление новых вариативных отношений» [5]. Фактору аналогии современный язык обязан и возникновением префиксального ударения в рассматриваемых словах. С одной стороны, в полной форме оно поддерживается таким же ударением в кратких формах этих причастий и прилагательных (*рáзвит*, *рáзвито*, *рáзвиты*, кроме формы женского рода), с другой — акцентологической моделью, характерной для глаголов с подвижным ударением (производных от исконно односложных).

---

[5] *К. С. Горбачевич.* Отбор и характеристика акцентологических вариантов в словарях современного русского языка. «Современная русская лексикография». Л., 1975, стр. 108.

Для причастий от глаголов этой группы ударение на приставке обычно в современном языке. Как правило, причастие совпадает по ударению с формой глагола прошедшего времени мужского рода, а варьируется ударение в причастии тогда, когда оно варьируется в указанной форме: *на́чал — на́чатый — на́чат*, *за́нял — за́нятый — за́нят*, *на́ли́л — на́ли́тый — на́ли́т*, *про́ли́л — про́ли́тый — про́ли́л* и т. д. Глагол же *разви́ть* не имеет в своей парадигме префиксального ударения *ра́звил*. Для современного языка оно не зафиксировано в наших материалах даже как отступление от литературной нормы. В то же время ударение на приставке для кратких форм прилагательных и причастий принято как нормативное современными словарями.

Ни одним примером префиксального ударения в полной или краткой форме рассматриваемого причастия или прилагательного для XIX в. мы, к сожалению, не располагаем, хотя для причастных форм от других глаголов с подвижным ударением оно очень характерно:

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свежей росою;
Легкою тканию стан белоснежный
О́бвит, как легкою мглою.

(Мей. Свитезянка).

Только пример из «Песен западных славян» А. С. Пушкина, по-видимому, подтверждает существование префиксального ударения в парадигме глагола *развить*. В соответствии с требованиями эпохи ударным мог быть только русифицированный вариант приставки *роз-*:

Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому, что мне жить уж недолго».
Тут широкий *розвил* он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня,— молвил,— ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю».

(А. С. Пушкин. Марко Якубович).

Размер стиха не позволяет с полной уверенностью восстанавливать приставочное ударение в глаголе *ро́звил* как единственно возможное (в строке «Тут широкий розвил он пояс» меньше на один слог, чем в других строках

стиха), но для орфографии XIX в. было характерно совпадение в русском варианте приставки написания с произношением. В «Словаре Академии Российской» (1806—1822), например, приведены формы, отличающиеся одновременно и ударением и орфографией: *распива́ть — ро́спил* и *разлива́ть — разли́л*. Но если есть форма *ро́звил*, вероятна и форма *ро́звитый*. Правда, стилистические требования накладывают известные ограничения на употребление такого причастия. Функциональная принадлежность причастий вообще высокому стилю не сочетается с русской (разговорной) огласовкой префикса *ро́з-*. Поэтому только в современном языке, когда произошла стилистическая нейтрализация приставки *раз-*, стало возможно префиксальное ударение в причастии и прилагательном *ра́звитый*.

В нормативных нетолковых словарях современного русского языка (Р. И. Аванесова, К. С. Горбачевича, Д. Э. Розенталя) вариант прилагательного *ра́звитый* сопровождается запретительными пометами. Наличие его в словарях даже в такой форме знаменательно. Это отклонение от идеальной кодифицированной нормы достаточно широко вошло в современное словоупотребление [6].

Только три из рассматриваемых прилагательных (*налито́й*, *снято́й*, *испито́й*), не имеющие кратких форм, в современном языке не испытывают колебаний в ударении и последовательно противопоставлены в акцентологическом плане причастиям, мотивированным глаголами *нали́ть* (*нали́тый*), *снять* (*сня́тый*), *испи́ть* (*испи́тый*). Остальные же, образующие краткую форму с ударением на приставке, нередко допускают в речи акцентологические варианты, не связанные с отнесенностью слова к причастиям или прилагательным: *занято́й* и *за́нятый*, *обжито́й* и *о́бжи́тый*, *завито́й* и *за́ви́тый*.

Как показывает «экскурс» в историю вопроса, грамматикализованное ударение не имеет длительной традиции. В XIX в. на общем фоне колебаний в ударении причастия и прилагательные не обнаружили акцентологических различий. Проявилась тенденция к формальному разграни-

---

[6] Семилетний ребенок сказал мне, что ему известно только слово *ра́звитый*, он его слышит часто, а слова *развито́й* он не знает, и предположил, что это старое слово. Позже он поправил свою бабушку, употребившую флективный вариант ударения.

чению у рассматриваемых слов только в XX в. Но и в современном языке она не имеет достаточной силы.

В настоящей работе делается попытка дать нормативную оценку вариантам ударения в прилагательных и причастиях *развитóй — рáзвитый — развúтый.*

При различении собственно причастий и причастий, перешедших в прилагательные, мы опираемся на следующий семантический принцип [7].

Причастие обычно обозначает как признак тот процесс, который назван глаголом: *ум, развитый работой* — это *ум, который развили работой*; *скорость, развитая тепловозом* — это *скорость, которую развил тепловоз*; *мысль, развитая автором* — это *мысль, которую развил автор*; *промышленность, развитая в этих странах* — это *промышленность, которую развили в этих странах.*

Если лексическое значение расширяется, то можно говорить о переходе причастия в прилагательное. В словаре Д. Н. Ушакова приведены два значения прилагательного *развитóй*: 1. «духовно зрелый, просвещенный и культурный» (очень развитой юноша) и 2. «значительных размеров, достигший высокой степени развития, разросшийся»... (развитая промышленность).

Семантический принцип (если считать его состоятельным и достаточным в данном случае) позволяет оценить критически иллюстративный материал некоторых словарей. Так, по Горбачевичу, в предложении «*Олег, развитóй не по летам,.. легко разговорил и без того словоохотливую и молодую Варвару Дмитриевну*» слово *развитóй* — прилагательное, а в предложении «*Самые любопытные остались: что-то, мол, еще скажет этот несомненно разносторонне рáзвитый марксист*» слово *рáзвитый* — причастие. По Ушакову, в предложении «*Человек он весьма деликатный, с добрым сердцем, с развúтым умом*» лексема *развúтым* — причастие.

---

[7] Такой подход принят в лингвистике наряду с грамматическим. Ср.: Современный русский язык. Морфология. М., 1954; *В. В. Лопатин.* Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию.— ВЯ, 1966, № 5; *Л. П. Калакуцкая.* Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971; *И. К. Сазонова.* Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения (на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида). Автореф. канд. дис. М., 1975. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

На наш взгляд, во всех этих случаях представлены прилагательные со значением «духовно зрелый, просвещенный, культурный», имеющие разные ударения: флективное — *развит́ой* (*не по летам*), префиксальное — (*разносторонне*) *рáзвитый* (*марксист*) и корневое — (*человек с*) *разви́тым* (*умом*).

Противоречивость имеющихся в словарях интерпретаций иллюстративного материала не только показывает сложность проблемы различения собственно причастий и адъективированных отглагольных образований, но и свидетельствует о расшатывании еще не сложившегося (не окрепшего) принципа грамматикализации ударения в этих словах.

Можно привести другой пример, когда близость лексических значений причастий и прилагательных выступает как один из факторов, порождающих акцентологические варианты.

Теоретически существуют различия между прилагательным *занят́ой* и причастием *зáнятый*, но установление этих различий требует тонкого анализа, порой не доступного не только рядовому носителю литературного языка. Оттенки значений этих слов, по-видимому, нередко несущественны для сообщения. Обе конструкции *человек занят́ой* и *человек, зáнятый делами* выступают в одной речевой ситуации: у человека много дел и мало времени. В «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова для полного прилагательного *занят́ой* дается толкование «имеющий много работы, занятий». Среди же значений глагола *занять* не указан тот процесс, который мог бы взятый как признак определить значение причастия в конструкции *зáнятый делами*. Различия здесь, по-видимому, устанавливаются только на синтаксическом уровне.

Еще сложнее обстоит дело с «опознанием» кратких форм. Краткая форма при прилагательном у Ожегова не дана, зато указана форма *зáнят* для причастия, имеющая значение «не свободен, не имеет времени». Однако глагола *занять* со значением «не иметь времени» нет, поэтому логичнее было бы, на наш взгляд, эту форму приписать прилагательному.

При рассмотрении в нормативном плане вариантов *развит́ой — разви́тый — рáзвитый* мы опирались на материалы картотеки Института русского языка АН СССР и данные проведенного там же эксперимента.

Было опрошено 26 лингвистов. Оказалось, что причастие *развитый* со значением «раскрученный» от глагола *развить*, соотнесенного с глаголом *вить*, в их речи колебаний в ударении не испытывает. Оно сохраняет глагольное ударение на корне: *развúл веревку — развúтая кем-либо веревка.*

Проблема варьирования ударения в причастиях и прилагательных возникает только в связи с образованиями от глаголов, не сопоставимых с глаголом *вить.*

В эксперименте проверялось ударение в причастиях, образованных от глаголов, имеющих такие значения (по Ушакову): 1. «Дать чему-нибудь разрастись, расшириться, помочь чему-нибудь приобрести силу, большие размеры». 2. «Постепенно усиливая, довести до значительной степени». 3. «Предпринять что-нибудь в больших размерах, широко развернуть». 4. «Сделав нужные или возможные выводы из чего-нибудь, распространить, расширить содержание или применение чего-нибудь». 5. «Дать чему-нибудь вырасти, созреть и окрепнуть».

Полученные результаты отражены в таблице.

	ра́з-	-ви́-	-та́я
1. Промышленность, развитая в странах социализма, направлена на мирные цели	23	1	3
2. Скорость, развитая тепловозом	18	5	2
3. Деятельность, развитая во время предвыборной компании	15	4	4
4. Мысль, развитая в работе	20	3	1
5. Мускулатура, развитая тренировкой	15	6	4
Σ	81	19	14

Как видно из таблицы, префиксальное ударение в полных причастиях преобладает, потеснив корневое и флективное. Для причастий в современном языке флективный вариант ударения, распространенный еще в поэзии нача-

ла XX в.[8], по-видимому, можно считать устаревшим. Именно такую оценку он получил у большинства информантов в нашем эксперименте. Корневой вариант оценивался чаще всего как нейтральный.

В прилагательных флективное ударение сохранилось последовательнее, чем в причастиях, но наряду с ним получил широкое распространение вариант *рáзвитый* с ударением на приставке. В нашем эксперименте в речи 22 человек прилагательные имеют два акцентно-морфологических варианта — *развитóй* и *рáзвитый*. При этом у одних информантов выбор варианта не зависит от лексического значения определяемого слова: это может быть *ребенок*, *ум*, *память*, *социализм*, *страна*, *государство*; другие употребляют вариант *развитóй* для прилагательного со значением «духовно зрелый, просвещенный, культурный» при существительных *ум*, *память*, *человек*, *ребенок*, а вариант *рáзвитый* — для прилагательного со значением «значительных размеров, достигший высокой степени развития, разросшийся, крупный, мощный» при лексемах общественно-политического характера: *страна*, *социализм*, *государство*, *капитализм*; третьи обходятся с этими вариантами прямо противоположным образом: *рáзвитый ребенок* и *развитóй социализм*. Трое пользуются только вариантом *рáзвитый*, но считают вполне нормативным и вариант *развитóй*. В употреблении только одного человека ударение в простом прилагательном без пояснительных слов не испытывает колебаний даже в отрицательной форме: *развитóй социализм*, *ребенок*, *неразвитóй ум* и т. д., но сложное прилагательное *высòкорáзвитый*, *слàборáзвитый*, *мáлорáзвитый* и простое прилагательное в сочетании с наречием этот информант произносит все же с префиксальным ударением во всей парадигме: *промышленно рáзвитые страны*, *экономически рáзвитые* и т. д. Вообще в словосочетаниях и сложных словах в речи всех испытуемых часть (-)*развитый* имеет устойчивое ударение на приставке, так как по законам ритмической структуры многосложных слов в русском языке ударение обычно не падает на последние слоги. Таким образом, рекомендация

[8] Знакомы так и верфь, и кубок костяной В руках сановника, принесшего напиток, Что нужно ли читать по небу *развитóй* Меж труб и гениев колеблющийся свиток? (Георгий Иванов. Книжные украшения, I. Петр в Голландии. Сб. «Вереск». М.—Пг., 1916, стр. 68).

орфоэпического словаря (под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова) для сложных прилагательных, как показал эксперимент, находит полное соответствие в речевой практике носителей литературного языка.

Кодифицированное ударение на приставке в сложных словах не только провоцирует такое же ударение в словосочетаниях с наречием *промышленно ра́звитый*, как *сла̀бора́звитый* (проблема различения сложных слов и словосочетаний не получила однозначного решения в лингвистике), но и поддерживает префиксальное ударение в одиночном прилагательном.

В картотеке Института русского языка зафиксированы в прилагательных оба ударения: нормативное — флективное (*развит*о́*й*) и ненормативное — префиксальное (*ра́звитый*). При этом источники, из которых извлечены оба варианта, одинаково авторитетны: это речь крупных политических деятелей, писателей и других представителей творческой интеллигенции. *Ра́звитый* [9] встретилось у И. Сельвинского, А. Суркова, А. Фадеева, В. Пановой, А. Прокофьева, М. Вайсенберга, Г. Юренева, отмечено, наряду с *развит*о́*й* в таких авторитетных изданиях, как «Новый мир», «Звезда», «Юность», в прессе («Советская культура») и в передачах Всесоюзного радио.

В последнее время в официальной речи и в печати («Правда», «Известия») в словосочетании *развитой социализм* преобладает флективное ударение для прилагательного. Какая судьба «уготована» префиксальному и флективному вариантам, покажет время: завоюет ли позиции первый или, может быть, второй закрепится в определенных терминологических сочетаниях? [10]

---

[9] Следует сказать, что мы учитывали примеры не только из стихов, но и из прозаических текстов, в которых словоформа прилагательного *развитый* в именительном падеже оценивалась нами как имеющая ударение на префиксе, то есть *ра́звитый*. Другое произношение с ударением на основе *развито́й*, вытекающее из написания с таким же основанием, как и первое, нами отклонялось, так как оно не имеет распространения в современном словоупотреблении, не зафиксировано в словарях даже с отрицательной оценкой и ни разу не встретилось в эксперименте.

[10] К. С. Горбачевич, например, указывает на такие акцентологически маркированные варианты с точки зрения ограниченности (предпочтительности) сочетаний (*ме́лочный — мелочно́й*, но только: *мелочна́я торго́вля*, *о́бщина — общи́на*, но обычно *о́бщина* в сочетании *палата о́бщин* и *общи́на* — в сочетании: *крестьянская община*...) Указ. соч., стр. 103.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить, по-видимому, только о варьировании ударения в современном словоупотреблении в пределах литературной нормы. Для простых прилагательных допустимым вариантом нормы, на наш взгляд, можно считать префиксальное ударение *рáзвитый*, наряду с предпочтительным флективным — *развитóй* (*ум*, *память*, *государство*, *социализм*). Для причастий от глаголов «непрямого» действия нормативны варианты: префиксальный — *рáзвитый* и менее употребительный корневой — *развúтый*. Не варьируется ударение, как уже сказано, в причастии со значением «раскрученный» от глагола конкретного действия (*развúтая пружина*), а также в сложных прилагательных (*слàборáзвитый*). В словосочетаниях для прилагательного *рáзвитый* предпочтительным оказывается ударение на приставке (*экономически рáзвитый*).

ОЧЕРКИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В. А. Ицкович

4. КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ *ПО*[1]

§ 1. Предлог *по* может сочетаться с существительными в дательном, творительном и предложном падеже[2]. Но судьба конструкций, образованных предлогом *по* в различном значении с разными падежными формами, неодинакова. Одни конструкции допускают свободное заполнение любыми лексемами, другие, напротив, принимают в свои рамки лишь ограниченное количество лексем. Одни конструкции (как одного, так и другого вида) устойчиво удерживают свои позиции в современном литературном

[1] Очерки 1—3 см. в кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, стр. 43—106.

[2] Подробное описание конструкций с предлогом *по* в языке А. С. Пушкина, которое можно считать описанием литературной нормы первой трети XIX в., см. в работе: *А. Д. Григорьева.* К изучению синтаксиса предложного управления в русском литературном языке первой трети XIX в. (употребление предлога *по* в языке Пушкина). «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II. М., 1951.

употреблении, другие выступают как равноправные члены вариантных пар, в иных случаях в таких вариантных парах четко различаются новый, активно расширяющий сферу своего воздействия вариант и вариант рецессивный, угасающий; членами вариантной пары могут быть как разнопадежные конструкции с предлогом *по*, так и конструкция с предлогом *по* и другая предложная или беспредложная конструкция.

§ 2. Способность предлога *по* сочетаться с предложным падежом в современном литературном языке значительно ослаблена.

1. По старой норме существительные и местоимения, зависящие от глаголов *вздыхать*, *горевать*, *грустить*, *плакать*, *скорбеть*, *скучать*, *соскучиться*, *тосковать*, *убиваться*, от существительных *скорбь*, *тоска*, от сочетаний *носить траур*, *быть в трауре* и под., принимали при предлоге *по* форму предложного падежа: Собака воет *по покойнике* (А. И. Свирский. Рыжик); Подсознательная тоска *по* растраченной *молодости* или пущенных по ветру зрелых *годах*... (Н. Яковлев. 1 августа 1914). В. И. Чернышев писал: «При глаголах *горевать*, *печалиться*, *скорбеть*, *скучать*, *тужить*, *тосковать*, *вопить*, *выть*, *плакать*, *реветь*, *сетовать*, *носить траур*, *служить панихиду* и под. употребляется обыкновенно дополнение с вопросом *по ком*», т. е. *по* с предложным падежом. Далее он замечает: «Обороты с дательным встречаются, но редко (*скорбят по погибшим братьям* и под.)» [3]. В настоящее время сочетания с предложным падежом, подобные приведенным выше, встречаются лишь как исключение. Такие конструкции почти полностью вытеснены построениями с дательным падежом. (Следует отметить, что при установлении предпочтительности форм дательного падежа или предложного падежа из рассмотрения исключаются формы местоимений *я*, *ты*, *она*, существительных на *-а* и существительных женского рода типа *кость*, т. е. формы тех слов, у которых названные падежные формы омонимичны.) Распространение дательного падежа иллюстрируют следующие примеры: Вскоре Алеша не на шутку начал тосковать *по нему* (Л. Соболев. Зеленый луч); Тем более странно, что она так убивалась *по мужу* (В. Каверин. Два

[3] *В. И. Чернышев.* Правильность и чистота русской речи.— В кн.: *В. И. Чернышев.* Избранные труды, т. I. М., 1970, стр. 599.

капитана); Граф Пуатье распорядился, чтобы для заупокойной мессы *по усопшему Людовику* X кардиналам отвели церковь при монастыре доминиканцев (М. Дрюон. Негоже лилиям прясть. Перев. с франц.); Не редкость и до сих пор встретить молодую женщину в трауре *по мужу* (В. Каверин. Перед зеркалом). Несколько устойчивее оказывается предложный падеж в конструкциях с местоимениями *мы*, *вы*: Валя плачет. Страшно скучает *по вас* (К. Финн. Ночная Москва); наряду с этим встречается и новая форма: Но я страшно скучал по родине, по тебе и *по всем вам* (А. Г. Вайда. Задание выполнено. Перев. с румын.) Ср: Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю *по вас всех* (*по вам всем*?) (В. Маяковский.— К этому месту в письме сделано шутливое примечание: «Попроси Осю прокорректировать»). «Конструкции с предлогом *по* и предложным падежом после глаголов скорбного чувства,— писал В. В. Виноградов,— являются в современном языке пережитком прошлого. Они не продуктивны. Это синтаксические идиоматизмы» [4].

2. Близка к описываемой конструкция со значением места или объекта действия, в которой предложный падеж местоимений соответствовал, по старой норме, дательному падежу существительных. В XIX в. обязательными были сочетания *по ком*, *по чем*, *по нем*, *по нас*, *по вас*, а сочетания *по кому*, *по чему* и под. отмечались грамматиками как неправильные. «Местоимение личное 3-го лица муж. и средн. рода числа единственного *ему*, также вопросительное *кому* и личные 1-го и 2-го лица, числа множественного *нам*, *вам*, с предлогом *по* неупотребительны; ибо не говорится *по ему*, *по кому*, *по нам*, *по вам*, а употребляется при дательном падеже существительных предложный падеж местоимений: *по нем*, *по ком*, *по нас*, *по вас*; напр. *По ком стреляли*? *По неприятелю. Берег, крут, по нем трудно всходить* (т. е. по берегу)» [5]. Это запрещение сохраняется еще в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова. Но уже Ф. И. Буслаев отмечал, что в местоимениях при предлоге *по* «смешиваются» формы дательного и предложного падежа [6].

---

[4] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М., 1947, стр. 700.
[5] *А. Х. Востоков.* Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 276.
[6] *Ф. И. Буслаев.* Историческая грамматика русского языка, ч. II. М., 1863, стр. 276.

На протяжении XIX — XX вв. идет не завершившийся до настоящего времени процесс уподобления падежа местоимений падежу существительных в подобных конструкциях [7].

В современном литературном языке местоимения *кто*, *что*, *он* по аналогии с падежной формой существительного принимают обычно форму дательного падежа: Есть *по кому* равняться (из газет); До эшелона он не дошел — за болотом *по нему* открыли огонь (В. Каверин. Два капитана); Команды иных судов, пользуясь случаем, прихватывали в кавказских портах то, *по чему* голодал Севастополь (А. Малышкин. Севастополь); Мы свернули направо, на проселок, и проехали *по нему* километра четыре (К. Симонов. Незадолго до тишины); Роман писался с 1823 по 1831 г., и *по нему* можно было проследить процесс движения пушкинского языкового творчества (А. С. Орлов. Язык русских писателей). Встречающиеся иногда формы предложного падежа *по ком*, *по чем*, *по нем* можно считать для современного состояния языка устаревшими.

Местоимение *они* с XIX в. употребляется в форме дательного падежа: Ног не замоча, *по ним* бродили мухи (И. А. Крылов); И пушка грянула *по ним* (М. Ю. Лермонтов).

Местоимения *мы*, *вы* продолжают выступать в описываемых построениях в форме предложного падежа: Несколько человек, положив винтовки на колено, прицеливались *по нас* (Д. Фурманов. Чапаев); Плохая организация труда бьет прежде всего *по нас* (КамАЗ. Сборник.) Формы *по нам*, *по вам*, по-видимому, еще нельзя считать литературной нормой, однако они находятся уже не за пределами нормы, а в «серой зоне», на границе между ненормой и нормой, на что указывают относительно нередкие случаи их употребления в печати (наряду со строгой старой нормой *по нас*, *по вас*): Ударили *по нам* с чердака из пулемета (В. Дягилев. Александр Кадачигов и другие); *По нам* ни разу не выстрелили (Б. Окуджава. Будь здоров, школяр); *По нам* открыли пулеметно-автоматный огонь (Лит. газета, 7 мая 1975); Слева *по нам* очень бил пулемет (Правда, 30 апр. 1974); Когда мы их остановим, они ударят из минометов, в первую очередь *по вам* и по Кожинову (О. Меркулов. Из жизни комбата Ардатова);

[7] Ср.: *В. И. Чернышев.* Указ. соч., стр. 608—609.

Ревизор щипцами пощелкал: побыстрее, мол, вы, конечно, *по вам видать*, вроде при билете, да поживее шевелитесь (Лит. газета, 10 апр. 1967); Торжество продолжалось до тех пор, пока измученная хозяйка не предлагала гостям разъехаться, не то в шутку, не то всерьез говоря: «Доживете до четверга — *по вам* походит кочерга» (С. Т. Коненков. Мой век). Как свидетельство расшатывания старой нормы показательны следующие два примера, извлеченные из одного и того же произведения: Из окна *по нас* стреляли (К. Паустовский. Начало неведомого века); Бывали случаи, когда хозяева заборов открывали *по нам* огонь из обрезов (Там же) [8].

3. Угасают в современном употреблении и конструкции «*по* + предложный падеж существительного» с временным значением, типа: *По возвращении* из командировки представил в дирекцию отчет.

Такие построения встречаются главным образом в деловой и газетной речи, причем предлог *по* сочетается в этом значении с ограниченным кругом существительных: *по возвращении*, *по выяснении*, *по достижении*, *по завершении*, *по истечении*, *по минованию*, *по окончании*, *по получении*, *по предъявлении*, *по прекращении*, *по прибытии*, *по приезде*, *по прошествии*, *по размышлении*, *по рассуждении*, *по ратификации*, *по реализации*, *по уходе* и нек. др. В пределах перечисленной группы существительных наблюдаются дальнейшие ограничения. Некоторые слова употребляются главным образом в составе застывших формул: *по достижении совершеннолетия* (или: *по достижении пенсионного возраста*), *по выяснении обстоятельств* (*причин*), *по завершении работы*, *по истечении срока*, *по миновании надобности*, *по предъявлении документа*, *по здравом* (*трезвом*) *рассуждении*, *по реализации товара* (*продукции*) и под.

Без ограничений в том же значении используются конструкции с предлогом *после*: *после возвращения*, *после выяснения*; *После доклада* был большой концерт (при невозможности построения «По докладе был большой концерт»).

---

[8] Впрочем, словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (Л., 1973) приводит последний пример (с формой *по нам*) в качестве нормативного, оценивая форму с предложным падежом (*по нас*) как просторечную (стр. 327); так же и на стр. 242: «В предложных сочетаниях: *по нам* и простореч. *по нас*».

Ср. устарелое употребление: Состояние парохода... было настолько исправное, что *по осмотре* ему никак нельзя было дать 19 лет (А. Н. Крылов. Мои воспоминания); Большое наступление откроется *по накоплении* запасов снарядов и *пополнении* артиллерии (Н. Яковлев. 1 августа 1914).

Таким образом, в предлоге *по* значение «после» отсутствует в свободном употреблении, количество подобных конструкций сокращается. Некоторые формы, например *по окончании*, по-видимому, лексикализуются, находятся на пути к превращению в предлог.

Близки по смыслу к описываемым конструкциям сочетания предлога *по* с дательным падежом существительного, в которых этот предлог имеет значение «в соответствии с чем-нибудь», «на основании чего-нибудь»: Изменения в проект могут вноситься только *по согласованию* с заказчиком (т. е. в соответствии с согласованием, на основании согласования с заказчиком).

В связи с семантической близостью этой конструкции и сочетания «*по* + предложный падеж» и несвободным характером сочетаний с предложным падежом в печати встречаются построения, в которых дательный падеж выступает на месте предложного: *По возвращению* в Уэльс они продолжали... получать высокие очки в разнообразных, но, к сожалению, не адекватных условиях (Ч. Хэнзел. Парапсихология. Перев. с англ. Ф. В. Широкова). *По завершению* титановой «программы» ежегодный экономический эффект составит несколько миллионов рублей (Наука и жизнь, 1972, № 1); По правилам страхования детей, помимо выплаты страховой суммы *по достижению* ими совершеннолетия, Госстрах несет также ответственность за последствия несчастного случая (Моск. правда, 8 июля 1968); Девять лет прослужил он в московском архиве Коллегии иностранных дел; *по назначению* Ивана Ивановича Дмитриева министром юстиции поступил под его начальство (М. И. Гиллельсон. Молодой Пушкин и арзамасское братство); Ведь это только потом, *по неторопливому размышлению*, мы понимаем, что «дуровские звери» всего лишь повинуются незаметным для нас командам и сигналам дрессировщика (Веч. Москва, 14 апр. 1976). См. совмещение старой и новой нормы — присоединение формы дательного падежа прилагательного к форме предложного падежа существительного в следующем примере:

А ты забыл, как *по моему возвращении* ты мне за невесту предлагал дипломную работу написать? (В. Каверин. Скандалист, или Вечера на Васильевском острове).

Чаще всего в описываемой конструкции встречается сочетание *по зрелому* (иногда *по здравому*) *размышлению* (реже *рассуждению*): Но *по зрелому размышлению* я решил: слишком жирно будет такое сравнение (Неделя, 1970, № 21); Нет, термин, в общем и целом говоря, верный, и оспаривать его, *по зрелому размышлению*, я теперь не стану (С. Наровчатов. Необычное литературоведение); И тут я подумал: может быть, имеет смысл активно вмешаться в человеческую историю и хоть в чем-то улучшить ее. Но, *по зрелому размышлению*, я решил, что не стоит (М. Емцев, Е. Парнов. Снежок); Назавтра же, работая над рецензией, он умеет брать в руки скальпель анатома, и, забыв вчерашнее увлечение, беспощадно отмечает все, что ему *по зрелому размышлению* кажется неприемлемым (С. Ю. Левин. Записки оперного певца); Рикки ...*по зрелому размышлению* решил, что уже пора рассказать отцу о своих научных исследованиях (П. Эш. Длинный меч. Перев. с англ.); Желая подбодрить Рамбера, доктор заметил, ...что, *по здравому рассуждению*, нет ни одного даже самого прискорбного события, в котором не было бы своих хороших сторон (А. Камю. Чума. Перев. с франц. Н. Жарковой). Такого рода конструкции нельзя признать соответствующими современной литературной норме [9].

Таким образом, конструкции «*по* + предложный падеж» вытесняются в современном литературном языке другими конструкциями, сфера употребления конструкций «*по* + предложный падеж» и круг входящих в эти конструкции лексем сокращается.

---

[9] Ср.: *В. И. Чернышев.* Указ. соч., стр. 609—610. В языке А. С. Пушкина отмечено 14 случаев употребления в подобных конструкциях форм дательного падежа при 63 случаях употребления формы предложного падежа (см.: *А. Д. Григорьева.* Указ. соч., стр. 192). Следовательно, можно полагать, что в то время эти формы были двумя вариантами литературной нормы, хотя и неравноправными, как показывает их количественное соотношение. Менее убедительно мнение Л. А. Булаховского, оценивающего конструкцию с дательным падежом в письме А. С. Пушкина «Мне вручено оное [письмо] тому с неделю, *по моему возвращению* с прогулки» как lapsus calami (см.: *Л. А. Булаховский.* Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II. Киев, 1947, стр. 370).

§ 3. Аналогичное положение можно отметить для большей части сочетаний предлога *по* с винительным падежом.

1. Сочетания с целевым значением (пойти к реке *по воду*, в лес *по дрова*, *по грибы*, *по ягоды*) ограничены как кругом лексем, так и сферой употребления. Эти сочетания практически отсутствуют в современной нейтральной литературной речи: вместо них употребляются сочетания «*за* + творительный падеж», в которых возможна любая лексема [10].

2. Сочетания со значением предела (типа *по пояс*) представляют собой закрытый ряд лексем. Это названия некоторых частей тела, используемых в качестве точек отсчета по вертикали: *по щиколотку*, *по колено*, *по пояс*, *по грудь*, *по горло*, *по уши*; *по локоть*; ср. *по* (*самые*) *плечи*, малоупотребительное *по макушку*; ср. неупотребительность построений «по подбородок», «по нос», «по лоб», «по глаза» (см., впрочем, просторечное *пьян по глаза*, *снегу в лесу по развилку* 'до бедер', вульгарно-просторечное *нализался по буркалы*). Кроме того, главным образом в официально-деловой речи, в этом типе употребляются сочетания с порядковыми словами типа: *с первого по четвертый* класс; предоставить отпуск *с пятого по двадцатое* марта; ср. фразеологизм *по первое число* и некоторые другие сочетания, называющие временной предел, например *с января по апрель*; ср. лексикализованное *по гроб* (*жизни*).

В современном употреблении в том же значении, что и конструкции типа *по пояс*, употребляются без всяких лексических ограничений сочетания «*до* + родит. падеж»: *до колен*, *до пояса*, *до носа*, *до глаз* и т. д.; ср. *любовь до гроба*.

3. Продуктивны среди сочетаний с винительным падежом только конструкции с числительным и зависимым от

---

[10] «Конструкции с предлогом *по* уже с первых десятилетий XIX в. отмечаются только в разговорной речи. К середине века они оказываются за пределами литературного языка, за исключением некоторых отдельных сочетаний, сохранившихся в разговорной речи (*пойти по ягоды*, *по грибы*). (Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. Изменения в системе словосочетаний. М., 1964, стр. 73). См. также: «*По* с винительным в целевом значении, как и теперь, в первой половине XIX века употреблялось только в стиле с народной окраской» (*Л. А. Булаховский*. Указ. соч., стр. 370).

него существительным, имеющие дистрибутивное значение, типа *по пять книг* (подробнее об этом см. далее, § 4).

Как показывает описание материала, круг конструкций «*по* + винительный падеж», подобно конструкциям с предложным падежом, также сужается, продуктивны здесь, в сущности, только конструкции «*по* + числительное + существительное», имеющие дистрибутивное значение.

§ 4. Иное положение наблюдается в конструкциях «*по* + + дательный падеж».

1. Сочетания предлога *по* с именем существительным в дательном падеже, имеющие причинное значение, употребляются главным образом при глаголах, называющих действие лица. Существительное в подобных конструкциях обозначает обычно качество (чаще отрицательное) или состояние названного лица, явившееся причиной действия: сказать, сделать (не сделать) что-нибудь *по безалаберности*, *по беспорядочности*, *по близорукости*, *по болезни*, *по доброте*, *по жадности*, *по забывчивости*, *по застенчивости*, *по злобе*, *по легкомыслию*, *по лени*, *по любопытству*, *по малодушию*, *по молодости*, *по небрежности*, *по невежеству*, *по неграмотности*, *по недомыслию*, *по недосмотру*, *по необразованности*, *по неопытности*, *по неосмотрительности*, *по неосторожности*, *по неразумию*, *по неспособности*, *по оплошности*, *по ошибке*, *по рассеянности*, *по скромности*, *по упрямству*, *по халатности* и др. Ср.: *отпуск по беременности*. Таким образом, круг слов, употребляемых с предлогом *по* в причинном значении, ограничен семантически: это слова со значением внутренней причины, исходящей от субъекта действия. В пределах группы слов с названным значением действует еще одно ограничение — возможность или невозможность соединения данной лексемы с предлогом *по* (в описываемом значении). Несочетаемостью с предлогом *по* объясняется неупотребительность построений «по гриппу», «по хроническому аппендициту» (ср. *по болезни*, *по близорукости*), «по страху» (ср. *по злобе*), «по догадливости», «по вдумчивости», «по серьезности» (ср. *по легкомыслию*, *по глупости*) и т. п. [11] Ср.: ...Ни бог,

[11] См. об этих конструкциях: *Р. Я. Калнберзинь*. Причинные конструкции современного русского литературного языка с зависимой частью, выраженной дательным падежом существительного с предлогом *по*.— Изв. АН Латв. ССР. 1958, № 7 (132).

ни суд меня не покарал, а сам себя я не посмел *по нерешительности*, *по надежде* на лучший исход этой печальной истории (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов). Не употребляется предлог *по* для обозначения внешней причины, что было возможно в XIX в., например: Тришка бит *по погоде* (А. С. Пушкин).

Наряду с конструкциями «*по* + дательный падеж» в причинном значении выступают конструкции «*из-за*, *вследствие* + родительный падеж». В этих сочетаниях, как и в конструкциях с предлогом *по*, зависимое существительное называет обычно отрицательное качество или состояние лица. Но предлог *из-за* может употребляться и для обозначения внешней причины явления: сделать (не сделать) что-нибудь *из-за дождя*, *из-за плохой погоды*, *из-за отсутствия электроэнергии*, и поэтому в ряде случаев не может, без изменения оттенков значения, заместить предлог *по*. Впрочем, различие это не очень существенно, что и приводит к появлению параллельных образований: не пришел *по болезни — из-за болезни*; не выступил *по застенчивости — из-за застенчивости* и под. В этих случаях конструкции с предлогом *по* содержат «менее определенное, менее четкое указание на причину явлений и более четкое — на повод или основание» [12].

2. Непродуктивны в современном литературном языке сочетания *по* с дательным падежом, имеющие значение соответствия тому, что названо существительным. Они как правило употребляются в зависимости от ограниченного круга (чаще от одной или нескольких) лексем: *одеваться* (*наряжаться*, *одет*, *одежда*) *по моде*, *по сезону*, *по погоде*, *по возрасту*; *одежда* (*платье*, *костюм*, *пиджак* и под.) *по росту*, *по фигуре*; *обувь* (*сапоги*, *туфли*, *ботинки*) *по ноге*; *жить* (*одеваться*) *не по средствам*; *перчатки* (*варежки*, *рукавицы*) *по руке*; *поступать по закону*, *по совести*; делать что-нибудь *по вдохновению*. Сюда же: *жениться* (*брак*) *по любви*, *по расчету*; *купить* (*достать*, *приобрести*) что-нибудь *по знакомству*; разговорно-просторечное *достать* (*добыть*) что-нибудь *по блату*.

Примыкающие к этой группе сочетания, в которых над значением соответствия преобладает значение качественной оценки действия или состояния, «в современном язы-

[12] *В. П. Сухотин.* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М., 1960, стр. 121.

ке могут рассматриваться как фразеологические»[13]: *по вкусу*, *по душе*, *по зубам*, *по карману*, *по нраву*, *по нутру*, *по плечу*, *по сердцу*, *по силам*; см. просторечное: Чертовски хорошенькая! Только *не по* его *рылу* она (А. П. Чехов. Драма на охоте). Ср. выходящие из круга принятых сочетания (*не*) *по кисти*, (*не*) *по чести* в следующем примере: Нам нож — *не по кисти*, Перо — *не по нраву*, Кирка — *не по чести*, И слава — не в славу (Э. Багрицкий).

Большая часть приведенных сочетаний употребляется обычно с отрицанием: *не по зубам*, *не по карману*, *не по нраву*, *не по нутру*, *не по плечу*, *не по сердцу*, *не по силам*. В предложении все эти сочетания выступают в функции сказуемого.

3. Практически отсутствуют в современном литературном употреблении построения со значением определенного времени. Ср. адвербиализованное *поутру*, реликтовые *по осени* (поддерживаемое, по-видимому, пословицей *Цыплят по осени считают*), *по весне*.

Близкие к названным сочетания с дательным падежом множественного числа, называющие время совершения повторяющихся действий, ограничены лексически: в них употребляются названия дней недели (*работать по понедельникам* и т. д.), формы *по будням*, *по праздникам*; *по вечерам*, *по ночам*, *по утрам*, при неупотребительности формы «по дням» (но такая форма возможна при наличии прилагательного: *читать по целым дням*, *по выходным дням*, *приходить по присутственным дням*, *по торжественным дням*, *по праздничным дням*); неупотребительны сочетания с названиями месяцев (но ср.: *по целым месяцам*), времен года («по зимам», но ср.: *по целым зимам*; так же *по целым годам*); словарь Даля приводит пример: *По зимам* мы дома, *по летам* на заработках (изд. 2, т. III, стр. 135); ср.: Мужик ее, дядя Ваня, Иван Пантелеймонович, был невидный и тихий, малого роста, плотник и без конца разъезжал с артелью, так что дома его *по летам* не бывало, и никто его хозяином не считал (Ю. Трифонов. Другая жизнь)[14].

4. Свободно употребляются конструкции «*по* + дательный падеж существительного» с дистрибутивным зна-

[13] *А. Д. Григорьева.* Указ. соч., стр. 178.

[14] Ср.: *Т. П. Ломтев.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 332—333.

чением: дать детям *по яблоку*; распределить затраты *по месяцам* [15].

5. Иная судьба у аналогичных по значению конструкций, образованных предлогом *по*, числительным в дательном падеже и зависимым от него существительным (дать детям *по пяти яблок*). Такие построения вытесняются сочетаниями с винительным падежом (дать детям *по пять яблок*).

По-видимому, этот процесс объясняется тенденцией к унификации падежной формы числительного при предлоге *по* в конструкциях с дистрибутивным значением. Существительные в таких конструкциях выступают только в форме дательного падежа. В сочетаниях с числительными такого единообразия нет. Часть числительных (*два, три, четыре* и составные с последней частью *два, три, четыре*; *двести, триста, четыреста* и составные с этими числительными; собирательные) употреблялась с предлогом *по* в форме винительного падежа (дали детям *по два, по двадцать три яблока*). Остальные числительные (типа *пять*, т. е. с основой на мягкий согласный) имели в таких сочетаниях форму дательного падежа (дали детям *по пяти яблок*). Унификация падежной формы числительных при предлоге *по* идет в направлении вытеснения формы дательного падежа формой винительного падежа, т. е. распространения сочетаний типа *по пять* на месте старых типа *по пяти*.

Построения с винительным падежом отмечались (и осуждались как ненормативные) еще в середине прошлого века: «Я купил десяток *по пять*, *по шесть копеек*, вм. *по пяти*, *по шести*» [16]. В. И. Чернышев также считал такие конструкции неправильными [17]. В современном языке такое употребление уже стало нормой: На следующий день Ловков и графский повар принесли *по сорок рублей* (С. Т. Коненков. Мой век); Ты написал мне письмо только в двадцать грамм весом. Другие получают от своих мужей *по тридцать* и даже *пятьдесят грамм* (И. Ильф.

---

[15] См. о таких конструкциях: *В. Н. Сидоров* и *И. С. Ильинская*. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке.— Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1949, т. VIII, стр. 343—354.

[16] *К. Зеленецкий*. О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855, стр. 26.

[17] *В. И. Чернышев*. Указ. соч., стр. 610—611.

Записные книжки). Наряду с формой винительного падежа в таких построениях возможен (как устаревающий вариант нормы) и дательный падеж [18]. См. оба варианта в пределах одного предложения: Осенью в нашем клубе я оклеиваю обоями читальню и две комнаты: мне заплатили *по семь копеек* за кусок, но приказали расписаться — *по двенадцати* (А. П. Чехов. Моя жизнь). См. также следующие примеры из одной книги: Над каждой фигурой мы увидели *по шесть* столбцов иероглифов (М. Чабб. Здесь жила Нефертити. Перев. с англ.); Соединили короткие шесты так, что получили четыре длинных (примерно *по пятнадцать футов* каждый) (Там же); Около сорока человек — примерно *по пяти* у каждого конца поручней (Там же).

Чем можно объяснить тот факт, что в описываемых конструкциях побеждает не дательный, а винительный падеж, хотя в аналогичных конструкциях существительные выступают только в форме дательного падежа? Одной из причин является отмеченное В. И. Чернышевым влияние сочетаний с первыми единицами счета: *по два*, *по три*, *по четыре* [19]. Но есть еще одна причина, которая, возможно, препятствовала употреблению в таких сочетаниях слов *два*, *три*, *четыре* в форме дательного падежа. В языке было два вида конструкций, содержащих в зависимой позиции при предлоге *по* сочетание числительного с существительным. Различие между ними заключается в том, что (1) в одних конструкциях числительное является подчиняющим словом по отношению к существительному, а (2) в других числительное выступает как зависимый, согласуемый член словосочетания: (1) Дал детям *по два яблока*, Дал детям *по пяти яблок** — (2) Разложил бумаги *по двум ящикам*, Разложил бумаги *по пяти ящикам*. Во второй паре конструкции с числительными *два*, *три*, *четыре* не отличаются от конструкций с числительными типа *пять* — и в первой и во второй конструкции главное слово именного словосочетания (и согласованное с ним числительное) имеет форму дательного падежа. В первой же паре — в собственно дистрибутивных сочетаниях —

---

[18] Подробнее о таких конструкциях см.: *Д. И. Буторин.* Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом *по*. «Вопросы культуры речи», вып. 5, М., 1964; *В. А. Ицкович.* Языковая норма. М., 1968, стр. 51—54.

[19] См. *В. И. Чернышев.* Указ. соч., стр. 610.

* Здесь рассматривается только старый вариант нормы.

падежные формы слов, непосредственно зависящих от глагола, различны: числительные *два*, *три*, *четыре* стоят в винительном падеже, а числительные типа *пять* — в дательном. Унификация падежной формы числительного могла идти в двух направлениях. Но уподобление конструкций с числительными *два*, *три*, *четыре* конструкциям с числительными *пять* и под. привело бы к появлению омонимичных сочетаний, ср.: Разложил бумаги *по двум ящикам* — «Дал детям по двум яблокам». По-видимому, стремление избежать подобной омонимии было также одной из причин того, что в конструкциях с числительными возобладали формы винительного, а не дательного падежа.

6. Широкое распространение получают сочетания *по* с дательным падежом существительного, называющие сферу действия, признак, связь: управление *по строительству*, инженер *по хозяйству*, отличный *по качеству* и т. п., т. е. сочетания, в которых предлог *по* в результате такой семантической широты становится просто показателем отношения; «широта и недифференцированность заложенного в построениях с *по* общего значения к а с а т е л ь с т в а, н а п р а в л е н н о с т и» позволяют «использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений» [20].

См. и ненормативные конструкции, в которых предлог *по* выступает в таком, предельно общем значении: Но главное — в управлении ничего не *предпринималось по* тем *фактам*, о которых Т. Псалтыра сообщала в своем заявлении (Правда, 6 марта 1974); Министерству... стоило бы выдать *рекомендацию по созданию* типового проекта (Комс. правда, 23 апр. 1971); В совхозах уже многое *сделано по перестройке* структуры посевных площадей (Правда, 9 сент. 1962); Он *сотрудничал по составлению* Большой советской энциклопедии (Ю. Олеша. Альдебаран); Общество без будущего. 33 *вопроса* и *ответа по империализму* ФРГ. (Перев. с нем. М., 1964); Дело в том, что в Кодексе законов о труде нет четкого *толкования по* многим спорным *вопросам* (Комс. правда, 30 апр. 1966); И вдруг

[20] *Н. Ю. Шведова.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 40. См. особенно главу «Активность словосочетаний с предлогом *по* с общим значением направленности касательства» (стр. 40—52), рассматривающую это явление на обильном материале.

недавно подвернулся такой для меня очень удачный случай, *по которому* мы обязаны были с ним *познакомиться* (Лит. газета, 5 февр. 1969); Мне кажется, ошибочны *рекомендации по обработке* почвы на участках с уклоном до двух градусов (Знание — сила, 1975, № 4); Хороший *опыт по подбору* и учебе работников лагерей накоплен в Москве... (Труд, 22 мая 1971).

Такие конструкции позволяют пишущему не конкретизировать характер отношения. Ср.: *план производства молока*, *план продажи молока*, *план переработки молока* — *план по молоку*. Конструкции типа *план по молоку* отличаются от конструкций типа *план производства молока* и под. краткостью, большой семантической емкостью. Ср. и конструкции с подчиняющим существительным — названием лица: *инженер по приборам*, *инспектор по кадрам*, *специалист по грызунам*. Но семантическая емкость таких конструкций оборачивается отсутствием указания на характер отношения между их компонентами. Так, *специалист по грызунам* может обозначать специалиста по биологии грызунов, по борьбе с грызунами и т. п.

Употребление в описываемом значении сочетаний «*по* + дательный падеж» приводит, особенно в официально-деловой и газетно-публицистической речи, к появлению подобных сочетаний на месте беспредложных конструкций, ср.: *управление по жилищному и гражданскому строительству — управление промышленного строительства*; *комитет по материально-техническому снабжению — комитет материально-технического снабжения*; *научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам — научно-исследовательский институт удобрений и агропочвоведения*; *управление по торговле культтоварами — управление торговли промышленными товарами*; *научно-исследовательский институт стандартизации — научно-исследовательский институт по стандартизации*; *трест по строительству набережных и мостов — трест дорожно-мостового строительства*; *контора по оптовой торговле — контора книжной торговли*; *завод по обработке специальных сплавов — завод обработки цветных металлов* и т. д. (Возможно, на употребление конструкций с предлогом *по* влияет, наряду с другими факторами, стремление избежать появления цепочки зависимых существительных в родительном падеже без предлога, ср.: *управление заготовок — управление по заготовкам*

животноводческого сырья; *бюро ремонта — трест по ремонту оборудования.*)

На фоне описываемых построений могут встречаться контаминированные образования: *план продажи молока + план по молоку = план по продаже молока.*

Наконец, по аналогии с такими сочетаниями встречаются ненормативные построения, в которых *по* выступает на месте других предлогов или конструкции с этим предлогом употреблены вместо беспредложных конструкций: ...Созданы и внедряются в производство *комбайны по уборке* свеклы, льна, картофеля (Огонек, 1949, № 25 — ср.: *комбайн для уборки свеклы*); На рабочих местах в секциях установят *машины по упаковке* товаров (Веч. Москва, 20 окт. 1965); *Доклады по работе* лаборатории начал Саша Митрофанов (И. Росохватский. Тор I — ср.: *доклад о работе*); Вместе с экскурсоводом они посетили командный пункт Первого Украинского фронта, откуда осуществлялось *руководство по освобождению* Киева (Правда, 13 мая 1963 — ср.: *руководство освобождением*); Он умело проводит воздушные бои, *бомбит по* наземным *целям*; (Красная звезда, 25 мая 1968 — ср.: *бомбить наземные цели*; возможно, здесь влияние конструкции *стрелять (вести стрельбу) по цели*); В каждой отрасли увеличение *потребности по* той или иной *специальности* может быть определено в зависимости от конкретных условий... (Плановое хозяйство, 1966, № 4 — ср.: *потребность в чем-нибудь*); Человек *работает по кафедре* теории вероятностей, а слова «вероятно» не признает (Известия, 17 февр. 1965 — ср.: *работать на кафедре*); ...*План по вводу* в эксплуатацию животноводческих помещений выполнен на 114,4 процента (Ленинский путь, 8 апр. 1966 — ср.: *план ввода в эксплуатацию*).

§ 5. Как видно из предыдущего описания, в судьбе конструкций с предлогом *по* происходят значительные изменения.

Резко ограничилось в современном литературном языке употребление сочетаний предлога *по* с предложным падежом существительного. Сочетания типа *тосковать по ком*, *по брате* (с зависимым существительным или местоимением) и *стрелять по нем* (с зависимым местоимением) вытесняются сочетаниями с дательным падежом, типа *тосковать по кому*, *по брату*, *стрелять по нему*. Непродуктивны, лексически ограничены и сочетания с времен-

ным значением, типа *по предъявлении*, уступающие место употребляемым без каких-либо ограничений построениям типа «*после* + родительный падеж», типа *после предъявления*.

В сфере сочетаний с винительным падежом вышла из литературного употребления конструкция с целевым значением (*по воду*); в том же значении без ограничений употребляются сочетания «*за* + творительный падеж» (*за водой*). Употребление сочетаний со значением предела ограничено лексически (тип *по пояс*) и жанрово-стилистически (тип *по пятое января*). В том же значении без каких бы то ни было ограничений используются сочетания «*до* + родительный падеж»: *до пояса*, *до пятого января*.

Среди сочетаний предлога *по* с дательным падежом построения с временным значением лексикализовались (*по весне*, *по осени*) или ограничены лексически (тип *по утрам*). Сокращается употребление конструкций «*по* + числительное» с дистрибутивным значением (типа *по пяти яблок*). Ограничен семантически и лексически круг существительных, выступающих в построениях с причинным значением (*по небрежности*, *по недосмотру*).

Круг падежных форм, которые могут соединиться с предлогом *по*, сужается. Живыми и продуктивными среди этих конструкций, если не считать построений с винительным падежом типа *по пять яблок*, оказываются только конструкции с дательным падежом зависимого существительного. В дательном падеже при предлоге *по* выступают и существительные в сочетаниях с дистрибутивным значением (типа *дать детям по яблоку*), и существительные в зависимости от слов *тосковать* и под., и местоимения в построениях типа *по кому*. Но прежде всего следует отметить широкое распространение конструкций «*по* + дательный падеж», имеющих самое общее значение отношения.

Изменения в области конструкций с предлогом *по* заключаются, с одной стороны, в ограничении круга падежных форм, свободно сочетающихся с этим предлогом (см. судьбу конструкций с предложным и винительным падежом) и в сокращении полисемии предложных конструкций (см. непродуктивные конструкции с дательным падежом), а с другой стороны, в расширении значения продуктивных типов конструкций (см. продуктивные конструкции с дательным падежом). Однако такая широта значения

предложной конструкции противоречит назначению предлога служить средством указания на характер отношений между словами. Это противоречие снимается в результате образования новых предложных сочетаний *по линии*, *по мере*, *по направлению к*, *по отношению к*, *по поводу*, *по причине*, *по случаю*, *по сравнению*, *по части* [21]. Кроме перечисленных, на пути к превращению в предлог находятся сочетания *по адресу*, *по истечению*, *по окончании*, *по прошествии*.

Но и в этих предложных сочетаниях начинают развиваться новые сочетания. Некоторые из новых образований употребляются как показатель связи двух слов в тех случаях, когда «построение словосочетаний наталкивалось на такие затруднения, преодоление которых с помощью уже имевшихся в языке средств было невозможно» [22]. Таково, например, употребление предложного сочетания *по поводу* в речи медиков: обратился к врачу *по поводу гриппа*: остаточные явления после пластических операций на костях *по поводу* несрастающихся и неправильно сросшихся *переломов* (Терапевтический справочник, т. II). См. также: А ведь еще совсем недавно наши футболисты были предметом всеобщего *восхищения по части вежливости*, *дисциплины* (Комс. правда, 24 ноября 1966).

В русском языке, как и в других языках, в которых есть падежные флексии, предлог совместно с флексией зависимого слова служит для передачи характера отношений между подчиняющим и зависимым словом, «предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [23]. И чем более узко передаваемое предлогом (вместе с флексией) значение, тем лучше предлог выполняет свое назначение. Но в связи с обобщающим характером языка предлог в процессе языковых изменений становится ...огозначным, сфера его употребления расширяется, что может привести к его семантическому опустошению, к превращению его в формальный показатель зависимости одного слова от другого.

---

[21] См.: *Е. Т. Черкасова*. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
[22] Там же, стр. 253.
[23] *В. В. Виноградов*. Русский язык. М., 1947, стр. 677.

Следствием столкновения, противоборства названных двух тенденций может быть превращение предлога в «пустой» предлог и, наряду с этим, возникновение, в связи с требованиями общения, новых предложных образований с узким, конкретным значением. Судьба конструкций с предлогом *по* представляет собой, пожалуй, наиболее полную иллюстрацию, как протекает в языке такой процесс.

ЛОГИКА И СИНТАКСИС СРАВНЕНИЯ

(Опыт нормативного логико-синтаксического исследования)

М. И. Морозова

Возможности логико-грамматического подхода в рамках нормативных исследований еще не испытывались. Между тем, в отдельных случаях он может оказаться плодотворным: с его помощью можно проникнуть в скрытые, не сознаваемые говорящими, логические структуры, от которых нередко зависит выбор, распространенность и неравные возможности развития синтаксических конструкций. В статье мы делаем попытку на примере сравнительных конструкций показать взаимоотношение логической и языковых структур, от параллелизма до сложного соответствия, в котором языковые структуры по сравнению с логической отличаются вариативностью, подвижностью, склонностью к синкретизму и эллиптичности.

С логической точки зрения, высказывание, содержащее форму степени сравнения, выражает обычно определенный вид логических отношений — отношение сравнения. В формальной логике этот вид отношений рассматривается в ряду других отношений, выражаемых суждениями двучленного состава. Концепция двучленного состава суждения имеет многовековую традицию и восходит к логике Аристотеля. Согласно ей, все суждения без исключения состоят из двух членов — субъекта и предиката, а логическая связка выражает отношение между ними и входит в состав предиката. «Субъект есть знание о предмете суждения. Связка есть утверждение или отрицание принадлежности признака предмету и соответственно тож-

дества (различия) предметов»[1]. Эта концепция абсолютизирует один тип суждений, не допуская возможности существования как одночленных, так и трехчленных суждений[2].

Однако структура сравнительных суждений отличается от обычных суждений: законченность мысли в них зависит не только от двух главных членов суждения, но и от третьего, представляющего собой второй объект сравнения. И если структура двучленного суждения $S — P$, то структура сравнительного суждения $S^1 — P — S^2$. Так рассматривается их структура в сравнительно молодом разделе логики — логике отношений[3]. Концепция трехчленного состава сравнительного суждения более применима к анализу грамматической структуры сравнительных конструкций, поэтому в настоящей работе мы опираемся на нее.

В рамках статьи третий член сравнительного суждения мы будем называть «вторым объектом сравнения». Это не совсем точно, но лучше, чем название «второй субъект», учитывая свойство асимметричности сравнительных суждений: так, суждение «Солнце ярче луны» нельзя преобразовать в суждение «Луна ярче солнца».

Категория степеней сравнения относительна: она обозначает большую или меньшую степень признака объекта по отношению к другим объектам, в сравнении с ними: Ты, любимый братец, лет на десять *старше, прозаичнее* и *скучнее* меня... (Н. Г. Гарин. Инженеры). В логическом плане категории степеней сравнения соответствует трехчленное суждение, третьим членом которого является второй объект сравнения (здесь: «меня»). Предикат такого суждения двухместный, или двухаргументный. В структуре языка эта категория имеет морфологическое выражение в виде форм степеней сравнения прилагательного и наречия. Категории степеней сравнения сопутствуют определенные синтаксические конструкции, в которых второй объект сравнения получает полное или неполное выражение или остается потенциальным членом, который всегда может быть восстановлен из контекста.

---

[1] *П. В. Таванец.* Вопросы теории суждения. М., 1955, стр. 37—38.
[2] См. *Г. В. Колшанский.* Логика и структура языка. М., 1965.
[3] См. *А. А. Зиновьев.* Основы логической теории научных знаний. М., 1967, стр. 204.

Круг описываемого материала мы ограничим одним типом — когда объект или объекты сравнения получают в структуре предложения явное языковое выражение. В этом случае форма сравнительной степени прилагательного является выразителем (репрезентантом) грамматической категории степеней сравнения. Суждение имеет трехчленный состав. Второй объект сравнения выражается различными синтаксическими конструкциями. Семантическая и стилевая характеристика этих конструкций, связь их с различными вариантными формами сравнительной степени прилагательного является предметом нормативного исследования.

Рассмотрению подлежат сравнительные конструкции, в которых второй объект сравнения выражен: 1. формой родительного падежа имени; 2. обособленным сравнительным оборотом с союзом *чем*; 3. придаточным сравнительным предложением с союзом *чем*; 4. предложными сочетаниями.

1. Объект сравнения выражен формой род. падежа имени: Он был рыжевато-рус, бородат, и настолько *выше, крупнее* обыкновенных людей, что его можно было показывать (И. А. Бунин. Астма); Видите ли: жизнь в своей простоте гораздо *неправдоподобнее* самого изощренного вымысла (А. И. Куприн. Начальница тяги).

Основной состав этой конструкции: имя[1] (обычно в форме им. падежа) — форма сравнит. степени прилагательного — имя [2] в форме род. падежа. Этот состав прямо соответствует логической структуре сравнительного суждения: $S^1 — P — S^2$. При этом сравнение объектов или разных состояний одного объекта производится по однородным или тождественным признакам, лежащим в одной семантической плоскости. Поэтому можно считать эту конструкцию наиболее прямым способом выражения сравнительного отношения. Нормативными признаками конструкции являются: связь с разговорными стилями литературной речи, употребление в ней только синтетических форм сравн. степени, постпозитивное употребление родительного объекта (после формы сравн. степени), способность к трансформации в конструкцию со сравнительным оборотом и аналитической формой сравнит. степени.

В логико-семантическом плане в зависимости от ха-

рактера признака, называемого лексемой прилагательного, можно различать частные виды сравнительного отношения — качественные и обстоятельственные.

а) Отношение сравнения качественных признаков.

1) Сравниваются сходные или тождественные признаки разных объектов: Сейчас рокотанье трактора показалось бы мне *слаще* самой светлой, самой проникающей м у з ы к и (В. Солоухин. Моченые яблоки); Чувство оказалось *сильнее* е г о у с т а л о с т и (П. Проскурин. Горькие травы); И только он один даже не взглянул на него, так как считал себя и *интереснее*, и *важнее* к и т а й ц а (Л. Андреев. Губернатор).

С точки зрения логики, носителями тождественного признака являются оба сравниваемых объекта. Логическая связка выражает лишь отношение сравнения (превосходства). Так, в первом примере раздела: Он был... *выше*... обыкновенных людей. . . — предполагается, что признаком «высокости» наделены оба объекта: «Он» — S^1 и «обыкновенные люди» — S^2. Логическая связка выражает только отношение «есть в большей степени» — R. Однако в языковой структуре название признака и отношение степени получают синкретическое выражение в общей для них форме сравн. степени «выше». Этот синкретизм языковой структуры — характерная ее особенность по сравнению с логическим каноном.

Сравнительные конструкции в данном случае обладают самыми широкими возможностями трансформации: родительный объекта заменяется синонимичными сравнительными конструкциями, внутри этих конструкций синтетическая форма сравн. степени может заменяться аналитической, возможны также перестановки членов предложения, соответствующих объектам сравнения: Чувство оказалось *сильнее* у с т а л о с т и → Чувство оказалось *более сильным*, ч е м у с т а л о с т ь → *Более сильным* оказалось чувство, ч е м у с т а л о с т ь и т. д. Другие сравнительные конструкции обладают гораздо меньшей способностью к трансформации. По соответствию логической структуре суждения и способности к трансформации можно считать эту конструкцию ядерной.

2) Сравниваются различные качественные состояния одного и того же объекта в разное время. При этом возможно точное указание временного состояния: Вечером, за

ужином, опять случилась ссора, еще *глупее* утренней (В. Вересаев. У черного крыльца); Он был еще *мрачнее* вчерашнего... (Н. Г. Гарин. Инженеры); Пожалуй, сегодняшний мороз *покруче* вчерашнего (А. Рекемчук. Молодо-зелено).

Часто, однако, встречается обобщенное указание на постоянное, обычное состояние (признак) объекта, с которым сравнивается состояние определенного момента: Лицо ее было *оживленнее* и *веселее* обычного (А. Битов. Такое долгое детство); В последнее время он стал с Варварою *грубее* обыкновенного (А. Аверченко. Юмористические рассказы).

В этой конструкции название второго объекта дается сокращенно, по временному признаку, само же название объекта, во избежание тавтологии, опускается: «. . .сегодняшний мороз *покруче* вчерашнего» — опущено «мороза»; «Лицо ее было *оживленнее* и *веселее обычного* — опущено «ее лица (в обычное время)». Таким образом, эта конструкция, в отличие от первой, эллиптична. Трансформация ее в другие сравнительные конструкции возможна, но при условии восстановления ее состава опущенными членами предложения (иногда мысленно): Вечером. . . опять случилась ссора, еще *глупее* утренней → . . .ссора, еще *более глупая*, чем утренняя ссора; Он был еще *мрачнее* вчерашнего → Он был еще *более мрачным*, чем (он был) вчера. При этом родительный прилагательного может заменяться наречием или просто обстоятельственным оборотом временного значения: *утренней — утром*, *вчерашнего — вчера*, *обычного — обычно*, *в обычное время*. Таким образом, трансформация этой конструкции сопровождается более глубокими изменениями в структуре предложения чем первой конструкции.

б) Обстоятельственное отношение.

Сравнительное положение предметов в пространстве выражается формами сравн. степени прилагательных типа *ниже*, *выше*, *пониже*. *повыше* [4]. Примеры: Кое-как я нашa-

[4] Формы *правее*, *левее*, *севернее*, *южнее* и т. п. являются обычно формами наречий, например: Корпус стоял в лесах, бои шли *севернее* (*Г. Я. Бакланов*. Июль 41 года). Они тоже могут употребляться в служебном значении, например: *Южнее* пустыни, на побережье, количество осадков постепенно увеличивается... (В. А. Коринская и др. География материков). Возможны обра-

рил ногой железный выступ *пониже* кузова. . . (В. Солоухин. Каравай заварного хлеба); Первые этажи зданий оказались *ниже* снегового настила (А. Рекемчук. Молодозелено); Некоторое время сидел над обрывом, глядя на сады, . . .на извилистую ленту Клязьмы *пониже* садов. . . (В. Солоухин. Свидание в Вязниках). В этих случаях лексема прилагательного утрачивает до некоторой степени качественное значение признака, присущего каждому предмету в отдельности, и выражает взаимное расположение их в пространстве.

По-видимому, выражение обстоятельственных (пространственных) отношений находится на границе категории степеней сравнения или выходит за ее пределы.

Итак, синтаксические конструкции, содержащие синтетическую форму сравн. степени и объект сравнения, выраженный формой род. падежа имени, содержат различные виды логико-семантических структур. Из них только структуры, выражающие сравнительное отношение качественного признака, находятся в пределах грамматической категории степеней сравнения прилагательного. В остальных структурах наблюдается усиление служебной роли формы сравн. степени прилагательного и ослабление их качественного лексического значения, что свойственно процессам грамматизации.

2. Объект сравнения выражен сравнительным оборотом с союзом *чем*: Детали изготовляются ныне на *более высоком* техническом уровне, чем в ФРГ и других странах. . . (Правда, 1970, № 48); То дело, которое они выполняют, считаю *более достойным и величественным*, чем кровные обязанности. . . (В. Тендряков. Чрезвычайное); По обе стороны от дефекта мышечные волокна значительно *тоньше*, чем в левой мышце (Проблемы регенерации и клеточного деления).

Область распространения конструкций со сравнительным оборотом гораздо шире, чем конструкций с родительным объекта: они употребительны как в разговорных, так и в книжных стилях литературной речи, форма сравн. степени при них может быть как синтетической, так и аналитической. Связь с книжными стилями и аналити-

зования форм сравн. степени и от однокоренных прилагательных: Ареал травяной лягушки оказался сдвинутым в область *более северных* широт (Вопросы цитологии и протистологии).

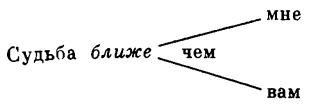
ческими формами придает им в известной степени книжную окраску. Лишь часть этих конструкций способна трансформироваться в конструкции с родительным объекта.

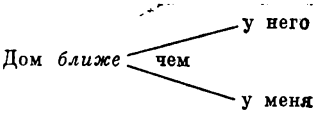
Частота употребления этих конструкций заметно возросла за последние полстолетия. Особенно примечательно, что они стали чаще встречаться при формах синтетических, хотя изначально они связаны с формами аналитическими. Их употребление при синтетических формах на месте родительного объекта означает проникновение их в новую для них сферу, расширение их синтаксических возможностей: Со стыдом я почувствовал, что тральщик *ближе* мне сейчас и *родней*, чем отец (Вас. Аксенов. Пора, мой друг, пора). Здесь старой литературной норме больше соответствовала бы конструкция: «тральщик *ближе* мне и родней отца». Точно так же: Нарисованный мир *красивее*, чем настоящий. (Вас. Аксенов. Звездный билет) — старой норме соответствовало бы: «*красивее* настоящего»; Старая тактика *надежнее*, чем новые эксперименты (А. Гладилин. Дым в глаза) — ср.: «Старая тактика *надежнее* новых экспериментов».

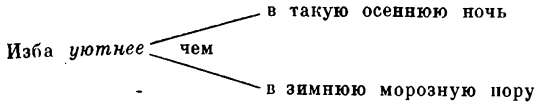
Распространение конструкций со сравнительным оборотом можно объяснить разными причинами. Можно объяснить влиянием книжных стилей речи на разговорный язык. И это справедливо, поскольку сранительные обороты — примета книжных стилей. Далее, можно искать причину во влиянии конструкций, связанных с аналитическими формами, на конструкции, связанные с синтетическими формами, т. е. в усилении аналитизма. Это тоже будет правда и не будет противоречить первому объяснению. И все же главная причина распространения этих конструкций заключена не в этих внешних влияниях, а в их внутренних свойствах — мощной способности к компрессии речи: ясно и сжато выражать сложные извивы отношений. При этом соответствие между грамматической структурой предложения и логической структурой суждения представляется, на первый взгляд, весьма запутанным. Рассмотрим примеры: Почему судьба Тоси Лубковой должна быть *мне ближе*, чем вам? (В. Тендряков. Чрезвычайное); За что сердиться? Что у него дом *ближе*, чем у меня, или что он одет теплее? (В. Солоухин. Каравай заварного хлеба); Пожалуй, в такую осеннюю ночь теплая изба и теп-

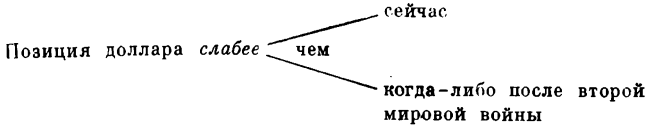
лая постель покажется *уютнее*, чем даже в зимнюю морозную пору (В. Солоухин. Моченые яблоки); Позиция доллара сейчас *слабее*, чем когда-либо после второй мировой войны (Правда, 1968, № 71); Определения ее объема *более точны*, чем других хромосом (Цитология, 1963, № 4—5); Концентрация натрия в ядре *более высокая*, чем в цитоплазме, и *более низкая* в цитоплазме, чем в окружающей среде (Цитология, 1963, № 5).

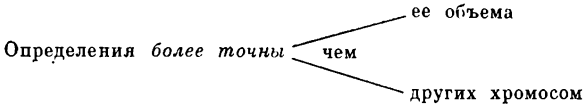
Теперь из этих предложений выберем структуры, которые выражают сравнительные отношения, и представим их схематически:

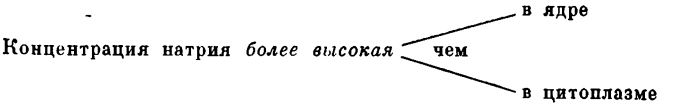












Рассмотрим отношения сначала такими, как они представлены в грамматической структуре предложения и

воспроизведены на этих схемах. В первом примере форма *ближе* грамматически зависима от имени *судьба* — назовем это левосторонней связью; от формы *ближе* грамматически зависимы дополнения *мне* и *вам*, связанные сравнительным союзом *чем* в синтаксическое единство,— назовем эту связь правосторонней. Во всех примерах левосторонние связи однотипны — в данных примерах это связь подлежащего и сказуемого, правосторонние связи разнообразны — они связывают сказуемое с группами дополнений и обстоятельств, выраженных разными частями речи и в разной степени распространенных. Но самое интересное, что правосторонняя связь расщепляется на два отношения, устанавливаемые между второстепенными членами предложения, определяющими главное имя. Форма сравнит. степени прилагательного кажется в такой структуре не двувалентной, а поливалентной. Она выступает посредником между главным именем и второстепенными членами, обозначающими отдельные признаки этого имени. Так выглядят грамматические связи в языковой структуре.

И тут возникает недоумение: что с чем сравнивается? Может ли логическая связка вводить отношение сравнения между объектом и его признаками (например, между объектом «изба» и признаками «в такую осеннюю ночь», «в зимнюю морозную пору»)? Нет сомнения, что объекты и определяющие их признаки лежат в разных семантических плоскостях, и между ними должно существовать иерархическое отношение зависимости. Между тем сравнительное отношение предполагает исходное равноправие объектов: пусть они лексически разнородны, но хотя бы в одном отношении они должны обладать семантической общностью и конкурировать по степени обладания каким-либо общим признаком. Семантическая общность — основа для отношения сравнения. Однако грамматические связи в рассматриваемых языковых структурах как будто опровергают это утверждение и вопреки логике вводят отношение сравнения между объектом и признаками. В чем же дело?

Возьмем высказывание «Судьба ближе мне, чем вам» и произведем трансформацию: «Судьба близка мне в большей степени, чем судьба близка вам». Семантически полученное высказывание тождественно первому, но в нем все члены логической структуры получили явное языко-

вое выражение: «судьба близка мне» — S^1, «судьба близка вам»— S^2, «есть в большей степени»— R, логическая связка сравнения. Признак «близка» является общим семантическим признаком сравниваемых объектов (базой сравнения).

Во втором высказывании реконструированы недостающие (опущенные) члены языковой структуры, которые имеются в ее логическом субстрате. Благодаря этому восстановлен параллелизм языковой и логической структур: обе структуры имеют трехчленный состав, сравниваемые объекты лежат в одной семантической плоскости, отношение сравнения связывает объекты по их тождественному признаку.

Редкие примеры полного языкового выражения второго объекта сравнения при осложняющих зависимых словах можно встретить в книжных стилях речи. Пример: Была взята концентрация хлористого калия, в 10 раз *более слабая*, чем доза этой соли в опытном растворе (Цитология, 1963, № 5). В обычном случае языковой компрессии вся конструкция была бы облегчена за счет пропуска прямого наименования второго объекта («доза этой соли») и косвенного обозначения его по обстоятельственному признаку («в опытном растворе»): Была взята концентрация хлористого калия, в 10 раз *более слабая*, чем... в опытном растворе. Другой пример: Слово в поэзии «*крупнее*» этого же слова в общеязыковом тексте (Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста). Обычный эллиптический оборот в этом случае был бы: Слово в поэзии «*крупнее*», чем... в общеязыковом тексте. На этом примере видно, что конструкция со сравнительным оборотом получается из конструкции с родительным объекта путем трансформации свертывания наименования второго объекта. По-видимому, в плане выражения второго объекта сравнения это общий случай деривационного отношения конструкций со сравнительными оборотами к типу конструкций с родительным объекта: первый вторичен относительно второго, генетически восходит к нему.

В результате свертывания, языковой компрессии, грамматические зависимости в языковой структуре смещаются относительно логических: форма сравн. степени становится посредником между именем, называющим пер-

вый объект, и зависимыми словами, обозначающими отличительные признаки сравниваемых объектов. Нарушается лишь параллелизм языковой и логической структур в плане выражения, сам же логический субстрат остается прежним. Языковая компрессия позволяет короче и ярче выразить главные семантические акценты сравнительного отношения путем выделения (актуализации) одного признака объектов из великого множества возможных.

В конструкциях с родительным объекта оба имени, связанные сравнительным отношением, являются прямыми наименованиями сравниваемых объектов и, следовательно, лежат в одной семантической плоскости. Все они способны к трансформации в конструкции со сравнительным оборотом. В конструкциях же со сравнительным оборотом возможны два случая: 1) при полном наименовании второго объекта оба имени принадлежат одной семантической плоскости. Трансформация такой конструкции в конструкцию с родительным объекта принципиально возможна (затруднять ее могут лишь зависимые слова, громоздкие синтаксические связи). 2) В случае сокращенного наименования второго объекта по его признаку два имени, связанные сравнительным отношением, находятся в разных семантических плоскостях: одно — в плоскости объектов, другое — признаков. В таких случаях трансформация конструкции со сравнительным оборотом в конструкцию с родительным объекта невозможна. Она становится возможной, если, опираясь на логический субстрат, реконструировать (эксплицировать) недостающие члены языковой структуры. Иногда это сделать совсем непросто, так как наименованием второго объекта может служить весь предшествующий текст или даже внетекстовой, предполагаемый во внешней реальности объект.

Таким образом, все конструкции с родительным объекта, выражающие качественные отношения, можно преобразовать в конструкции со сравнительным оборотом. Обратная же трансформация со стороны конструкций со сравнительным оборотом возможна лишь в половине наиболее простых случаев. Вторая половина случаев по сложности структуры превосходит конструкции, способные трансформироваться в конструкции с родительным объекта. Именно в них проявляются те дополнительные,

более широкие выразительные возможности конструкций со сравнительным оборотом, которые создают им предпосылки для дальнейшего распространения в русской речи.

Если конструкции с родительным объекта связаны только с синтетическими формами сравн. степени прилагательных, то в конструкциях со сравнительным оборотом литературной нормой допускаются разные варианты форм — как синтетические, так и аналитические. В разговорной речи частота употребления тех и других вариантных форм примерно одинакова: И люди казались другими, *радостнее*, чем те, которых он видел тоже несколько месяцев назад (С. Антонов. Возвращение); Множество старшекурсников, городских, *более смелых* и *находчивых*, чем я, деревенский недотепа, всегда окружало ее (В. Солоухин. Свидание в Вязниках). В книжных стилях речи частота употребления аналитических форм в конструкциях со сравнительным оборотом несколько превышает частоту употребления в них же синтетических форм.

Итак, синтаксические конструкции со сравнительным оборотом характеризуются: 1) семантической гибкостью, способностью выражать сопоставление объектов по самым различным признакам; 2) языковой компрессией, свернутостью языковой структуры по сравнению с логической; 3) вариативностью допускаемых нормой форм сравн. степени прилагательных; 4) ограниченной способностью к трансформации в конструкции с родительным объекта. В целом возможности этих конструкций (семантические, синтаксические, нормативные) гораздо шире возможностей, которыми обладают конструкции с родительным объекта.

3. Объект сравнения выражен придаточным предложением с союзом *чем*: И, действительно, Свидригайлов гораздо «*оригинальнее*», чем думает Раскольников (В. Вересаев. Живая жизнь); В Российской Федерации в 1968 году достигнуты *более высокие*, чем намечалось планом, темпы роста национального дохода... (Правда, 1969, № 30); Если поставленная продукция окажется *более низкого* сорта, чем указано в документе, покупатель имеет право отказаться от принятия продукции (Экон. газета, 1967, № 47).

Сравнительные придаточные предложения встречаются преимущественно в книжных стилях речи, хотя возможны и в разговорных стилях. Заметна также их преимущественная связь с аналитическими формами сравн. степени. Оба обстоятельства обеспечивают в целом этому типу сравнительных конструкций несколько книжную окраску.

В основных чертах эти синтаксические структуры сходны с конструкциями с обособленными сравнительными оборотами, но все особенности последних проступают в них ярче: синтаксическая расчлененность глубже; самостоятельность синтаксической группы, соответствующей второму объекту сравнения, полнее благодаря наличию сказуемого; в то же время соответствие грамматической структуры логической еще менее явно. Несмотря на это, логическая структура сравнительного суждения и в этих случаях остается трехчленной. Третий член выражен в языковой структуре придаточным предложением эллиптически: слова, прямо указывающие на второй объект, опускаются, на первый план посредством грамматической предикации выдвигается какой-либо признак второго объекта. Рассмотрим на примерах.

Дело, оказывается много *сложнее*, чем казалось раньше. (В. Вересаев. Живая жизнь). Логическая структура: «дело сложное»— S^1, «есть в большей степени, чем» — R, связка, указывающая на отношение степени, «дело, которое казалось сложным раньше»— S^2. В языковом выражении второй объект обозначен сокращенно посредством предикативной группы —«чем казалось раньше».

Принципиально то же явление языковой компрессии по сравнению с логической структурой наблюдается и в других примерах, например с аналитической формой сравн. степени: Действительность оказывается *более сложной*, чем предрешил Подросток (В. Вересаев. Живая жизнь). Логическая структура: «сложная действительность»— S^1, «есть в большей степени, чем»— R, «та сложность действительности, которую предрешил Подросток»— S^2. Второй объект в языковом выражении обозначен сокращенно предикативной группой: «чем предрешил Подросток».

Наличие сказуемого в группе второго объекта повышает ее семантический вес в составе высказывания. Одновременно оно затрудняет преобразование этой группы

в другие синонимичные конструкции. Так, трансформация ее в конструкцию со сравнительным оборотом требует опустить сказуемое, что приводит к ослаблению ее семантического веса и некоторой неопределенности всего высказывания, например: Требуются более широкие исследования, чем было сделано до сих пор → Требуются более широкие исследования, чем... до сих пор.

Трансформация в конструкцию с родительным объекта возможна не всегда. Для нее должна существовать возможность перевода предикативной группы высказывания в именную и притом в форме родит. падежа, а это возможно далеко не всегда.

4. Объект сравнения выражен предложными сочетаниями с предлогами *по сравнению с*, *в сравнении с*, *в отличие от*: Цитоплазма *оказалась беднее* тиоловыми соединениями по сравнению с контролем (Цитология, 1963, № 1); О более высокой радиочувствительности гонад обезьян по сравнению с мышами свидетельствуют и гистологические картины (Радиационная генетика); Наблюдается *более высокий* в сравнении со вторым месяцем процент появления... (Радиационная генетика); В отличие от контроля весь орган *становится более светлым*... (Проблемы регенерации и клеточного деления).

Нормативными чертами этих конструкций являются: 1) принадлежность книжным стилям современной литературной речи, 2) преимущественная связь с аналитическими формами сравн. степени прилагательных.

Логическая структура их трехчленна. Третий член, как в сравнительных оборотах и предложениях, выражен в языковой структуре сокращенно. Например, во втором примере «по сравнению с мышами» должно пониматься как «по сравнению с радиочувствительностью гонад мышей». В данном случае в языковой структуре оставлены названия главных объектов («мыши», «обезьяны»), но опускается повторное обозначение их тождественного признака («радиочувствительность гонад»), который служит основанием сравнения.

Логико-синтаксическая структура этих конструкций близка к логико-синтаксической структуре конструкций со сравнительным оборотом, поэтому они легко трансформируются в эти конструкции: *О более высокой* радио-

чувствительности гонад обезьян по сравнению с мышами свидетельствует... → *О более высокой*, чем у мышей, радиочувствительности гонад обезьян свидетельствует...

Близость рассматриваемых конструкций подтверждается и тем, что в текстах они встречаются в одинаковых условиях и могут заменять друг друга: Предположение *о более крутом*, чем в норме, спаде кривой находит свое экспериментальное подтверждение (Вопросы цитологии и протистологии) — Ср. : Предположение *о более крутом* по сравнению с нормой...; Продолжительность жизни мышц несколько снижается, но все же остается значительно *выше*, чем в контроле (Цитология, 1963, № 5) — Ср. : ...остается выше по сравнению с контролем.

Предложные сочетания в сравнении с обособленными сравнительными оборотами имеют более отчетливую книжную окраску и обладают, по-видимому, большей позиционной свободой в предложении. В них еще сохраняется след лексического значения, благодаря чему они с большей определенностью указывают на объекты сравнительного отношения независимо от их места в предложении. Может быть, их семантическая определенность и позиционная свобода — те свойства, которые повышают их пригодность именно в научных текстах. Трансформация предложных сочетаний в конструкции с родительным объекта на обычном уровне сложности невозможна.

Мы рассмотрели один тип логико-синтаксических структур, в составе которых функционируют формы сравн. степени прилагательных: тот, в котором второй объект сравнения получает явное языковое выражение. Рассмотрено было четыре синонимических конструкции, употребление которых связано с различными стилями литературной речи: конструкция с родительным объекта преимущественно связана с разговорными стилями, конструкция со сравнительным оборотом наиболее нейтральна в стилевом отношении, придаточные сравнительные предложения преимущественно связаны с книжными стилями, предложные сочетания с предлогами *по сравнению с* и др. являются приметой книжного стиля.

Логическая структура суждения в рассмотренных случаях трехчленна. По отношению к ней языковые структуры отличаются вариативностью, динамичностью, син-

кретизмом, эллиптичностью. Варианты создаются различными синтаксическими способами выражения второго объекта сравнения. Динамичность создается тем, что в качестве базы сравнения может быть выделен любой из признаков двух объектов. Синкретизм языкового выражения в том, что лексическое название признака и логическое отношение сравнения выражаются в одной форме сравн. степени прилагательного. Эллиптичность языковой структуры достигается сокращенным наименованием по признаку. Результатом эллипсиса в языковой структуре является смещение грамматических связей относительно логических.

Некоторые из этих конструкций можно считать синтаксическими вариантами, так как они трансформируются друг в друга и стилевые сферы их употребления перекрещиваются. Наиболее полными вариантами являются предложные сочетания с предлогами *по сравнению с* и др. и обособленные сранительные обороты с союзом *чем*. Вариантными при определенных семантических условиях являются конструкция с родительным объекта и конструкция со сравнительным оборотом. Наибольшими возможностями прогрессивного развития из числа рассмотренных синтаксических вариантов обладает конструкция с обособленным сравнительным оборотом. В пользу такого мнения говорит их синтаксическая расчлененность, которая облегчает их введение в самые развернутые и перегруженные синтаксическими связями предложения, семантическая гибкость, позволяющая сосредоточить фокус сравнения на любом признаке сопоставимых объектов, эллиптичность, проявляющаяся в сокращенном наименовании второго объекта сравнения, распространенность в разных стилях речи, способность заменять собой и покрывать сферы употребления всех других сравнительных конструкций, отсутствие избирательности к синтетическим или аналитическим формам сравнительной степени. Между тем, именно эти конструкции отличаются непрямым, усложненным соответствием с логической структурой сравнительного суждения лежащего в их основе. На примере развития этого типа сравнительных конструкций можно наблюдать сложные типы взаимоотношения форм мышления и языка.

ЧУЖОЕ — СВОЕ

(От заимствования к словотворчеству)

А. А. Брагина

1

Заимствованные слова — это не коллекция иноязычных вкраплений в русском языке. В заимствующем языке происходит активное усвоение чужого слова. Иноязычное слово, входящее в чужой язык, вначале представляет «более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствующего» [1]. Следовательно, заимствующий язык не просто, не пассивно усваивает чужое слово, а захватив подходящий «лексический материал», придает ему свою форму, свое содержание — как бы «вновь его создает» [2].

Рассмотрим на конкретных примерах, каким может быть «захват» лексического материала. Обратим внимание на самый характер заимствования чужих слов. В истории разных литературных языков есть периоды особого увлечения чужим. «И вот в XVII веке люди, знавшие из латыни только то, что им вдолбили в школе, нашпиговывали латинскими словами каждую фразу. Им казалось, что говорить или писать иначе, особенно в торжественных случаях, нельзя... Считалось, что «слово *спальня* хуже, чем *дормиторий*, а *старший над пушками* хуже, чем *генерал артиллерии*. Мы сохранили *спальню*, но отказались от *старшего над пушками*» [3]. И хотя это написано о польском языке, но и русский язык знает такие же колебания между чужим и своим. Чужие, еще не освоенные слова выделяются на фоне своих слов. А пестрое смешение слов и словоформ из разных языков создает особый комический эффект, даже особый стиль, известный под названием макаронического (от собственного имени — наз-

---

[1] *А. И. Смирницкий.* Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 235.

[2] *А. Доза.* История французского языка. М., 1956, стр. 135. См. об активной роли заимствующего языка: *Л. П. Якубинский.* Несколько замечаний о словарном заимствовании. «Язык и литература», т. 1, вып. 1—2. Л., 1926.

[3] *Я. Парандовский.* Алхимия слова. Пер. с польского. М., 1972, стр. 199.

вания комической поэмы Т. Фоленго «Baldus o Macaronea» (1517), в которой латынь смешивается с живой итальянской речью). В этом случае чужое слово остается чужим, оно остранено и выполняет своеобразную «престижную» функцию.

Возьмем небольшой отрывок из повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845 год): «Тарантас остановился у большого дома...

— Гостиница,— сказал ямщик и бросил вожжи. Бледный половой... встретил приезжих с разными поклонами и трактирными приветствиями...

— А что есть обедать?

— Все есть.

— Как все?

— Щи-с, суп-с. *Биштекс* можно сделать. Да вот на столе записка,— прибавил половой, гордо подавая серый лоскуток бумаги. Иван Васильевич принялся читать:

ОБЕТ!

1. Суп.— *Липотаж.*
2. Говядина.— Телятина с *цидроном.*
3. Рыба — раки.
4. Соус — *Патиша.*
5. Жаркое. Курица с рысью.
6. Хлебенное. Желе сапельсинов».

В просторечье слуги вплетаются английские и французские слова, искаженные почти до неузнаваемости: *биштекс* — английское beefsteaks ‘бифштекс — кусок жареного мяса’, *липотаж* — французское le potage ‘суп’, *цидрон* — французское citron ‘лимон’, *патиша* — это, по-видимому, французское pâte-à-chou ‘пирожное с кремом в виде «шу»’, т. е. ‘капусты — цветной капусты’. Скорее же всего «Соус — Патиша»—это «пат»—‘масса из капусты, квашенной капусты’— обычное русское блюдо. Возникают тавтологические ряды: давно усвоенное немецкое слово *суп* (Suppe) заменяется французским *липотаж* — le potage = ‘суп — суп’. Французское *цидрон* — citron заменяет уже ставшее русским, очень рано заимствованное арабо-персидское слово *лимон* (через ново-греческий или итальянский) [4]. Замены эти тавтологические.

[4] *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, стр. 497.

Теперь сравним эту ситуацию из «Тарантаса» с другой речевой ситуацией из повести Бориса Лавренева «Ветер. О днях Василия Гулявина»: «...решил Гулявин съездить в Питер», к своей Аннушке, «что служила в кухарках у инженера Плахотина на Бассейной... В крайнем разе отъемся на *инженеровых бламанжах*...» Язык Василия Гулявина — это тоже просторечье с характерной путаницей и искажением слов (в *крайнем разе* вместо *в крайнем случае*, *бламанжах*).

Французское по происхождению слово *бламанже* — в русском языке несклоняемое существительное — означало *сладкое кушанье* ‘желе из молока с миндалем, сахаром’, от французского blanc ‘белый’ и manger ‘есть, кушать, кушанье’ [5]. В речи Гулявина *бламанже* не просто искажено (*на инженеровых бламанжах*), но получило одновременно с формой множественного числа и склонением по аналогии со своими словами еще и особое осмысление: *инженеровы бламанжи* — это ‘вкусная, сытная еда вволю’, какая обычно недоступна простому люду (можно, наконец, отъесться!).

Следовательно, перед нами разные типы макаронизмов. В первом случае (из Соллогуба) — тавтологические новые наименования известных предметов. Здесь нет осмысления нового слова, здесь только остранение реалии с помощью нового чужого наименования. Чужое слово подчеркнуто выделено. В этом весь его смысл. В пробуждающемся языковом сознании оценивается сила слов— притягательность нового, чужого, быть может непонятного загадочного названия. Возникающие синонимические ряды тавтологичны. Именно это создает комический эффект: повторение одного и того же на двух языках, тождественная замена своего чужим (*суп — липотаж* ‘суп’; *лимон — цидрон* ‘лимон’).

Во втором случае (*бламанже — на инженеровых бламанжах*) чужому слову придан свой особый смысл: ‘еда с барского стола’. Чужое слово не только расширяет значение, но и получает социальную окраску, включается в речевую систему говорящего.

А теперь сопоставим с предшествующими речевыми ситуациями такие строки из фельетона А. Зорича «Точка

[5] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.— Л., 1948—1965, т. I, стлб. 501. Далее ССРЛЯ с указанием тома и столбца.

зрения» (двадцатые годы): «...фельдшера уважали за ученость и за удивительную способность закруглять речь словами и оборотами, совершенно загадочными для аудитории и едва ли понятными самому Тетерке. В частности, язык он называл *лингвою* и необычайно любил слово *агрегат*, придавая ему, видимо, значение чисто медицинское...» Чужое непонятное слово *лингва* или *агрегат* выполняют ту же «престижную» функцию, что и соллогубовские *липотаж*, *патиша*.

Интересна роль макаронизмов, остраненных чужих слов в современном речевом обращении. Возьмем такой диалог из повести Юрия Сбитнева «Жизнь как жизнь»: «— На вот хлебни горяченького...
— Что это?
— Лекарство. *Какава с мясом...*»
Какао — какава — это слово, как видим, не только подчинено орфоэпической и грамматической норме говорящего, но и осмысленно им по-своему. Чужое слово звучит как экзотическое, но не загадочное имя. Комический эффект достигается преднамеренным сочетанием несочетаемого: ‘сладкий напиток какао с мясом’.

В рассказе Ильи Зверева «Всем лететь в космос» чужое слово *эскалоп* тоже остранено. Оно как бы лишено содержания и осмысляется только в ситуации, в контексте, но как бесполезный, тавтологический синоним: «Обед в ресторане «Украина»... Какой-то *эскалоп*, заказанный за красивое имя. *Кусок мяса*, который принесли в мисочке с серебряной крышкой». Чужое слово *эскалоп* — это и есть ‘поджаренный ломоть отбивного нежирного мяса’ (ССРЛЯ, 17, 1915) — французское escalope известно с конца XVII в., первоначально ‘ракушка, содержащая в себе нечто съедобное’ [6]. «Ресторанное имя» поджаренного куска мяса — *эскалоп* — выполняет «престижную» функцию и иронично снижается синонимической заменой — тавтологичным *кусок мяса*. Эффект осведомленности на этом социальном и культурном уровне уничтожает эффект ложной престижности.

Существует термин «иноязычные вкрапления» [7]. Само

---

[6] *A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand.* Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1964, стр. 274.

[7] См. опыт классификации различных типов вкраплений: *А. А. Леонтьев.* Иноязычные вкрапления в русскую речь. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966.

слово «вкрапления» говорит о чем-то не только чужеродном, но и постороннем. И с этой точки зрения термин представляется весьма условным. Макаронизмы первого типа (в речевой ситуации из «Тарантаса» и в речи Тетерки) можно представить как вкрапления, но и они уже имеют определенное значение в речи, мотивированы желанием говорящего выделить свою языковую и культурную осведомленность («языковая престижность»). Функция таких иноязычных слов имеет две — резко различных — стороны: 1) любое иностранное чужое слово в речи говорящего — средство «возвыситься» над родной речевой стихией; 2) подчеркнув чужеродность иностранных слов в речи говорящего, высмеять его. Именно такая макароническая речь представляет как бы два текста —«текст в тексте», «в своем —чужое». Чужое слово — здесь тавтологический синоним — связано с проблемой культуры речи, нормой, и шире — с образованием говорящего, с его культурой вообще. Заметим, осмеяние макронической речи возможно, разумеется, лишь в том случае, когда есть уже принятые всеобщие языковые нормы, когда возможно противопоставление, контраст между «есть» в речи говорящего и «должно было бы быть» по общеязыковым нормам. (Ср. ряды «свое — чужое»: И. П. Мятлев. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой *за границею, дан л'этранже*».)

Макаронизмы второго типа (речевая ситуация Василия Гулявина или «какава с мясом»), хотя и связаны с проблемой культуры речи, обнаруживают совсем иной характер этой связи: внешнему искажению слов противостоит их внутреннее осмысление. Такие макаронизмы уже могут быть названы вкраплениями весьма условно. Они испытывают активное отношение говорящего, и представляют определенные звенья в речевом потоке, звенья единой речевой цепи — текста. Здесь невозможно выделить два текста — свой и чужой. Свое и чужое объединено единой коммуникативной функцией. Чужое слово семантически осмыслено. Здесь нет тавтологических рядов. Здесь можно проследить формирование новых синонимических рядов: *бламанже — сладкое кушанье* и *бламанже* (*бламанжи*) *— еда с барского стола*. Тавтологическое соотнесение остраненного чужого слова со своим может быть и мотивированным особым приемом иронии (*эскалоп — кусок мяса*). Как видим, чужое

слово вводится говорящим в с в о ю речь не спонтанно, даже в случае абсолютной тавтологической замены действует принцип «престижности».

А. А. Леонтьев выделяет спонтанные вкрапления («мышление на языке») и сознательно выбранные и выделенные слова («мышление о языке») [8]. Однако, в эту классификацию представляется необходимым внести ограничительное уточнение. Макаронизм, остраненное чужое слово — вкрапление чужого элемента — как бы подразумевает, как мы могли заметить, в ы б о р слова с о п р е д е л е н н о й ц е л ь ю. В художественной литературе функция выразительности (сознательный выбор слова) составляет характерную черту текста, но и в обычном речевом потоке «вкрапление» — макаронизм и тем более остраненное чужое слово — не возникает спонтанно. Спонтанным макаронизм может быть только в случае, если говорящий билингв, путающий два языка в силу своего двуязычия, или, говорящий, недостаточно зная чужой язык, «вкрапливает» слова и фразы на своем родном языке, искажает фонетический и грамматический облик слов под влиянием родного языка — «ломаная речь» [9].

Есть еще один тип «вкраплений», отличающийся и от обоих типов макаронизмов, остраненных чужих слов и от «спонтанных вкраплений» (в «ломаной речи»). Это иноязычные слова и выражения, употребляющиеся в русском языке без перевода mutatis mutandis — латинское выражение — ‘изменить то, что требует изменения = с соответственными, вызываемыми самим существом факта, явления и т. п. изменениями, поправками приложимо, применимо и т. п. к чему-либо’; je m'en fiche — французское выражение — ‘мне наплевать = выражение полного равнодушия, безразличия’; who's who — английское выражение — ‘кто это? кто кем является (кто есть кто)’; название биографических словарей-справочников [10].

---

[8] *А. А. Леонтьев.* Указ. соч., стр. 67.

[9] Ср. наблюдения: *Ю. Т. Листрова.* Художественные функции немецких вкраплений в русской речи Карла Ивановича (Л. Толстой. «Детство» и «Отрочество»). «Материалы по русско-славянскому языкознанию». Воронеж, 1974, стр. 76—88.

[10] См. собрание таких наиболее употребительных слов и выражений: *А. М. Бабкин, В. В. Шендецов.* Словарь иноязычных слов и выражений, употребляющихся в русском языке без перевода в 2 книгах. М.— Л., 1966.

Такие выражения «пересыпают» речь людей, владеющих иностранными языками, образованных, близких к книжной языковой традиции. Они могут быть употреблены подобно макаронизмам первого типа — ради создания «эффекта учености». Евгений Онегин у Пушкина умел

Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale.

Евгений Онегин, который учился «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», стремится создать о себе мнение как о человеке ученом и достиг этого («ученый малый, но педант»).

В ситуациях Евгения Онегина и, вспомним, Тетерки есть сходство, общность в использовании чужих слов. Однако сам характер употребления чужих слов различен. В речи Тетерки чужие слова выделяются своей непонятностью и загадочностью. В употреблении чужих слов «на уровне Тетерки» обычно сочетание несочетаемого или тавтология своего и чужого (*агрегат* в чисто медицинском значении или *суп — липотаж.*) В речи Онегина чужое слово уместно и оправданно, хотя сохраняет полностью свой ч у ж о й облик. Очевидная целесообразность употребления чужих слов здесь создает эффект осведомленности.

Основная функция слов и выражений, употребляемых без перевода, транскрипции и даже транслитерации,— семантико-стилистическая. Эти слова, конечно, воспринимаются как чужие в родном языке говорящих, но они подобны интернационализмам. Их семантическое содержание в общем одинаково в любом заимствующем языке. Ср. из А. И. Герцена («Былое и думы») несколько строк из воспоминаний о пребывании Гарибальди в Англии: «Camicia rossa... появление человека в *красной рубашке* на улице делает взрыв восторга... старший сын королевы Виктории и босой sweeper, родившийся без родителей, ищут наперерыв его руки, взгляда, слова... Как тень гамлетова отца, гость... исчез. Где он?.. Народ английский одурачен. Великий глупый народ,— как сказал о нем поэт... Бедный лев-бык, ступай на свой hard labour, тащи плуг, подымай молот».

А. И. Герцен «вкрапливает» в свою речь несколько иностранных слов, не прибегая к транслитерации, оставляет орфографию языка-источника, а перевод допуска-

ет в том случае, когда это не грозит потерей дополнительных коннотативных оттенков значения. Если для заглавия взято итальянское словосочетание camicia rossa и тем самым как бы подан сигнал о национальной принадлежности героя очерка — Гарибальди, то в тексте уже дан перевод — *красная рубашка*. Нет надобности вторично сообщать повествованию итальянский колорит: действие происходит в Англии. *Красная рубашка* уже становится символом общенациональных прогрессивных идей. И английские слова sweeper ‘метельщик, подметальщик, мусорщик’ и hard labour ‘тяжелый, каторжный труд’ своей национально-коннотативной окраской помогают сосредоточить внимание на жизни английского народа.

Особый оттенок значения вносит непереведенное французское сочетание в ряд *центр армии Наполеона — Великая Армия* — Grande Armée: «... *центр армии Наполеона*, или так называемая *Великая Армия*, Grande Armée, был уже почти разгромлен...». В. Катаев («Кладбище в Скулянах») сначала дает описательное определение — *центр армии Наполеона*, затем сменяет его именем, существовавшим для избранных наполеоновских полков. Но это имя последовательно дано — в переводе, а затем на французском языке. Grande Armée — блестящее ч у ж о е имя по контрасту выделяет предикат *уже почти разгромлен* и позволяет подчеркнуть чуждость наполеоновских войск на русской земле.

Хотя чужие слова имеют русские эквиваленты, соответствия в русском языке, но в переводе они теряли бы национально-коннотативные оттенки значения, связанные с жизнью итальянского или английского народа, с определенной исторической эпохой.

Приведем еще один, но яркий пример. В. И. Ленин в письме к М. И. Ульяновой (2 января 1910 г.) заметил: «Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette révolutionnaire к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers)» [11]. Без перевода остается goguette révolutionnaire, так как ‘вечеринка революционно настроенной молодежи’, как и ‘песенники’, утрачивает национально специфические оттенки значения. Иноязычные слова и выражения, употребляемые без перевода и трансли-

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 302.

терации, сохраняют орфографию и орфоэпию языка-источника. Это как бы ограждает чужое слово от ассимиляции заимствующим языком, обеспечивает устойчивость. Однако в самом контексте такие чужие слова не выпадают из общей словесной цепи, а поддерживают функционально-стилистическое единство. Вот что пишет о таком употреблении чужих слов Ф. П. Филин. Отмечая, что слова в латинском или греческом написании, по-видимому, войдут в приложение к «Словарю языка В. И. Ленина», Ф. П. Филин делает очень важное пояснение: «... поскольку они употреблялись и употребляются в языке интеллигенции как органические вкрапления» [12] (разрядка моя. — *А. Б.*). Представляется очень существенным терминологическое определение этого рода вкраплений как органических.

Чужие слова — органические вкрапления — так же, как и макаронизмы, не однородны. Вкрапления типа mutatis mutandis, чаще из латинского или греческого (уже мертвых) языков, но и из живых языков, становятся интернациональным языковым достоянием, как бы подтверждают тенденцию интернационализации в языках мира [13]. Другой тип вкраплений — camicia rossa, sweeper, hard labour, goguette révolutionnaire, chansonniers — отражает прямо противоположную тенденцию: цепкость национально-коннотативных оттенков в слове, невозможность сохранения их в переводе. Именно это обусловливает употребление иноязычного слова без перевода и без транслитерации. Семантическая устойчивость приближает такие вкрапления к интернационализмам. Так же как и непереводимые заимствования из интернационального фонда, национально-коннотативные слова обычно не трансформируются. Если и возникают модификации, то они ограничены определенным контекстом, ситуацией, т. е. индивидуальным уровнем речи. Ср.: в «Словаре» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова фиксируется вошедшее во многие языки мира, в том числе и в русский, французское выражение c'est une

---

[12] *Ф. П. Филин.* О словаре языка В. И. Ленина.— ВЯ, 1974, № 6, стр. 5.

[13] См. об этом: *В. В. Акуленко.* Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972 (здесь же см. библиографию вопроса). См. также: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, и рецензию В. В. Акуленко (ВЯ, 1974, № 3).

autre chose! ‘это другое дело!’. В одном из писем А. И. Герцена (к М. К. Рейхель, от 23 июня 1856 г.) читаем «c'est *un* autre *дело*» [14]. Сила родного языка столь велика, столь заразительна, что вместе с лексической заменой chose — *дело* происходит своеобразное синтагматическое подчинение и согласование французского артикля с русским словом: une (женский род от chose) сменяет un (мужской род) — за неимением во французском языке артикля среднего рода выбирается артикль мужского рода, более соответствующий грамматическому роду существительного *дело*. Такая вольность граничит с ошибкой и допустима только в общении небольшого круга близких людей. Интернациональный характер такого вкрапления препятствует каким бы то ни было модификациям.

Оставаясь, казалось бы, за бортом системы заимствующего языка, чужие слова вливаются в синонимические ряды «чужое — свое»: camicia rossa — *красная рубашка*; sweeper — *метельщик*, *подметальщик*, *мусорщик*; hard labour — *тяжелый труд*, *каторжный* труд и т. п. Это не тавтологические повторения тождественных слов, слов-эквивалентов. Чужое «вкрапление» привлекается как особо выразительное, передающее национально-коннотативные оттенки значения слово. Ср. противопоставление: *старший сын королевы Виктории* и sweeper, *родившийся без родителей* — ‘сын королевы и мусорщик без роду и племени’, если перевести на русский язык с утратой английской коннотации и «фоновых» оттенков значения. В синонимический ряд такое заимствование входит как синоним в его основной дифференцирующей функции. В этом заключается органичность вкрапления. Происходит качественное обогащение речи говорящего. И тем самым обогащение языка заимствующего.

Противоположны чужие слова, на долю которых выпадает функция «культурного престижа». Ср. макаронизмы первого типа (*суплипотаж*), а также вкрапления типа онегинского vale или некоторые современные научные термины, например, *каузация действия*, *актантное значение* и т. п. Такие слова остаются чужеродными, хотя и могут подчиниться фонетической и грамматической норме говорящего (формальное подчинение). Но отсут-

[14] Из неопубликованных наблюдений А. К. Соловьевой в связи со «Словарем» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова.

ствие семантического освоения, немотивированность или тавтологичность остраняют чужое слово и оставляют его на границе заимствующего языка.

Заимствования протекают как бы в русле двух тенденций — интернациональной общности и национального сопротивления чужому. При этом интернациональные языковые элементы, как и ассимилированные, испытывают, хотя и в разной мере, активное действие заимствующего языка.

Совершенно справедливо считается, что тенденция интернационализации и интернациональность слов «не существует в одном изолированно рассматриваемом языке. Это межъязыковая синхроническая категория может быть выделена только в нескольких сопоставляемых языках, однако,—добавляет исследователь,—такое выделение возможно не на абстрактном уровне языковой структуры, «а на уровне нормы — путем применения ареального и синхронно-сопоставительного методов» [15]. Анализируя конкретный материал, мы и стремились подчеркнуть силу и значение конкретного заимствующего языка, его системы и нормы, в частности, роль синонимических отношений в определении места заимствования (тавтология или дифференцирующая функция).

А теперь проследим пути ассимиляции, превращения чужого слова в свое. Процесс этот наиболее нагляден с диахронной точки зрения.

2

Как известно, увлечение чужим словом характерно для эпохи Петра Первого — эпохи бурных международных контактов. Полна реальности воссозданная Алексеем Толстым в романе «Петр Первый» картина утра в боярском доме: князь Роман Борисович «грыз огурец, капая рассолом на камзол. Ни капусты с брусникой на столе, ни рыжичков соленых рубленых, с лучком. Жуя пирожок маленький,— черте с чем — спросил про сына:— Арифметику, батюшка, заучает. Уж и не знаю, что с головкой-то его будет... Рябоватая Ольга, самая дотошная до политеса, проговорила, морща губы: — Мишка все с мужиками да с мужиками. Вчерась опять в конюшне на балалайке куртаже делал и в карты по носам бился... Мажордом

[15] *В. В. Акуленко.* Вопросы интернационализации словарного состава. Харьков, 1972, стр. 196.

(по-прежнему — дворецкий): старый богомольный слуга, обритый, и наряженный как на святках, стукнул тростью и выкрикнул, что приехала боярыня Волкова... вошла боярыня Волкова... выставила ножку,— атласный башмачок с каблуком вершка в два,— присела по всей статье французской, не согнув передней коленки... Буйносовы девы, заваливаясь на зады в свой черед, так и ели гостью глазами. . .— Ах, ах, куафа на китовом усе, конечно...— С куафер чистое наказанье: на всю Москву один... Так я скучаю в Москве!.. так бы и полетела за границу... у царицы Прасковьи Федоровны живет француз — учит политесу, он и меня учит... Каждую ночь вижу во сне, будто я в малиновой бостроге танцую минувет, танцую лучше всех, голова кружится, кавалеры расступаются, и ко мне подходит король Людовик и подает розу. . .»

Слова *камзол*, *политес*, *куртаже* выделяются в тексте на фоне — *огурец*, *капуста*, *рыжички*, *лучок*, *пирожок*. Но сравним ряды слов: *огурец*, *капуста*, *атласный башмачок* — *арифметика*, *карты*, *король*, *роза* — *камзол*, *политес*, *куртаже*, *куафа*, *куафер*, *танцую*, *минувет*, *бострога*. Первый ряд — это слова, связанные с русским привычным бытом. Только ученый-этимолог прослеживает в них чужие корни, послужившие основой для собственно-русских образований: *огурец* — «образовано с помощью суффикса *-ец* от исчезнувшего *огуръ* (ср. польск. ogurek, фамилию *Огуров*), заимствованного из среднегреческого языка, в котором agouros — «огурец» восходит к aoros — «неспелый, незрелый». Или *капуста* — «общеславянское, заимствованное из латинского языка». Представляет собой, вероятно, контаминацию латинского caputium — «кочан капусты» от caput — «голова» со средне-латинским compos(i)ta — «варенье» (буквально — «составленное»); ср. итальянское composta «смесь, состав; компот; удобрение», первоначально «сложенная (зелень)». В средневерхненемецком kumpost «варенье» и «кислая (квашеная) капуста», возводится к латинскому caputium «кочан капусты» [16]. Так встретились и соединились kumpost и

[16] *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964, стр. 139; т. 2. М., 1967, стр. 188; т. 3. М., 1971, стр. 120. *Н. М. Шанский*, *В. В. Иванов*, *Т. В. Шанская*. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2. М., 1971, стр. 187, 304.

caputium в слове *капуста*, воспринимаемом уже давно как чисто русское слово в окружении производных — *капуста*, *капустный*, многозначного *капустник* ‘огород, червь, пирог, вечеринка’, *капустница* ‘бабочка (ССРЛЯ, 5, 793—794). Забыто латино-немецкое происхождение слова *капуста*, как и связь с греческим корнем имени *огурец*, не ощущаются как тюркизмы слова *башмачок* или *атласный*.

Второй ряд — *арифметика*, *король*, *роза* — хотя и не представляются чужими словами, но как бы противостоят своим бытовым, повседневным словам.

Третий ряд — слова, в ту пору только что заимствованные: *политес* — ‘образованность, вежливость’, *куафа* ‘прическа’, *куафер* ‘парикмахер’. В ситуации со словом *бострога*, созданной писателем, отражается путаница в осмыслении чужих слов. *Бострога* — «бострогъ — голландское borstrok, верхняя мужская одежда, преимущественно теплая»[17], а не женское нарядное платье. Отражено и искажение чужих слов, воспринимаемых часто «на слух»: делать *куртаже* (от французского *кураж* — ‘храбрость’) на балалайке — ‘делать выкрутасы’. Иногда Алексей Толстой вплетал в речевую ткань петровской эпохи и более поздние заимствования (*мажордом* — ССРЛЯ, 6, 489), чужеродность которых ощущалась современным читателем острее.

Жизненный путь существительного *политес* оказался коротким. Как свидетельствует «Словарь» Н. А. Смирнова, в Петровскую эпоху оно имело значение ‘вежливость’, соответствуя французскому politesse. Однако в слово *политес* вкладывалось и значение — ‘сумма, свод правил поведения’: *политес* — «и въ экипажахъ, и въ домовномъ строен, и въ уборахъ, и въ столахъ»[18]. И Н. А. Смирнов, и В. И. Даль фиксируют русифицированные формообразования и осмысления: *политизованный*, *политический*, *политикованный*, *политичный*. В производных прилагательных перекрещиваются две линии, связывающие французское *политес* ‘вежливость’ с заимствованием из немецкого — Politik и польского polityka (по происхождению греческих) — ‘искусство управлять го-

[17] *Н. А. Смирнов.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 63.
[18] Там же, стр. 230 (со ссылкой на Ф. А. Куракина).

сударством' [19]. Происходит как бы подключение производных прилагательных к одному источнику «семантического питания» — *политика*. Однако для имени *политика* значение 'вежливое обходительное обращение' устарело и перешло в просторечье, как перешли в просторечье и устарели прилагательные с этим значением. Уже В. И. Даль отметил значение *политичный* 'вежливый, обходительный' как областническое [20].

Семантическое освоение чужого слова — это первый этап его органического включения в заимствующий язык. От начала семантической ассимиляции до превращения чужого слова в свое само слово проходит этап переоформления и деривации в системе заимствующего языка. Чужой лексический материал оказывает сопротивление системе того языка, в которой он оказывается: отвоевывает право на свою грамматику (несклоняемые существительные), формирует в предложении так называемые «цепочковые конструкции» (*цвета беж*). Все это подтверждает возможность лексико-грамматической интернационализации в контактирующих языках (ср.: *цвета бордо* и *цвета вишни*, *чулки нейлон* и *пряжа камелан*) [21]. Но как бы ни сопротивлялись чужие слова, входя в систему заимствующего языка, они все же превращаются в его же неологизмы. Заимствования, усвоенные заимствующим языком, — это новые слова, которых в таком облике нет в языке-источнике (ср. *огурец*, *капуста*). Всякий раз заимствование — это неологизм заимствующего языка, созданный из чужого и своего материала: точнее, чужой языковой материал осмысляется в зависимости от социальных потребностей и оформляется по законам заимствующего языка.

Проследим рождение одного такого заимствованного слова — неологизма, возникшего в русском языке к середине 60-х годов. *Стресс* — от английского многозначного слова stress, одно из основных значений которого

---

[19] Там же, стр. 231.

[20] *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3, т. 3. СПб.— М., 1912, стлб. 656. Ср. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939, стлб. 522.

[21] Об этапах в ассимиляции заимствованных слов см. подробнее: *А. А. Брагина.* Неологизмы в русском языке. М., 1973, стр. 159—160 и др.

'подавляющая сила, напряжение' [22]. «Пожалуй, трудно назвать какое-либо другое научное понятие, которое так быстро вышло за пределы науки и так широко распространилось» (Лит. газета, 15 января 1975. Заметим, первая публикация о *стрессе* принадлежит Гансу Селье — профессору Монреальского университета — 1936 год). В русском языке новое слово сначала окружается пояснительным контекстом: «Неконтролируемый «информационный взрыв» неуклонно толкает человека к крайней стадии *стресса* (напряжения), к стадии *нервного напряжения*» (Лит. газета, 29 января 1969); «Случился у него *нервный стресс*, сейчас он впал в глубокую душевную депрессию...» (В. Сапожников. Счастливчик Лазарев). Как видим, одновременно с семантическим пояснением слово получает категорию рода, отсутствующую в языке-источнике (ср.: *хронический*, *физиологический*, *психологический*, *эмоциональный стресс*). «Опасность *стресса*» (Лит. газета, 18 февраля 1970); «Можно ли жить без *стресса*?» (Лит. газета, 15 января 1975) — в результате грамматического подчинения слово *стресс* получает и русскую категорию падежа. Как термин *стресс* — родовое понятие: *эвстресс* — хороший, положительный стресс, *дистресс* — плохой, отрицательный стресс. Однако в широком обиходе закрепилось за словом *стресс* отрицательное значение. Именно оно проявляется в возникшем по правилам русского словообразования прилагательном — *стрессовый*: *стрессовая ситуация*, *стрессовое состояние* (Лит. газета, 29 января 1969), *стрессовые раздражители*, *стрессовые реакции* (там же, 15 января 1975). Неологизмы *стресс — стрессовый* демонстрируют активность заимствующего языка.

Еще в большей мере позволяют понять силу заимствующего языка так называемые потенциальные и окказиональные слова, производные от заимствованных слов. Возьмем несколько примеров и проанализируем их: ...мы долго взаимно «аллокали», пока, наконец, поняли, кто звонит и кому... (М. Мержанов. Олимп футбольный. 1967); ...таперы *чарльстонили* на клавишах... И цирковая шарманка *таперствовала* в

[22] The Oxford Dictionary. Oxford, 1956, стр. 1253. См. также: Новые слова и значения, словарь-справочник, под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971, стр. 458.

балаганах и шапито. . . (Маэстро, туш! Юность, 1972, № 1); Пора было идти вниз, *ленчевать*. Перекусить, по-нашему (Комс. правда, 21 января 1973). Ряд слов: «*аллокать*», *чарльстонить*, *тапёрствовать*, *ленчевать* — воспринимаются как глаголы, как слова, обозначающие определенные действия.

В свое время В. А. Богородицкий предложил считать слово сочетанием «материальных и формальных элементов». Он выделил основу — «так сказать материальную часть или собственное значение слова» и окончание — «чисто формальную часть слова» [23]. Вероятно, здесь следует подвергнуть сомнению такую безоговорочную классификацию окончаний как «чисто формальной части слова». В словах с чужими корнями русские аффиксы и окончания позволяют «схватить» грамматическое значение, без которого собственно нет слова. Ср.: ...из таинственных *кулис форганга* появляется *зафраченный шпрехштальмейстер*... (Маэстро, туш! Юность, 1972, № 1); 300 000 зрителей собирают сейчас *стадионы* в *туровые* дни *чемпионата* (Правда, 13 мая 1974); ...«холден» *припаркован* в *гараже мотеля* (Б. Чехонин. Австралия: города и люди). Окончания заимствованных слов — *кулисы*, *форганг*, *шпрехштальмейстер*, *стадионы*, *чемпионат*, *гараж*, *мотель* — сообщают категорию рода, падежа, говорят о синтаксической функции слова в предложении, что никак нельзя назвать чисто формальным явлением. Если же проанализировать потенциальные слова — *зафраченный* (шпрехштальмейстер), *туровые* (дни), («холден») *припаркован*, то здесь вообще нельзя назвать формальным ни один элемент, так как ситуативно образованные слова легко понимаются благодаря прозрачной соотнесенности с словообразовательной моделью, благодаря закрепленным в системе семантическим и грамматическим значениям каждого элемента. Ср.: *зафраченный — заснеженный*, *туровый — кубковый*, *припаркован — пришвартован*. Для понимания таких слов важно не только знание производящего слова — *алло*, *чарльстон*, *тапер*, *ленч*, *фрак*, *тур*, *парк* ‘стоянка машин — park-in’, а понимание и ощущение семантической и грамматической системы заимствующего языка,

---

[23] *В. А. Богородицкий.* Очерки по общему языкознанию и русскому языку. М., 1939, стр. 162; *Он же.* Лекции по общему языкознанию. М., 1915, стр. 154.

Оттенки значения в производных словах возникают на русской почве в пределах русской словообразовательной системы. М. Шагинян в своих воспоминаниях «Человек и время» позволяет себе такое окказиональное словообразование: «...я рассталась с Линой и со своей курсячьей средой», одна из моих «*курсячьих*» подруг...» Нормой принято производное от *курс — курсы* относительное прилагательное *курсовой — курсовые*. Писательница образует притяжательное прилагательное *курсячий* по типу *поросячий*, и это оформление слова передает отношение автора к описываемой ситуации.

Так, в пределах заимствующего языка, вливаясь в новую форму, чужое слово дает новые деривации, получает новые значения и новые оттенки значения, и тем самым все новые и новые выразительные возможности.

Жизнь чужих слов, как мы стремились показать, складывается весьма разнообразно. Приведенные примеры не исчерпывают, конечно, всего разнообразия. Демонстрируя различные типы заимствований — от макаронизмов до слов, инородность которых просматривается только этимологически,— мы пытались раскрыть отношение чужого слова к системе заимствующего языка и отношение самих говорящих к чужому слову.

Чужое слово, получив «новую оформленность», может остаться плохо осмысленным «куском лексического материала» (*липотаж*, *патиша*, *с цидроном*, *делать куртаже*) и, наоборот, полностью сохранив форму языка-источника (hard labour) быть органическим вкраплением, выражать тончайшие нюансы мысли в речи говорящего. Тем самым функция заимствованного слова в первую очередь определяется семантической ассимиляцией.

Степень ассимиляции определяет место и функцию чужого слова в системе заимствующего языка (чужое — макаронизм, чужое — органическое вкрапление, чужое — свое слово, чужое — потенциальное или окказиональное слово). Ассимиляция может быть названа полной лишь тогда, когда чужое слово включается в процесс словотворчества: чужое слово становится «материальной частью», как бы вновь создается само и служит источником для образования новых слов. Истинная этимология забывается, возможны семантические переключения. Новая «синхронная этимология» уже отражает жизнь ассимилированного слова в новых языковых и

социальных условиях (ср.: *политес* и *политика*, *политикованный*, *политичный*, *политический*). Включаясь в систему заимствующего языка, чужое слово приобретает синонимические связи и, теряя окраску чуждости, закрепляет дифференцирующий оттенок значения. Процесс вживания чужого слова в систему заимствующего языка — это процесс словообразования, словотворчества.

Попытаемся подытожить:

1. Проблема заимствования имеет две стороны. Чужое слово заимствуется из чувства ложного «культурного престижа» (макаронизмы первого типа), сохраняет остраненность и остается за бортом заимствующего языка. В тех же случаях, когда чужое слово органически вживается в заимствующий язык, оно обычно обогащает этот язык.

2. Экскурсы в историю языка позволяют выявить интернациональные и национальные тенденции в развитии лексики, определить место слова в новой лексической системе. Такой анализ раскрывает активную роль заимствующего языка, отношение говорящих к чужим словам (макаронизмы первого и второго типов, остраненное чужое слово, органическое вкрапление, неологизм).

3. Тавтологические ряды синонимов «свое — чужое» демонстрируют тождество оппозиций, семантико-стилистическую слабость противопоставлений. Тем самым обнаруживается ненужность чужого слова.

4. Заимствованное слово как наименование новых реалий или как синоним, выражающий особые оттенки понятия, становится фактом обогащения словаря.

5. Процесс словообразования, словотворчества начинает и завершает ассимиляцию чужого слова. Семантическое осмысление, синонимические связи, деривация превращают чужое слово в свое.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В. Н. Хохлачева.
ПРОБЛЕМА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ (К ПОНЯТИЮ НОРМЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ). 5

Г. И. Миськевич.
К ВОПРОСУ О НОРМЕ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ. 42

А. Г. Лыков.
ОККАЗИОНАЛИЗМ И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА. 62

Е. Л. Гинзбург.
К РАЗРАБОТКЕ КРИТЕРИЕВ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ. 83

Л. П. Катлинская.
НОВАЯ КАТЕГОРИЯ СЛОВ В РАЗРЯДЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. 92

Л. К. Чельцова.
ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ИСХОДНАЯ ФОРМА В ЛЕКСИКОГРАФИИ. (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.) 106

Л. К. Граудина.
СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ: ВЕС ПЕРЕМЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ГРАММАТИКЕ (ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ). 144

Б. С. Шварцкопф.
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И НОРМА. 171

А. Б. Копелиович.
К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА. 178

Л. Н. Кузнецова.
О ПРОИЗНОШЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА *-КИЙ*, *-ГИЙ*, *-ХИЙ* В СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ. 193

С. Н. Борунова.
ОБ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ (*РА́ЗВИТЫЙ — РАЗВИ́ТЫЙ — РАЗВИТО́Й*). 206

В. А. Ицкович.
ОЧЕРКИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ. 4. КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ *ПО*. 216

М. И. Морозова.
ЛОГИКА И СИНТАКСИС СРАВНЕНИЯ (ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). 234

А. А. Брагина
ЧУЖОЕ — СВОЕ (ОТ ЗАИМСТВОВАНИЯ К СЛОВОТВОРЧЕСТВУ). 250

ИРЯ
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

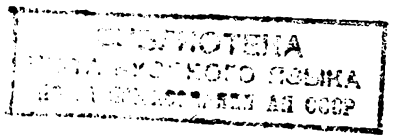
ГРАММАТИКА И НОРМА

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *М. З. Шлосберг*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*
Корректоры *Р. С. Алимова, Ю. Л. Косорыгин*

Сдано в набор 20/XII-1976 г.
Подписано к печати 24/III-1977 г. Формат 84×108¹/₃₂
Усл. печ. л. 14,28 Уч.-изд. л. 15,1 Бумага № 2
Тираж 11700 Тип. зак. 1724 Цена 96 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10



Издательство «Наука»

Готовятся к печати книги:

ДАНИЛЕНКО В. П.

Русская терминология. Опыт лингвистического описания. 15 л. 95 к.

Работа представляет собой исследование русской терминологии в категориях лингвистики языка с элементами лингвистики речи. Рассматриваются существенные для изучения терминологии вопросы: место терминологии в структуре современного русского языка; терминология в грамматическом отношении; лексико-семантическая характеристика терминологии.

Книга предназначается для лингвистов и терминологов-практиков, а также для студентов старших курсов филологических факультетов.

Литературная норма и просторечие. 15 л. 95 к.

Сборник посвящен сложным и недостаточно разработанным проблемам функционирования просторечия в структуре современного национального русского языка, взаимодействия разговорных и просторечных элементов с литературным языком на уровне лексики, грамматики, орфоэпии и стилистики. Особое внимание уделяется вопросам нормы и ее лексикографической кодификации.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, редакторов, журналистов, а также на широкие круги читателей, интересующихся актуальными вопросами культуры речи.

ЛОПАТИН В. В.

Русская словообразовательная морфемика. (Проблемы и принципы описания). 18 л. 1 р. 15 к.

В работе рассматриваются актуальные и малоразработанные проблемы словообразовательной морфемики современного русского языка и принципы ее грамматического описания. В центре внимания автора два основных вопроса: морфемное членение слова и словообразовательная морфонология.

Книга рассчитана на специалистов в области общего языкознания, преподавателей вузов, аспирантов, студентов филологических факультетов.

Современная русская лексикография. 15 л. 1 р.

Книга является продолжением исследований, опубликованных в первом сборнике под тем же названием (1975). Статьи сборника посвящены дальнейшему обобщению опыта лексикографической работы, усовершенствованию методов и приемов лексикографирования. Специфика сборника определяется предстоящим переизданием академического «Словаря современного русского литературного языка».

Книга рассчитана на специалистов — лексикографов и лексикологов, студентов и преподавателей вузов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
252030 Киев, ул. Пирогова, 4
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7
117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12
630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
450074 Уфа, проспект Октября, 129
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

96 коп.

